

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

Тема номера:
ВЕЛИЧАЙШЕМУ РУССКОМУ ДРАМАТУРГУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ОСТРОВСКОМУ
200 ЛЕТ

2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобр-науки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2072-8522 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадаский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., ГУП

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2023. — № 2. — 124 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of the journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology"
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Philology" series is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.philologymgou.ru, www.vestnik-mgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2023. – No. 2. – 124 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИЧАЙШЕМУ РУССКОМУ ДРАМАТУРГУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ОСТРОВСКОМУ 200 ЛЕТ

Представляем тему номера

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алтабаева Е. В.* Предложения желательности как средство речевой характеристики персонажей комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». 8
- Головачева О. А.* Лингвистический взгляд Н. С. Лескова на оценку пьес А. Н. Островского. 14
- Лагузова Е. Н.* Стилистическая значимость аналитических конструкций в драматических произведениях А. Н. Островского 20
- Леденёва В. В.* Имя А. Н. Островского в текстах Н. С. Лескова 29
- Шаповалова Т. Е.* Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» 43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алпатова Т. А.* «Ловушка красоты» в художественной антропологии А. Н. Островского 56
- Беляева И. А.* Островский в оценке Тургенева: размышления о перспективах социально-психологического театра. 66
- Киселева И. А., Поташова К. А.* «Богатырь в кабинете...»: личность писателя в очерке С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский» (1897). 76
- Мосалева Г. В.* «Русская одиссея» А. Н. Островского (путь исторической России и судьба героя). 86
- Павлова И. Б.* Драма «Гроза» А. Н. Островского – объект полемики Л. Н. Толстого с Н. А. Добролюбовым. 98

РЕЦЕНЗИИ

- Елина Е. А.* Языковая концептуализация восприятия. Рецензия на книгу: Авдеевнина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 416 с. 113
- «Там свидимся опять...»: памяти Веры Николаевны Аношкиной-Касаткиной. 117

CONTENTS

THE GREATEST RUSSIAN PLAYWRIGHT ALEXANDER NIKOLAYEVICH OSTROVSKY IS 200 YEARS OLD

Introducing the Theme of the Issue.

LINGUISTIC STUDIES

- E. Altabaeva.** Sentences of Desirability as a Means of Speech Characteristics of the Characters of A. N. Ostrovskii's Comedy "Enough Stupidity in Every Wise Man" 8
- O. Golovacheva.** N. S. Leskov's Linguistic View on Assessment of A. N. Ostrovsky's Plays. 14
- E. Laguzova.** Stylistic Significance of Analytical Constructions in the Dramatic Works of A. Ostrovsky 20
- V. Ledeneva.** The Name of A. N. Ostrovsky in the N. S. Leskov's Texts 29
- T. Shapovalova.** Lexico-Grammatical Markers of the Syntactic Time Category in A. N. Ostrovsky's Comedy "It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves" 43

LITERARY STUDIES

- T. Alpatova.** "The Beauty Trap" in Artistic Anthropology of A. Ostrovsky 56
- I. Belyaeva.** Ostrovsky in Turgenev's Assessment: Reflections on the Prospects for a Socio-Psychological Theater. 75
- I. Kiseleva, K. Potashova.** "The Hero in the Study ...": The Personality of the Writer in S. V. Maksimov's Essay "Alexander Nikolaevich Ostrovsky" (1897) 76
- G. Mosaleva.** "Russian Odyssey" by A. N. Ostrovsky (The Path of Historical Russia and the Fate of the Hero) 86
- I. Pavlova.** The Drama "Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky as the Object of the Polemic of L. Tolstoy with N. Dobol'yubov 98

REVIEWS

- E. Yelina.** Linguistic Perception Conceptualization. Book Review: Avdeynina O. Yu. The Situation of Perception in the Aspect of Its Syntactic and Artistic Modelling. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2022. 416 p. 113
- "There We will Meet Again...": In Memory of Vera Nikolaevna Anoshkina-Kasatkina. 117

ВЕЛИЧАЙШЕМО РУССКОМУ ДРАМАТУРГУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ОСТРОВСКОМУ 200 ЛЕТ

12 апреля 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского (1823–1886) – всемирно известного театрального деятеля, автора сорока семи оригинальных пьес, которые и сегодня составляют основу репертуара большинства отечественных театров. По словам И. А. Гончарова, Островский принёс «в дар целую библиотеку художественных произведений», создал «свой особый мир»¹.

Русский человек, взятый Островским из фрагментов судебных дел, из рассказов волжских купцов, из фольклорных и исторических сюжетов, больше всего интересовал писателя. Это и герой, демонстрирующий старорусские добродетели; и предприимчивый, корыстолюбивый, своевластный, жестокий купец; и услужливый чиновник, и помещик, и слуга, и приживалка, и богомольная странница, и лицемерный карьерист, и светлые духом «горячие сердца» – многие-многие разнообразные типы персонажей, показанные драматургом – глубоким знатоком русской жизни – в противоречивые минуты их личных и социальных испытаний.

Островского по праву называют выдающимся мыслителем, мастером яркого слова и меткого высказывания на злободневную тему. Юбилей писателя является благоприятной возможностью ещё раз прикоснуться к личности и творчеству литератора, поделиться размышлениями по поводу его творений.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леканта
Государственного университета просвещения, академик
Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского
государственного областного университета. Серия: Русская филология»*

¹ Гончаров И. А. Письмо Островскому А. Н., <12 февраля 1882 г. Петербург> // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 491.

УДК 82-21 Островский А. Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-8-13

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ КОМЕДИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО «НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ»

Алтабаева Е. В.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать роль предложений желательности (оптативных) в языке драмы как одного из средств речевой характеристики персонажей и выявить их выразительные возможности в пространстве драматургического текста.

Процедура и методы. В работе рассмотрены основные особенности функционирования предложений желательности (оптативных) в речи персонажей драматического произведения А. Н. Островского, выявлены и проанализированы разноуровневые средства, участвующие в создании художественного образа. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и дискурсивный анализ.

Результаты. Определена роль предложений желательности как средства речевой характеристики героев пьесы. На текстовом материале, ранее не подвергавшемся такому анализу, систематизированы средства категории оптативности, с помощью которых реализуется механизм создания художественной образности и выразительности в идиостиле А. Н. Островского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о выразительных возможностях, которыми обладают оптативные предложения, и перспективах их изучения на материале драматургических текстов.

Ключевые слова: А. Н. Островский, идиостиль, лингвопоэтика, оптативные предложения, речевая характеристика персонажей, язык драмы

SENTENCES OF DESIRABILITY AS A MEANS OF SPEECH CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERS OF A. N. OSTROVSKII'S COMEDY “ENOUGH STUPIDITY IN EVERY WISE MAN”

E. Altabaeva

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1, str. 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. We examine the role of sentences of desirability (optative) in the language of drama as one of the means of speech characterization of characters, and identify their expressive possibilities in the space of a dramatic text.

Methodology. The paper considers the main features of the functioning of sentences of desirability (optative) in the speech of the characters of A. N. Ostrovsky's dramatic work; multi-level means in-

volved in the creation of an artistic image are identified and analyzed. Use is made of the methods of observation, generalization, and interpretation of the results, as well as of discursive analysis.

Results. We determined the role of sentences of desirability as a means of speech characteristics of the heroes of the play. Using the text material, which has not previously been subjected to such an analysis, we systematized the means of the category of optativity, with the help of which a mechanism is realized for creating artistic imagery and expressiveness in the idiostyle of A. N. Ostrovsky.

Research implications. The results of the research expand and complement the ideas about the expressive possibilities that optative sentences are promising for their research on the material of dramatic texts.

Keywords: A. N. Ostrovsky, idiostyle, linguopoetics, optative sentences, speech characteristics of characters, language of drama

Введение

Александр Николаевич Островский – признанный мастер русской драматургии и русского слова. Язык его произведений наполнен особым народно-поэтическим колоритом, а речь героев его пьес отличается живым разговорным характером, непосредственностью и выразительностью, что позволяет читателю или зрителю увидеть яркие образы действующих лиц, психологические особенности личности, их внутренний мир и систему ценностей. Исследованию художественного мира драматурга, особенностей его поэтической системы посвящены труды таких известных учёных, как А. И. Ревякин [6; 7; 8], А. И. Журавлева [3], Л. Р. Коган [4], Л. М. Лотман [5], Е. Г. Холодов [9] и др.; пристального внимания исследователей заслуживает и языковая организация текстов А. Н. Островского, его идиостиль.

В настоящей работе мы хотели бы обратить внимание на роль в создании и раскрытии образа одного из элементов речевой характеристики персонажей – предложений с семантикой желательности. Эта проблема на материале драматических произведений ранее не рассматривалась, равно как и тексты пьес А. Н. Островского, в данном аспекте не исследовались, хотя, вне всякого сомнения, того заслуживают.

Предложения желательности (оптативные) отличаются специфической функциональной направленностью, характерной модальной семантикой и особой художественной выразительностью [1; 2]. Они являются неотъемлемым компонентом пространства художественного текста, в том

числе и драматургического. Активно функционируют такие предложения в речи героев пьес А. Н. Островского. Исследование их участия в создании художественного образа представляет для лингвопоэтики значительный интерес, тем более если учитывать специфичность художественного мира А. Н. Островского, богатство языковых средств и своеобразие индивидуально-авторского стиля драматурга.

Оптативные предложения в речи героев комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»

Для решения поставленной задачи мы избрали текст широко известной комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Написанная уже зрелым драматургом в 1868 г. и тогда же опубликованная в журнале «Отечественные записки», пьеса незамедлительно увидела свет в ноябре того же года, будучи поставленной на сцене Александринского театра в Петербурге.

Это произведение, созданное состоявшимся художником, признанным мастером драматического искусства, привлекает своей острой злободневностью, сатирическим изображением «экономически и морально оскудевающего дворянства» в пореформенный период 60-х – 80-х гг. XIX в., прорисовкой подчёркнуто комических черт характера персонажей¹.

¹ Русские писатели. Библиографический словарь / под ред. Д. С. Лихачёва, С. И. Машинского, С. М. Петрова, А. И. Ревякина. М.: Просвещение, 1971. С. 494.

А. Н. Островский, создавая яркие, запоминающиеся образы, с непревзойдённым мастерством владел искусством речевой характеристики героя, и это отмечали и современники, и исследователи, единодушно подчёркивая, что «языку его действующих лиц чужда и социально-диалектальная фотографичность, и нарочитая насыщенность характерными словечками, свойственными для их общественно-бытового круга. Типизируя речь своих персонажей как представителей известных социальных групп, Островский обращался ко всем её средствам: лексическим, морфологическим, фонетическим, синтаксическим и иным, чем достигал максимальной социально-бытовой колоритности»¹. Следует отметить, что реализация текстовой модели картины мира в драматическом произведении имеет определённую специфику, поскольку практически единственным изобразительным средством, имеющимся в распоряжении автора, выступает речь персонажей, если не считать «говорящие имена», фамилии и прозвища героев, авторские ремарки и представление действующих лиц в начале текста (например, *старик, очень важный господин; богатая вдова, барыня, родом из купчих; человек без определённых занятий*).

При характеристике и анализе предложений желательности в тексте вышеназванной комедии следует обратить внимание на то, что в системе средств представления категориальной семантики оптативности нами различаются два основных аспекта: грамматическая (предикативная) желательность и лексико-синтаксическая (предикатная) желательность: *Прочитать бы эту книгу, Прочитал бы я эту книгу – Я хочу (мне хочется) прочитать эту книгу*) [2, с. 139–153].

Оба эти аспекта представлены в тексте пьесы практически на равных. Например, грамматическая желательность (здесь и далее выделено нами. – Е. А.):

Глумова. *Да если бы польза была! ... Кабы все так думали... А уж я бы ему простила, только бы вперёд от глупостей остерегал*² – формы сослагательного наклонения.

Городулин. *Уж и это бы кстати*³ – независимо функционирующая частица *бы* в неполных и безглагольных предложениях.

Приведём примеры предложений желательности с лексико-синтаксическим её выражением – оптативными (модальными и модально-видовыми) глаголами в структуре предиката:

Глумов. *Маменька! Вот! (Указывая на Мамаева.) Только не плакать! Счастливый случай привёл к нам дядюшку Нила Федосееча, которого вы так порывались видеть.*

Глумова. *Да, батюшка братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.*

Курчаев. *Вон он хочет сотрудничком быть в юмористических газетах.*

Мамаева. *Иван Иванович хочет с вами познакомиться.*

Мамаев. *Ах, Иван Иванович! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.*

Глумов. *Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты*⁴.

Всего в тексте комедии обнаружено 109 примеров предложений с разноаспектными способами представления желательной семантики.

Одной из значимых функций предложений желательности в пьесе является их активное вовлечение в диалоги действующих лиц:

Глумов. *Я был бы откровеннее с вами, если бы...*

Мамаева. *Если б что?*

Глумов. *Если б вы были старуха.*

Мамаева. *Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.*

Глумов. *И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно дольше.*

¹ Русские писатели. Библиографический словарь / под ред. Д. С. Лихачёва, С. И. Машинского, С. М. Петрова, А. И. Ревякина. М.: Просвещение, 1971. С. 496.

² Островский А. Н. Навсякого мудреца довольно просто-ты // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0110.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

...

Мамаева. Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Глумов. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется быть у вас в долгу¹.

Герои часто используют для поддержания диалога лексические и грамматические средства выражения желания, аналогичные или синонимичные тем, которые ранее применили в своих репликах их собеседники. Повторы в ответных репликах усиливают сценический эффект воздействия на зрителя (читателя).

Исследователи отмечали, что Островский «подчинял речевые средства раскрытию социальной и индивидуальной сущности действующих лиц своих пьес. В связи с этим он усиливал, сгущал, подчёркивал в речах персонажей именно те особенности, которые наиболее способствовали выражению их ведущих идейно-психологических свойств»². Так, в образе главного героя Егора Глумова предельно чётко очерчен социально-психологический типаж карьериста-авантюриста, однако ведущая черта не поглощает остальные, и этот образ, как и другие, показан в комедии не однолинейно, а разнопланово. Глумов неглуп, воспитан, небездарен, о чём свидетельствуют его литературные способности, наконец, «молод, хорош собой, образован, мил», по словам Мамаевой. Тем интереснее проследить картину желаний этого героя, воплощённую в оптативных предложениях.

Предложения желательности, в силу их двунаправленного характера (в мир – Я и в мир – не-Я), отражают мир желаний и устремлений героев, их жизненные приоритеты и систему ценностей. С их помощью автор раскрывает намерения Глумова добиться успеха и богатства, выгодно женившись: *Мне бы только войти к ней в*

*дом, уж я женюсь непременно*³ (инфинитивно-оптативное предложение со значением 1-го синтаксического лица).

Надежды матери Глумова, поддерживающей сына в его устремлениях сойтись с Мамаевым, их влиятельным родственником, также представлены предложениями желательности: Глумова. *Вот кабы тебе...* (контекстуально-неполное оптативное предложение); Она же. *А хорошо бы сойтись* (инфинитивно-оптативное предложение). *Во-первых, наследство, потом отличный дом, большое знакомство, связи*⁴.

Подобным образом автор показывает и нюансы личных отношений Крутицкого с Турусиной в прошлом:

Крутицкий. Я вот гулять пошёл, дай, думаю, пойду навестить старую знакомую, приятельницу старую... *хе, хе, хе. Помните, ведь мы...*

Турусина. Ах, не вспоминайте! Я теперь...

Крутицкий. А что ж такое! Что не вспоминать-то... *... Вы ещё довольно молоды... вам бы ещё можно было пожить как следует* (инфинитивно-оптативное предложение со значением 2-го синтаксического лица).

Турусина. Я живу как следует.

Крутицкий. Ну, то есть *рано бы ханжить-то* (инфинитивно-оптативное предложение со значением 2-го синтаксического лица)⁵.

В приведённом примере выпукло представлены речевые средства, которые Островский использовал «для повышения сценичности пьес. Он равнодушен к необычным, редким словам и выражениям, которые, глубоко характеризую действующие лица, повышают сценичность пьесы, останавливают внимание читателей и зрителей, вызывают их улыбку, смех и т. д.»⁶.

Обращает на себя внимание следующая особенность речи героев комедии: когда

¹ Островский А. Н. Навсякого мудреца довольно просто-ты // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0110.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

² Русские писатели. Библиографический словарь / под ред. Д. С. Лихачёва, С. И. Машинского, С. М. Петрова, А. И. Ревякина. М.: Просвещение, 1971. С. 496.

³ Островский А. Н. Навсякого мудреца довольно просто-ты // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0110.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Русские писатели. Библиографический словарь / под ред. Д. С. Лихачёва, С. И. Машинского, С. М. Петрова, А. И. Ревякина. М.: Просвещение, 1971. С. 496.

они выражают свои заветные желания, то чаще используют инфинитивно-оптативные предложения. В структуре категории оптативности эти предложения занимают центральное, ядерное положение [2, с. 149–150] и подтверждают приоритет грамматических средств представления желательности по отношению к средствам лексическим.

В то же время в тексте пьесы обнаруживаются случаи лексико-синтаксического выражения семантики желательности. Так, Машенька, мечтая о замужестве, откровенно заявляет тётушке: *Мне хочется пожить... Мне хочется поблестеть, по-красоваться*¹. Для речи героини характерны безлично-оптативные предложения с безличной формой модального глагола и значением 1-го синтаксического лица.

Выявленные в данном произведении различные способы представления желаний действующих лиц указывают на то, что драматургу подвластен практически весь спектр языковых реализаций желательной семантики в русском языке, и А. Н. Островский умело применяет их для речевой характеристики своих героев.

Заключение

Исследование показало, что, создавая высокохудожественные образы героев

своих произведений, А. Н. Островский находит максимально впечатляющие образительно-выразительные средства, в обширном корпусе которых предложения желательности занимают видное место. С их помощью драматург не только сатирически изображает определённый социальный срез, но и раскрывает ценностную иерархию героев, что было показано на примере образов комедии «На всякого мудреца довольно простоты». Применяя самые разнообразные средства представления желаний своих персонажей, А. Н. Островский замечательным образом характеризует их установки и предпочтения, замыслы и деяния, моральный облик и нравственный выбор. В работе очерчены контуры и намечены перспективы системного исследования функционирования средств категории оптативности в текстах пьес А. Н. Островского. Выявленные особенности и закономерности организации речи персонажей комедии «На всякого мудреца довольно простоты» свидетельствуют о важной роли предложений желательности в создании и раскрытии образов её героев, их жизненных установок и системы ценностей.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Выразительные возможности оптативных предложений в пространстве замятинского текста // Лекантовские чтения – 2021: материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 г. / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 235–240.
2. Алтабаева Е. В. Оптативность в русском языке: комплексное описание. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. 200 с.
3. Журавлева А. И. Драматургия А. Н. Островского. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1974. 104 с.
4. Коган Л. Р. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. 407 с.
5. Лотман Л. М. Островский и [русская] драматургия второй половины XIX в. // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 62–75.
6. Ревякин А. И. А. Н. Островский. Жизнь и творчество. М.: Госучпедгиз, 1949. 342 с.
7. Ревякин А. И. Искусство драматургии А. Н. Островского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1974. 334 с.
8. Ревякин А. И. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М.: Московский рабочий, 1962. 544 с.
9. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1963. 544 с.

¹ Островский А. Н. На всякого мудреца довольно простоты // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0110.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. [Expressive Possibilities of Optative Sentences in the Space of the Zamyatin Text]. In: Orekhova E. N., ed. *Lekantovskie chteniya – 2021: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 22 noyabrya 2021 g.* [Lekantovskie Readings – 2021: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2021, pp. 235–240.
2. Altabaeva E. V. *Optativnost' v russkom yazyke: kompleksnoe opisanie* [Optativity in Russian: A Comprehensive Description]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2021. 200 p.
3. Zhuravleva A. I. *Dramaturgiya A. N. Ostrovskogo* [Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1974. 104 p.
4. Kogan L. R. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. N. Ostrovskogo* [Chronicles of the Life and Work of A. N. Ostrovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury Publ., 1953. 407 p.
5. Lotman L. M. [Ostrovsky and [Russian] Dramaturgy of the Second Half of the 19th Century]. In: *Istoriya vsemirnoi literatury. T. 7* [History of World Literature. Vol. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 62–75.
6. Revyakin A. I. *A. N. Ostrovskii. Zhizn' i tvorchestvo* [A. N. Ostrovsky. Life and Art]. Moscow, Gosuchpedgiz Publ., 1949. 342 p.
7. Revyakin A. I. *Iskusstvo dramaturgii A. N. Ostrovskogo* [The Art of Drama by A. N. Ostrovsky]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 334 p.
8. Revyakin A. I. *Moskva v zhizni i tvorchestve A. N. Ostrovskogo* [Moscow in the Life and Work of A. N. Ostrovsky]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1962. 544 p.
9. Kholodov E. G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ingenuity of Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алтабаева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;

e-mail: evaltabaeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Altabaeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: evaltabaeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алтабаева Е. В. Предложения желательности как средство речевой характеристики персонажей комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 8–13.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-8-13

FOR CITATION

Altabaeva E. V. Sentences of Desirability as a Means of Speech Characteristics of the Characters of A. N. Ostrovskii's Comedy "Enough Stupidity in Every Wise Man". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 8–13.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-8-13

УДК 811.161

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-14-19

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД Н. С. ЛЕСКОВА НА ОЦЕНКУ ПЬЕС А. Н. ОСТРОВСКОГО

Головачева О. А.*Брянский государственный университет**241023, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и рассмотреть специфику языковых средств цикла критических публикаций Н. С. Лескова «Русский драматический театр в Петербурге», характеризующих творчество А. Н. Островского, в том числе драму «Пучина».

Процедура и методы. Вырабатывается модель индивидуально-авторского представления театральных пьес и постановок, основанная на описательно-аналитическом методе. Значимыми являются стилистико-функционально-контекстологический и лингвокультурологический методы.

Результаты. Выявлен корпус языковых единиц как средств предикации в парадигматике и синтагматике, использованный для оценки пьес А. Н. Островского, репрезентирующих подход Н. С. Лескова к театру как к интеллектуально-культурному источнику.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение и описание лексических единиц в указанных работах Н. С. Лескова позволило выявить индивидуально-авторский подход к одному из виднейших русских драматургов и его произведениям, в частности драме «Пучина». Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов и выводов в преподавании стилистики русского языка, языка художественной литературы, использованием результатов для описания индивидуально-авторских концептосфер.

Ключевые слова: лексические единицы, Н. С. Лесков, А. Н. Островский, оценка, пьесы

N. S. LESKOV'S LINGUISTIC VIEW ON ASSESSMENT OF A. N. OSTROVSKII'S PLAYS

O. Golovacheva*Bryansk State University**ul. Bezhitskaya 14, Bryansk 14241023, Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify and consider the specifics of the language means of the cycle of N. S. Leskov's critical publications "Russian Drama Theater in St. Petersburg," characterizing the work of A. N. Ostrovsky, including the drama "Abyss".

Methodology. A model of the individual-author's presentation of theatrical plays and productions is developed based on the descriptive-analytical method. Use is also made of stylistic-functional-contextological and linguoculturological methods, which are significant.

Results. The corpus of linguistic units as a means of predication in paradigmatics and syntagmatics is revealed, which is used to evaluate the plays of A. N. Ostrovsky, representing the approach of N. S. Leskov to the theater as an intellectual and cultural source.

Research implications. The study and description of lexical units in these works by N. S. Leskov make it possible to reveal an individual-author's approach to one of the most prominent Russian playwrights and his drama "Abyss," in particular. The practical significance of the study is determined by the possibility of using materials and conclusions in teaching the stylistics of the Russian language, the language of fiction, and in the possibility of using the results to describe individual author's concept spheres.

Keywords: lexical units, N. Leskov, A. Ostrovsky, evaluation, plays

Введение

А. Н. Островский, выдающийся литератор, во второй половине XIX в. создал национальную школу русской драматургии, выступив автором многочисленных пьес, лучшие из которых до сих пор не утратили своей актуальности и входят в репертуар ряда театров России.

Значение Александра Николаевича Островского в становлении русского драматического театра ёмко и точно определил И. А. Гончаров: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться “Театр Островского”»¹. Наша цель – продемонстрировать, какими **языковыми средствами** Н. С. Лесков в цикле аналитических публикаций характеризует творчество А. Н. Островского в динамике стиля, в том числе драму «Пучина». Важнейшая из задач – исследовать эволюцию оценки публициста. Мы продолжаем изучать [4] прагматико-стилистический потенциал критического слова Н. С. Лескова на материале цикла статей «Русский драматический театр в Петербурге», других его работ, посвящённых А. Н. Островскому, с помощью обозначенных в аннотации методов и приёмов.

Аттестация драматических произведений А. Н. Островского его современниками, представленная Н. С. Лесковым

Современники драматурга высоко оценивали его творчество, что отмечает Н. С. Лесков, один из выдающихся авторов XIX в., чьи публицистические труды были посвящены, в частности, и состоянию русского театра. «Интенции Н. С. Лескова-публициста эксплицированы яркими оценочными единицами, в том числе фразеологизмами, многочисленными разно-

видностями повтора, градацией, сравнительными конструкциями, что позволяет читателю создать объёмное представление о современном ему театре» [4, с. 268]. Мы разделяем точку зрения В. В. Леденёвой, отметившей «критическую позицию как прагматическую установку автора в отношении явлений культурной и духовной жизни» [3, с. 187]. Эта тенденция, характерная для зрелого мастера слова, была выпукло обозначена в ранний период, в 60-е гг., т. е. она принадлежит к базовым константам прагматикона языковой личности. Это демонстрируют языковые единицы статьи «Русский драматический театр в Петербурге», виртуозно включённые автором в парадигматические отношения и транслирующие в негативном ракурсе авторскую интенцию.

В цикле статей «Русский драматический театр в Петербурге» литератор обращает внимание читателя на квалификацию произведений А. Н. Островского его современниками. При этом Н. С. Лесков избегает конкретизации – не использует имена собственные, описательные обороты, позволяющие предположить и / или установить личность критика, а обращается к местоимениям (*некоторые, иные, все*), которые указывают на большое число современников, демонстрирующих заинтересованное отношение к творчеству А. Н. Островского (здесь и далее выделения наши. – О. Г.):

У г. Островского всеми был признан замечательный талант. Некоторые из его критиков находили даже, что у него очень большой талант; иные из них находили, что у него даже колоссальный талант, наконец даже всеобъемлющий талант ... сколь ни странны были иногда эти весьма преувеличенные похвалы произведениям г. Островского, ни одна из них, во дни оны, не казалась ни очень резкою, ни очень преувеличенною, – до того все любили своего почти единственного драматического писателя².

¹ Гончаров И. А. Письмо Островскому А. Н., <12 февраля 1882 г. Петербург> // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 491–492.

² Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. С. 351.

Публицист с отсылкой к оценке критиков говорит о любви публики к драматургу, при этом используя приём нанизывания эпитетов и гиперболизацию: *(талант) замечательный, очень большой, колоссальный, всеобъемлющий*.

Уникальность А. Н. Островского как драматурга Н. С. Лесков отмечает посредством развёрнутого оборота *свой почти единственный драматический писатель*, где наряду с адъективом *единственный* («только один»¹), высокую степень положительной оценки приобретает полисемант *свой* – «родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями»².

Языковые единицы, репрезентирующие оценку Н. С. Лесковым пьес А. Н. Островского

Публицист объективно отмечает несомненные достоинства драматурга: *Его род пьес, в которых он всего сильнее, есть бытовая драма и комедия...*³

В контексте суперлатив *всего сильнее* свидетельствует о высокой оценке литератором, который писал на тему театра («Тупейный художник», «Русский драматический театр в Петербурге», «Театральный характер» и др.) и для театра («Расточитель»), бытовых пьес собрата по литературному цеху.

Однако Н. С. Лесков считает похвалы драматургу *«весьма преувеличенными»*, т. к. находит, что наряду с лучшими произведениями автора («Гроза», «Доходное место» и др.) есть и неудачные, например, *г. Островскому не даются исторические русские хроники*⁴.

Публицист очень корректно говорит о слабых сторонах творчества драматурга и

отмечает сильные, используя парадигму противопоставленности с привлечением авторских антонимов (*восторг (был) – начал уменьшаться – окончательно замер*):

Восторг, который г. Островский вызывал у зрителей своими прежними пьесами, начал уменьшаться ещё с появлением его «Минина Сухорука» и «Шутников», а окончательно замер после «Тушина»⁵.

В ряде контекстов негативная оценочность создаётся с помощью авторских синонимов, например: *отслужился, не может писать, дошёл до такого бессилия, подозревать такую утрату таланта*. Отрицательная коннотация, эксплицированная синонимическим рядом, поддерживается другими языковыми единицами, в частности, расширенным сравнительным оборотом как *старый боевой конь, требует теперь только ячменя да покоя*:

Неужто уже г. Островский совсем отслужился и, как старый боевой конь, требует теперь только ячменя да покоя? Неужто он уже не может писать таких пьес, какие он писал для русской сцены, – не лучшие и не хуже, а таких самых, какие он писал и за какие его прозвали «гостинодворским Коцебу»? Не хочется согласиться, что он дошёл до такого бессилия, да и едва ли есть до сих пор достаточные основания подозревать такую утрату таланта в г. Островском⁶.

Однако глагольный оборот *не хочется согласиться*, конструкция *едва ли есть до сих пор достаточные основания подозревать утрату таланта* сигнализируют о том, что при всех отрицательных характеристиках как пьес А. Н. Островского, так и самого автора, Н. С. Лесков полагает, что у драматурга идёт полоса неудач. Но, рассуждая о нём по его последним, хотя и относительно слабым работам, мы должны сказать, что видим в этих работах не упадок сил автора, а нечто иное, может быть более зависящее от форм его новых произведений и от выбора сюжетов⁷.

¹ Единственный // Lexicography.online: [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/e/единственный> (дата обращения: 01.04.2023).

² Свой // Карта слов.ру: [сайт]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/свой> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. С. 351.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 356.

⁶ Там же. С. 358.

⁷ Там же. С. 359.

Н. С. Лесков здесь с большой степенью осторожности говорит об авторе пьес и однозначно негативно характеризует произведения, поскольку в его статьях «театральной тематики прагматическая установка – укрепить потенциального зрителя в его желании смотреть интересные талантливые пьесы, восторгаться профессиональной игрой актёров и повышать свой интеллектуально-культурный уровень» [4, с. 268].

Если театральные постановки не работают на эту сверхзадачу, которая обусловлена не субъективностью авторского подхода, а исключительно тем, что русский литератор беспристрастно оценивал то, о чём писал в своих литературных трудах, то позицию Н. С. Лескова репрезентируют объективные аттестации нередко язвительно-саркастического регистра. Например, пьеса «Пучина» А. Н. Островского с содержательной стороны не выдерживает лесковской критики:

В пьесе есть поучения и тенденции... Поучения резюмируются таким образом: 1) не будучи обеспеченным в денежном отношении, не сходишь с любимой женщиной и не заводи семьи; 2) состояние в семь тысяч рублей да домик в Москве ещё не дают права жениться, мало этих средств; 3) не любя никого исключительной любовью, от нужды благоразумно выйти замуж за великодушного благодетеля (Лиза: всё равно, ведь я никого не люблю)... Затем не говорим ничего о лице молодого резонёра Погуляева и о его женитбе на Лизе: это лицо совсем неживое и свадьба его что-то совсем невероятное¹.

Литератор полагает, что такой подход к созданию семьи, к женщине нельзя считать высоко моральным, поскольку именно от настоящей, мудрой, любимой и любящей женщины зависит будущее государства. Эту мысль публицист проводит неоднократно, в том числе в статье «Специалисты по женской части» он дублирует те же цитаты из текстов русских поэтов-классиков, что и в «Русском драматическом театре в

Петербурге» (...никто не придёт зубоскалить... в беде не сробеет, спасёт, коня на скаку остановит, – в горящую избу войдёт...²).

Н. С. Лесков считает, что у русских людей есть «два могучих» типа женщин: «один твёрдый, как выносящая все непогоды бронза, другой нежный, но крепкий, как мрамор». Представляют их, с одной стороны, русская крестьянка, с другой – дворянка Татьяна Ларина.

Таким образом, национальная ценностная парадигма, которую транслирует публицист, базируется на нравственных основах. «...Лесков, наряду с Толстым и Достоевским, начинает "создавать нравственное общество"» [5, с. 185], и в статьях о русском театре не отступает от этой магистральной линии. Н. С. Лесков привлекает внимание читателя / зрителя и к названию пьесы как к сильной позиции текста; здесь интрига и ключ к пониманию произведения. На небольшом текстовом пространстве отмечено 4 словоупотребления лексемы *пучина*:

Самое слово «*Пучина*», объяснённое Погуляевым, тоже включает для нас поучение, но, к сожалению, и здесь поучение, сказанное неудачно. Автору хотелось показать, что *пучина невежества* затягивает и поглощает человека, а в пьесе его только *пучина кисельниковского ничтожества* эксплуатируется бездонною *пучиною купеческой жадности Боровцова*. Тут не человек сломан и поглощён, а обобран дурачок, не умеющий ничего поставить в свою защиту, и только³.

Полагаем, что данная лексическая единица, получившая в тексте А. Н. Островского расширительно-метафорическое наполнение, послужила отправной точкой для Н. С. Лескова в создании окказиональной единицы *боровцовщина* – «ж., отвл. Всё негативное, что

¹ Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. С. 127.

² Лесков Н. С. Специалисты по женской части // Royallib: [сайт]. URL: https://royallib.com/read/leskov_nikolay/spetsialisti_po_genskoy_chasti.html#102400 (дата обращения: 01.04.2023).

³ Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Терра, 1996. С. 128.

связано с семейством Боровцовых, героев пьесы А. Н. Островского “Пучина”, и всех им подобных: их образ жизни, моральный облик, жизненные ценности, манера поведения...” [1, с. 108].

По наблюдению В. В. Леденёвой, «...словотворческая деятельность в этом аспекте служила развитию дополнительного круга средств, которые содействовали более полному раскрытию идейно-художественного замысла произведений...” [2, с. 233].

Заключение

Таким образом, представляя читателю свой взгляд на творчество А. Н. Островского, Н. С. Лесков высоко оценивает его произведения, ставшие затем классикой русской драматургии («Гроза», «Бесприданница» и др.), однако в этот ряд он не включа-

ет пьесы «Минин Сухорук», «Шутники», «Тушино» и др. При анализе «Пучины» публицист демонстрирует корректность по отношению к её автору и сдержанность в оценках. Это связано с тем, что Лесков всегда испытывал пиетет к А. Н. Островскому. В целом же пьеса аттестована Н. С. Лесковым отрицательно, о чём свидетельствуют единицы в метафорическом значении, лексемы, включённые в синонимические и антонимические парадигмы. Публицист критиковал сочинения, которые портят вкус и дезориентируют в нравственном отношении публику. Авторская оценка помогает читателю сформировать своё представление о тех или иных драматургах второй половины XIX в. и их произведениях.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Л. В. Языковая картина мира сквозь призму словотворчества из опыта работы над словарём новообразований Н. С. Лескова // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 107–110.
2. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Постатор, 2022. 462 с.
3. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
4. Головачева О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова: (язык публицистики 60-х годов XIX века): дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2017. 538 с.
5. Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. М.: Наследие, 2000. 254 с.

REFERENCES

1. Aleshina L. V. [Language Picture of the World as a Form of Word Creation Prism from the Experience of Working on the Dictionary of New Formations by N. S. Leskov]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and social sciences], 2013, no. 5 (55), pp. 107–110.
2. Ledeneva V. V. *Osobennosti idiolekta N. S. Leskova* [Features of N. S. Leskov's Idiolect]. Moscow, Postator Publ., 2022. 462 p.
3. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [The Word of Leskov]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015. 260 p.
4. Golovacheva O. A. *Pragmatiko-stilisticheskii potentsial slova N. S. Leskova: (yazyk publitsistiki 60-h godov XIX veka): dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatic and Stylistic Potential of the Word of N. S. Leskov: (Language of Journalism of the 60s of the XIX century): Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Smolensk, 2017. 538 p.
5. Sokhryakov Yu. I. *Natsional'naya ideya v otechestvennoi publitsistike XIX – nachala XX vv.* [National Idea in Domestic Journalism of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 254 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского;
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Golovacheva – Dr. Sci. (Philological Science), Prof., Department of the Russian Language, Bryansk State University, Department of the Russian Language, Bryansk State University;
e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Головачева О. А. Лингвистический взгляд Н. С. Лескова на оценку пьес А. Н. Островского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 14–19.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-14-19

FOR CITATION

Golovacheva O. A. N. S. Leskov's Linguistic View on Assessment of A. N. Ostrovsky's Plays. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 14–19.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-14-19

УДК 81'367

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-20-28

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Лагузова Е. Н.*Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
150000, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности функционирования книжных аналитических конструкций в репликах персонажей пьес А. Н. Островского.

Процедура и методы. В работе рассмотрена стилистическая значимость описательных глагольно-именных оборотов с компонентами *делать* и *иметь*, характерных для языка драматических произведений А. Н. Островского. При проведении исследования использованы методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты. В ходе работы показано своеобразие экспрессивности аналитических конструкций, основанной на стилистическом рассогласовании описательного оборота и контекста. Нарочитая неуместность языковых единиц с книжной стилистической окраской в диалогической реплике, имитирующей устную речь, используется А. Н. Островским как средство характеристики персонажей. Структурные преобразования именного компонента аналитических конструкций способствуют возникновению иронического смысла в высказывании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление об оценочном потенциале описательных глагольно-именных оборотов в языке художественной литературы.

Ключевые слова: аналитическая конструкция, диалогическая реплика, ирония, описательный глагольно-именный оборот, разговорная речь, стилистическая значимость

STYLISTIC SIGNIFICANCE OF ANALYTICAL CONSTRUCTIONS IN THE DRAMATIC WORKS OF A. OSTROVSKY

E. Laguzova*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
ul. Respublikanskaya 108/1, Yaroslavl 150000, Yaroslavl Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify the features of the functioning of bookish analytical constructions in the replicas of the characters of A. Ostrovsky's plays.

Methodology. The paper examines the stylistic significance of descriptive verb-nominal phrases with the components *to do* and *to have*, characteristic of the language of dramatic works by A. N. Ostrovsky. Use is made of such methods of observation, generalization, and interpretation of the results.

Results. In the course of the work, we show the peculiarity of the expressiveness of analytical constructions based on the stylistic mismatch of descriptive phrase and context. The deliberate inappropriateness of language units with bookish stylistic coloring in a dialogical replica imitating oral speech is used by A. Ostrovsky as a means of characterization of characters. Structural transformations of the nominal component of analytical constructions contribute to the emergence of an ironic meaning in the statement.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the evaluative potential of descriptive verb-nominal phrases in the language of fiction.

Keywords: analytic construction, dialogical remark, irony, descriptive verb-and-noun phrase, colloquial speech, stylistic significance

Введение

Аналитические конструкции, или описательные глагольно-именные обороты (термин П. А. Леканта [5, с. 67]) – ОГИО, возникшие в памятниках древнерусской письменности, закрепились в книжных стилях современного русского языка, прежде всего в официально-деловом, научном, публицистическом.

ОГИО могут использоваться и как особые средства изобразительности в языке художественной литературы. Так, экспрессивные возможности аналитических конструкций рассматривались на материале прозаических произведений А. П. Чехова [2; 3], Н. С. Лескова [4], М. М. Зощенко и др. [3, с. 163–175].

Однако вне поля зрения лингвистов остаётся функционирование описательных глагольно-именных оборотов в тексте драмы. В драматургическом диалоге воспроизводятся наиболее типичные черты естественной речи. «Драматургическая диалогическая речь вторична по отношению к реальному речевому взаимодействию, является эстетически обработанной формой существования языка» [8, с. 6]. Тем не менее наблюдения над структурой реплик диалога в тексте драмы позволяют судить о степени распространения тех или иных языковых единиц в устной речи.

Произведения А. Н. Островского дают возможность выявить особенности развития аналитических конструкций во второй половине XIX в. По замечанию В. В. Виноградова, в этот исторический период «уже существовавшая и бывшая продуктивной фразеологическая форма расширяет свои функции, приобретает большую силу притяжения» [1, с. 450].

Материалом для исследования послужили пьесы А. Н. Островского, включённые в собрание сочинений 1987 г.¹

Как показали наблюдения, в пьесах А. Н. Островского наибольшее распространение получили ОГИО с компонентами *делать* и *иметь*, которые в русском литературном языке второй половины XIX в. утрачивают активность.

ОГИО с глаголом *делать* в пьесах А. Н. Островского

В речи персонажей пьес А. Н. Островского сохраняются ОГИО с глаголом *делать*, постепенно выходящие из употребления. Так, отмечаются сочетания глагола с девербативами – названиями действий. Интересно, что употребление подобных ОГИО в 20-х гг. XX в. подвергалось критике выдающихся лингвистов. Отметим выразительное высказывание А. М. Пешковского: «Отглагольное существительное всегда оказывается художочным потугом на книжность, результатом стремления образованность свою показать ... чем-то запутанным, бледным, вялым» [7, с. 142]. Но А. М. Пешковский приводил примеры из публицистических текстов. Тем более понятно, что в языке художественной литературы ОГИО воспринимались как чужеродные.

Аналитические конструкции с книжной стилистической окраской в диалогических репликах, имитирующих устную речь, используются как средства характеристики персонажей (здесь и далее выделения наши. – Е. Н.):

Васильков (Телятеву). Друг мой, не оставляй меня; мне нужно *сделать* некоторые *распоряжения*... Нужно *сделать* некоторые *распоряжения*, написать к матушке².

¹ Островский А. Н. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1987.

² Островский А. Н. Бешеные деньги // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/beshenye-dengi-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

Косноязычные средства выражения мысли в речи Василькова подчёркивают деловой склад ума персонажа.

Стилистическое рассогласование ОГИО и контекста акцентируется в тех репликах, где персонаж характеризует свои действия, поступки. Книжные ОГИО неуместны по отношению к первому синтаксическому лицу. Ср.:

Беневоленский. Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж **привычку сделал**¹;

Жадов. Я могу поколебаться, но **преступления не сделаю**; я могу споткнуться, но не упасть²;

Маргаритов. А в таком случае, я перечту деньги и **сделаю** на документе **надпись**³;

Краснова. Вдруг над собой такой **перемены не сделаешь**⁴;

Краснов. Пошлите их поскорей, я им хочу за нынешнее их уважение **подарочек сделать**⁵.

Сочетания глагола *делать* с существительными – названиями психического состояния и отношения – получили распространение в письменной речи 40–50-х гг. XVIII в. Во второй половине XIX в. они постепенно утрачиваются [3, с. 76]. Но персонажи пьес А. Н. Островского употребляют их довольно часто:

Ризоположенский. Хе, хе, хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое **невежество сделал**⁶;

Вышневецкая. Клянётся в любви. Говорит пошлые фразы, желая придать своему лицу страстное выражение, **делает** какие-то странные, кислые **улыбки**⁷;

Красавина. В одном доме хотели надо мной **насмешку сделать**, поднесли вместо водки рюмку ладиколону⁸;

Краснова. Если бы я была в чём перед ним виновата, ну побранил, да и будет. Только будь он со мной ласков, а уж я-то всякое **уважение** ему **сделаю**. Так буду угождать, что он и не ожидает⁹;

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого **доверия делать**¹⁰.

Некоторые абстрактные отымённые существительные (*тиранство, варварство*), возникшие в XVIII в., сохранили стилистическую ограниченность в более позднее время. Неестественность их употребления в устной речи – особый способ характеристики персонажа, желающего показать свою образованность, претендующего на особое отношение к себе:

Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! **Делать** такие **тиранства** над чело-

¹ Островский А. Н. Бедная невеста. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/bednaya-nevesta-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

² Островский А. Н. Доходное место. Действие пятое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/dohodnoe-mesto-5.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Островский А. Н. Поздняя любовь. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/pozdnaya-lyubov-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Островский А. Н. Грех да беда на кого не живёт. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/greh-da-beda-na-kogo-ne-zhivet-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Островский А. Н. Грех да беда на кого не живёт. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/greh-da-beda-na-kogo-ne-zhivet-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-lyudi-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Островский А. Н. Доходное место. Действие пятое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/dohodnoe-mesto-5.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Островский А. Н. Праздничный сон – до обеда // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/prazdnichnyj-son-do-obeda.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁹ Островский А. Н. Грех да беда на кого не живёт. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/greh-da-beda-na-kogo-ne-zhivet-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁰ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

*веком, который, может быть, ни душой, ни телом не виноват, это ужасно!*¹.

Ср.: **тиранство** (книжн.) «жестокий, мучительный поступок по отношению к кому-л.»².

Интересно, что в XX в. книжный характер слова утрачивается. В «Словаре современного русского литературного языка» приводится значение «жестокое обращение с кем-л.; мучительство»³ с пометой *прост.*

Иногда персонажи А. Н. Островского употребляют модные слова в придуманном ими значении:

Антригина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься этакое **варварство сделать**?

Антригина. Что за варварство?

Пионова. Да как же не варварство. Променять такого человека на какую-нибудь дрянь⁴.

Ср.: **варварство** (книжн.) «варварское отношение к культурным ценностям, разрушение их» // «грубость, дикость нравов»⁵.

Заметим, что истолкования персонажами значения того или иного слова («рефлексивы») составляют, по наблюдению

исследователей, своеобразие языка А. Н. Островского [6, с. 62].

В диалогических репликах абстрактные существительные приобретают грамматическую форму, не соответствующую литературной норме. Например:

Подхалюзин. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой **фальш сделать**⁶.

В «Словаре современного русского литературного языка» указан источник первой фиксации слова *фальшь* (Яновский. Новый словотолк. 1806), вариант *фальш* приведён со ссылкой на В. И. Даля⁷.

В речи персонажей пьес А. Н. Островского активно употребляются ОГИО с глаголом *делать* 'оказывать, причинять', распространившиеся в XVIII в.:

Хорьков. Мерич может очень много **вреда сделать** Марье Андреевне⁸;

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почём он знает: может, он мне этим **вред делает**⁹;

Николай. Но я не понимаю, как вы можете полюбить человека, который **сделал гадость**, хотя бы и для вас¹⁰ и т. п.

Стилистическая неуместность ОГИО наиболее отчётливо проявляется в выска-

¹ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

² Тиранство // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 71.

³ Тиранство // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 15. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. С. 463.

⁴ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Варварство // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1934. С. 225.

⁶ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-lyudi-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Фальшь // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 16. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1964. С. 1233.

⁸ Островский А. Н. Бедная невеста. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/bednaya-nevesta-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁹ Островский А. Н. Не в свои сани не садись // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/ne-v-svoi-sani-ne-sadis.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁰ Островский А. Н. Поздняя любовь. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/pozdnyaya-lyubov-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

званиях с ОГИО, обозначающими отнесённость действия к первому или второму синтаксическому лицу:

Горецкий. *Ничего-с. Глафира Алексеевна, позвольте для вас какую-нибудь подлость сделать¹;*

Любим Карпыч. *Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленький, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай²;*

Чугунов. *Ну, как я теперь против вас какую-нибудь такую... большую подлость сделаю! Это мне будет очень трудно и очень даже совестно³;*

Горецкий. *Вот и не птица, а неприятность сделаю⁴.*

Преобладают отрицательные наименования, даже если в глагольно-именную модель включается слово с положительной оценкой:

Бальзаминова. *Нет, Миша. Ты с ней не должен таким манером обращаться; ты ещё не знаешь, какую она пользу может тебе сделать⁵;*

Бальзамин. *Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она всё обманывает⁶.*

¹ Островский А. Н. Волки и овцы. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/volki-i-ovcy-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

² Островский А. Н. Бедность не порок. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/bednost-ne-porok-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Островский А. Н. Волки и овцы. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/volki-i-ovcy-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Островский А. Н. Волки и овцы. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/volki-i-ovcy-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Островский А. Н. За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/zhenitba-balzaminova.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Островский А. Н. За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/>

Любопытно, что характеризуются как неблагоприятное поведение других людей, так и предполагаемые негативные поступки самого персонажа, произносящего реплику.

ОГИО с глаголом *делать* как средство создания комического

Комический эффект ОГИО в речи персонажей обусловлен семантико-стилистическими свойствами абстрактного существительного – семантического центра ОГИО.

Во-первых, комический эффект достигается употреблением девербатива в устаревшем значении:

Полина. *Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам **смотреть делать**. Товар лицом продаёт⁷.*

Девербатив впервые зафиксирован в XVIII в.⁸. Значение 'смотрины' приводится в «Словаре современного русского литературного языка» с пометой *устар.*⁹ В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова такое значение не представлено.

ОГИО в речи Полины передаёт стремление персонажа показать себя более умной и образованной.

Во-вторых, комическое восприятие аналитической конструкции обусловлено искажением французского слова. Так, ОГИО *совершать променад, делать променад* восходят к французскому сочетанию *faire une promenade*. В «Толковом словаре русского языка» слово *променад* даётся с по-

ostrovskiy.dramaturgiya/zhenitba-balzaminova.htm (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Островский А. Н. Доходное место. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/dohodnoe-mesto-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон / пер. И. И. Ильинского, И. П. Сатарова, И. С. Горлицкий. СПб.: Императорская академия наук, 1731. С. 427.

⁹ Смотр // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1965. С. 141.

метами разг., устар., теперь ирон.¹ Слово *проминаж* возникло из смешения французского слова и русского глагола *проминаться*² (см. также примеры употребления ОГИО *совершать променаж* в произведениях А. П. Чехова [3, с. 172]).

Бальзаминова. ... Вот слушай! Ты всё говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучшие скажи: «я хочу *проминаж сделать*!»³.

В-третьих, возможно образование ОГИО по существующей модели с включением придуманного на французский манер существительного:

Бальзаминова. Зато, коли ты понравилась, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов (всё в задумчивости). Асаже?

Бальзаминова. Да, *асаже* славное *сделаешь*⁴.

«Толкование» слова представлено в реплике Бальзаминовой:

*А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, – это «асаже» называется*⁵.

Внутренняя синтагматика ОГИО используется в авторской ремарке как средство создания иронии.

Телятев. Вы были Дианой, презирующей мужской род, с луной в причёске, с колчаном за плечами; а теперь вы преобразовались в простую, сердечную, даже наивную пейзажку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. (*Делает обыкновенные пейзажные жесты*)⁶.

Ср.: **пейзанский** «деревенский»⁷. Ироничная авторская ремарка органично вписывается в контекст речи персонажа, делающего комплименты женщине.

ОГИО с компонентом *иметь*

ОГИО с глаголом *иметь*, появившиеся в памятниках письменности X–XI вв., получают распространение в XVIII в. под влиянием французского языка [3, с. 60]. Книжный характер ОГИО накладывает ограничения на их употребление в других стилях речи. Однако в репликах персонажей А. Н. Островского частотны сочетания с абстрактными именами состояния и отношения, причём, как правило, это состояние приписывается конкретным лицам:

Марья Андреевна. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже *не имеете уважения ко мне*⁸;

Русаков. Нет, мы, бывало, *страх имели*, старших уважали⁹;

Ахов. Это хорошо. *Страх иметь* – это для человека всего лучше¹⁰;

¹ Променад // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 3. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. С. 962.

² Проминаж // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 11. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. С. 1203.

³ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай! // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/svoi-sobaki-gryzutsya-chuzhaya-ne-pristavaj.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Островский А. Н. Бешеные деньги. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/beshenye-dengi-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Пейзанский // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 3. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. С. 80.

⁸ Островский А. Н. Бедная невеста. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/bednaya-nevesta-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁹ Островский А. Н. Не в свои сани не садись. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/ne-v-svoi-sani-ne-sadis-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁰ Островский А. Н. Не в свои сани не садись. Действие третье // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/ne-v-svoi-sani-ne-sadis-3.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь *надежду иметь*-с или *нет*-с?¹;

Кукушкина. Бывают же такие мерзавцы на свете! А впрочем, я его и не виню: я на него никогда *надежды не имела*²;

Лидия. Звуки вальса *имеют* много *утешения*³;

Зайчиха. Что сам-то, спит, что ли?

Карп. Не знаю. Да нет, он этой *привычки не имеет*⁴;

Флор Федулыч. Ирина Лавровна, вы *имеете желание* понравиться господину Дульчину?⁵.

Необычно и употребление ОГИО с именами действия в устной речи.

Жмигулина. А мне *ужасть как хочется* доказать в здеишем городе, какое мы *знакомство имеем*⁶;

Васильков. *Знакомства в Москве не имеют*⁷;

Хорькова. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты *делаешь*, как *погляжу я на тебя*. Никакого ты *знакомства не имеешь*, делом не занимаешься, валяешься дома в халате с *трубкой*⁸;

Шаблова. Вы *возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет*⁹.

Привычные в книжных стилях ОГИО воспринимаются как неуместные в разговорной речи. Они отражают культурный уровень персонажей пьес А. Н. Островского. В речи малообразованных представителей мещанства, купечества употребление ОГИО связано с попыткой соответствовать некой языковой моде, желанием показать себя умнее, возвыситься над окружающими.

Заключение

ОГИО обладают особой стилистической значимостью в языке драматических произведений А. Н. Островского. Нарочитая книжность в сочетании с просторечной и разговорной лексикой позволяет создать яркие образы персонажей из купеческой и мещанской среды. Лишённые экспрессии в обычном употреблении, ОГИО, оказавшись в несвойственном им контексте, реализуют свой оценочный потенциал. Стилистическая неуместность книжных языковых единиц в контексте устной речи создаёт «комический эффект мещанской полукультуры»¹⁰.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

¹ Островский А. Н. За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова). Картина вторая // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/zhenitba-balzaminova-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

² Островский А. Н. Доходное место. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/dohodnoe-mesto-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Островский А. Н. Бешеные деньги. Действие четвёртое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/beshenye-dengi-4.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Островский А. Н. Грех да беда на кого не живёт. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/greh-da-beda-na-kogo-ne-zhivet-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ Островский А. Н. Последняя жертва. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/poslednyaya-zhertva-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Островский А. Н. Грех да беда на кого не живёт. Действие первое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/greh-da-beda-na-kogo-ne-zhivet.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Островский А. Н. Бешеные деньги. Действие первое (вместо пролога) // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/beshenye-dengi.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Островский А. Н. Бедная невеста. Действие второе // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/bednaya-nevesta-2.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁹ Островский А. Н. Поздняя любовь. Действие первое // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <http://ostrovskiy.lit-info.ru/ostrovskiy/dramaturgiya/pozdnaya-lyubov.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁰ Лакшин В. Я. Мудрость Островского // Островский А. Н. Сочинения: в 3 т. Т. 1: Пьесы, 1850–1861. М.: Художественная литература, 1987. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 582 с.
2. Державин В. Н. Описательный актив и пассив (Из наблюдений над современным русским литературным языком) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1. С. 37–59.
3. Лагузова Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: Московский государственный областной университет, 2003. 243 с.
4. Леденёва В. В. Описательные глагольно-именные обороты в системе языковых средств прозы Н. С. Лескова («Гора») // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. М.: Московский педагогический университет, 1995. С. 110–116.
5. Лекант П. А. Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2002. С. 234–244.
6. Николина Н. А. Языковая и речевая рефлексия в пьесах А. Н. Островского // Русский язык в школе. 2006. № 3. С. 62–68.
7. Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сборник статей. Л.; М.: Госиздат, 1925. С. 141–152.
8. Шестакова Т. Э. Дистантные связи диалогических реплик в тексте драмы: автореф. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 24 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 582 p.
2. Derzhavin V. N. [Descriptive Asset and Liability (From Observations on the Modern Russian Literary Language)]. In: *Russkii yazyk v sovetskoj shkole* [Russian Language in the Soviet School], 1931, no. 1, pp. 37–59.
3. Laguzova E. N. *Opisatel'nyi glagol'no-imennoi oborot kak edinitsa nominatsii* [Descriptive Verb-Nominal Turnover as a Unit of Nomination]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2003. 243 p.
4. Ledeneva V. V. [Descriptive Verb-Nominal Phrases in the System of Language Means of Prose by N. S. Leskova ("Mountain")]. In: *Struktura, semantika i funktsionirovanie v tekste yazykovykh edinits* [Structure, Semantics and Functioning in the Text of Language Units]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1995, pp. 110–116.
5. Lekant P. A. [Descriptive Verb-Nominal Phrases in the Function of the Predicate]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2002, pp. 234–244.
6. Nikolina N. A. [Language and Speech Reflection in the Plays of A. N. Ostrovsky]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2006, no. 3, pp. 62–68.
7. Peshkovsky A. M. [Verbs as a Means of Expression]. In: Peshkovsky A. M. *Metodika rodnogo yazyka, lingvistika, stilistika, poetika* [Methods of the Native Language, Linguistics, Stylistics, Poetics]. Leningrad, Moscow, Gosizdat Publ., 1925, pp. 141–152.
8. Shestakova T. E. *Distantnye svyazi dialogicheskikh replik v tekste dramy: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Distant Connections of Dialogic Replicas in the Text of Drama: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Yaroslavl, 2005. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лагузова Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского; e-mail: laguzova.e@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia N. Laguzova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; e-mail: laguzova.e@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лагузова Е. Н. Стилистическая значимость аналитических конструкций в драматических произведениях А. Н. Островского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 20–28.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-20-28

FOR CITATION

Laguzova E. N. Stylistic Significance of Analytical Constructions in the Dramatic Works of A. Ostrovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 20–28.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-20-28

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-29-42

ИМЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО В ТЕКСТАХ Н. С. ЛЕСКОВА

Леденёва В. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ значимости имени А. Н. Островского как прецедентного для языковой личности Н. С. Лескова по данным его текстов, отражающих состав идиолекта автора, в том числе антропонимикон.

Процедура и методы. На основе нацеленной выборки из текстов различных жанров, включая эпистолярные, выявляются идейно-эстетически и прагматически стимулированные конситуации, в которых Н. С. Лесков обращался к имени А. Н. Островского, авторитетного представителя старшего поколения писателей XIX в., маститого драматурга; анализируются средства предикации, позволяющие установить значимость данного антропонима и связанных с ним слов проприальной лексики. Применены методы исследования: лингвистическое наблюдение, описание, интерпретация, сопоставление, элементы компонентного анализа.

Результаты. Употребление проприальной лексики (имени А. Н. Островского, наименований его произведений, героев их персонажных зон), ставших крылатыми фраз из реплик действующих лиц, оценка частоты использования такой единицы, как «жесткие нравы», указывают на высокую значимость антропонима в текстах Н. С. Лескова, свидетельствуют о прецедентном характере и ценности онима в его антропонимиконе как языковой личности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Имя А. Н. Островского представлено как значимая единица идиолекта и идиостиля Н. С. Лескова; обосновано, что введение какого-либо антропонима в тексты разных жанров позволяет уточнить прагматические установки языковой личности автора в различные периоды творчества, полнее представить ценностные ориентиры литератора, что важно не только для отечественной лингвистической лесковианы, но и для показа важности А. Н. Островского в литературном процессе XIX в. Материалы можно использовать в вузовских курсах стилистики, истории и теории языка художественной литературы, при чтении спецкурса по литературной ономастике, в литературоведческих разработках.

Ключевые слова: А. Н. Островский, антропонимикон, Н. С. Лесков, прецедентное имя, языковая личность

THE NAME OF A. N. OSTROVSKY IN THE N. S. LESKOV'S TEXTS

V. Ledeneva*State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Moscow 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We analyze the significance of the name of A. N. Ostrovsky as a precedent for the linguistic personality of N. S. Leskov, according to his texts reflecting the author's idiolect, including the anthroponymicon.

Methodology. Using a targeted sample from texts of various genres, including the epistolary genre, we revealed ideologically, aesthetically, and pragmatically stimulated consituations, in which N. S. Leskov addressed the name of A. N. Ostrovsky, who is an authoritative representative of the older generation of writers of the 19th century and a venerable playwright. The means of predication are analyzed, allowing

one to establish the significance of this anthroponym and related words of the proprietary vocabulary. Applied research methods include linguistic observation, description, interpretation, comparison, and elements of component analysis.

Results. The use of the proprietary vocabulary (the name of *A. N. Ostrovsky*, the titles of his works, and the heroes of character zones) and phraseological units from the replicas of actors and the assessment of the frequency of use of such a unit as “cruel morals” indicate the high importance of the anthroponym in *N. S. Leskov's* texts and the precedent character and value of the onym in *Leskov's* anthroponymicon as a linguistic personality.

Keywords: *N. S. Leskov*, *A. N. Ostrovsky*, anthroponymicon, precedent name, linguistic personality

Введение

Фигура *Н. С. Лескова* – превосходного знатока народной речи, реалиста, представившего в мощных и правдивых зарисовках жизнь России второй половины XIX в., мастера слова, склонного к художественным экспериментам, языковой игре, – вызывает большой интерес, в том числе и потому, что он был современником великих писателей, о творчестве которых не мог не отозваться в своих текстах. *Н. И. Либан* считал, что в поисках художественного совершенства *Николай Семёнович* смело соперничал «с самыми большими писателями: роман “Некуда” написан в стиле *Тургенева*, “Расточитель” – как у *Островского*», что придавало полифоничность лесковскому идиостилю, детерминировало его своеобразие, поскольку «такая манера языкописательства была доступна только ему» [8, с. 392–393].

Проприальная лексика служит показателем связанной с идиостилевыми особенностями, в том числе прагматическими установками автора (сравнить, сопоставить, оценить творческую манеру и др.), интертекстуальности. Ономастикон выявляет симпатии и антипатии писателя в литературном мире [6; 9; 10; 14; 16]. Действительно, благодаря характеру контекстуального окружения, прежде всего использованию предикатов при ониме [1], устанавливаются предпочтения, значимость для языковой личности автора какого-либо имени собственного в связи с ценностью его носителя, прецедентный характер проприальной единицы. В рамках антропоцентризма этот подход к исследованию роли и места онимов как

единиц идиолекта в масштабах текста или сверхтекста мы считаем актуальным [5; 7, с. 204–239], результативным и для понимания особенностей концептосферы языковой личности.

Цель данной работы – охарактеризовать в указанных аспектах имя *А. Н. Островского* как ценностную единицу лесковского антропонимикона на основе лингвистического наблюдения над семантикой её контекстуальных партнёров. Материал для анализа – контексты, включающие имя собственное *Островский* или косвенное указание на него в виде прецедентных феноменов (артионимов, имён персонажной зоны пьес, цитатных вкраплений), – извлечён из художественных, публицистических и эпистолярных текстов *Н. С. Лескова* с помощью нацеленной выборки (сюжет «театр» [11] изолированно не рассматривался).

Использованы лексикографическое описание семантики контекстуальных партнёров, средств предикации, а также интерпретация, сопоставление, элементы компонентного анализа для решения задачи установить эксплицитные и имплицитные смыслы, присущие исследуемому антропониму как концептуально значимому для ментально-лингвального комплекса (МЛК [12; ср.: 18]) языковой личности *Н. С. Лескова-литератора*. Совокупность экспликатов относим к средствам, раскрывающим объём концепта культуры «*Островский*», стоящего за именем собственным, поскольку не вызывает возражений то, что «с позиции когнитивной ономастики онимы представляют собой некие символические формы,

семантика которых напрямую зависит от результата функционирования субъекта в реальном мире, от опыта его взаимодействия с объектом, носящим то или иное имя собственное» [17, с. 34]. В настоящей работе антропоним А. Н. Островский, таким образом, осмыслен как концепт лесковской концептосферы, тесно связанный с основными сферами деятельности обоих писателей, важными для русской культуры.

Имя Островского в эпистолярных текстах

Несмотря на то что писатели, будучи современниками, не вступали в регулярные личные контакты, что отметили мемуаристы, авторы воспоминаний, биографы, в том числе сын Николая Семёновича Андрей Лесков¹, А. Н. Островский всегда оставался для литератора почитаемым авторитетом: «В особых ящиках хранил Лесков письма немногочисленных друзей-писателей и своих “учителей”. Такими учителями Лесков признавал в особенности Писемского, Печерского, Островского и графа Толстого. Хотя на самом деле, по характеру и дарованию, Лескову принадлежит место рядом с Писемским, Печерским, Островским, но он считал их неизмеримо выше себя»². Приводимая здесь по воспоминаниям оценка *учитель* («Тот, кто научил или учит чему-нибудь, кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-

нибудь»³) – предикатная характеристика, отражающая такие значимые компоненты смыслового объёма, как ‘старший’, ‘опытный’, ‘влияющий, указывающий путь’, ‘развитие’. Имплицитные реляционные семы, прежде всего ‘пример’, ‘почитание’, ‘авторитет’, предполагают установление внутренней иерархии (см.: *считал их неизмеримо выше себя*, где *выше* – сравнительная степень к *высокий*, мыслится как «превосходящий других важностью, влиянием, весьма почётный (книжн.)»⁴).

Наблюдение оказалось точным: его содержание подтверждается признаниями самого Н. С. Лескова, проецируется на смысловой объём исследуемого антропонима в его МЛК, потому что самобытный мастер слова неоднократно высказывался с большим пиететом об А. Н. Островском в письмах, включая одно из направленных данному адресату: *Пользуюсь случаем при этом просить Вас верить, что я действительно высоко ценю и уважаю Ваше имя*⁵. В приведённом высказывании-заведении с помощью оценочных глагольных предикатов, усиливающих значение друг друга (*ценить* – «Признавая ценность кого-чего-нибудь, беречь, относиться с должным вниманием, уважением к кому-чему-нибудь»; *уважать* – «Питать уважение к кому-чему-нибудь, высоко ценить за что-нибудь, относиться с почтением»⁶), ясное, благодаря фоновым знаниям, содержание антропонима с ядерными смыслами ‘драматург’, ‘признанный’, ‘современник’ наполняется эксплицированными компо-

¹ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: Часть 2. Глава 4 // Лесков Николай Семёнович: [сайт]. URL: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/about/zhizn-leskova/leskov-2-4.htm> (дата обращения: 10.02.2023); Ожимкова В. В. А. Н. Островский и Н. С. Лесков // Островский Александр Николаевич: [сайт]. URL: <https://ostrovsky.timpa.ru/ostrovskiy/biografiya/ozhimkova-ostrovskij-i-leskov.htm> (дата обращения: 22.01.2023); Пильский П. М. Н. С. Лесков. К столетию со дня рождения // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников / сост. О. А. Фрибес, А. Е. Зарина, Е. И. Зариной. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 590–594.

² Либрович С. Ф. Какжилиработалавтор «Соборян» // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников / сост. О. А. Фрибес, А. Е. Зарина, Е. И. Зариной. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 393.

³ Учитель // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/учитель> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Выше // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/выше> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Лесков Н. С. А. Н. Островскому. 14 февраля 1875 г., Петербург // Лесков Николай Семёнович: Энциклопедическое собрание сочинений: электронная книга. М.: Адепт: ИДДК, 2002. 1 CD-ROM.

⁶ Ценить // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/ценить> (дата обращения: 10.02.2023); Уважать // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/уважать> (дата обращения: 10.02.2023).

нентами, подчёркивающими личное отношение адресанта: 'ценимый', 'уважаемый', 'высокая степень' оценки¹.

Письма принадлежат к особому роду текстов, которые отражают и особенности языковой картины мира писателя, и его прагматикон как частного лица, обладающего кругом симпатий и антипатий, располагающего возможностью привести самооценку, высказать в посланиях откровенные, в том числе нелицеприятные суждения. Эпистолярный свидетельствует: другим адресатам Н. С. Лесков признавался, что их с великим драматургом разделяет неравнозначное положение в литературных кругах, досадные стереотипные характеристики его пути «против течений» и сложной натуры – «дурной человек» (здесь и далее выделения в тексте наши. – В. Л.): *Я не удивляюсь, когда меня считает дурным человеком Островский, когда считает меня чуждым себе Некрасов или Салтыков (хотя никто, как эти два, не выражаются обо мне с похвалой), – но им я досадила...*². При этом проанализированное лесковское эпистолярное наследие даёт ряд свидетельств, которыми подтверждается устойчивый ценностный ореол, связанный с антропонимом *Островский* и стоящей за ним личностью.

Об этом говорят упоминание данного имени собственного в письмах разных лет, рассказ о чтении пьес А. Н. Островского в кругу друзей, демонстрация знания творчества драматурга в его динамике: *Дочери его весьма замечательные чтицы, и мы с ними вслух читывали разные роли из пьес Гоголя и Островского у тех же Щербатовых...*³ – предикат *читывать* («многокр. к *читать*») служит подтверждением адре-

сантом неоднократного обращения к текстам драматургических произведений; *Сюжет "воспитания свиньи" прекрасен. Это живой тип, которого не прозрел Островский. "Их будет царствие"*⁴ – предикат *не прозрел* (отриц. к перен. *прозреть* «Проникнуть умом во что-нибудь»⁵) подчёркивает, что Н. С. Лесков отлично знал тематику, проблематику пьес и определённо квалифицировал воссозданные в них типы.

Н. С. Лесков, таким образом, несмотря на ряд опубликованных им критических разборов произведений драматурга и даже нелестных сопоставлений их с шедеврами в театрах Петербурга репертуарными пьесами других авторов⁶, до конца своих дней считал А. Н. Островского великим художником, достоянием русской культуры [11, с. 97]. Формирование объёма концепта «Островский» в МЛК языковой личности Н. С. Лескова связано с константами 'образец мастерства', 'достояние культуры', 'ценность', отмеченными в эпистолярных текстах. Несомненно, рассматриваемое имя собственное относится к числу прецедентных в лесковском антропонимиконе и обладает выпуклыми ценностными смыслами, которые проявлены не только в эпистолярных текстах.

¹ Ср.: Головачева О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (Язык публицистики 60-х годов XIX века): дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2016. С. 348.

² Лесков Н. С. П. К. Щербальскому. 15 января 1876 г., Петербург // Лесков Николай Семёнович: Энциклопедическое собрание сочинений: электронная книга. М.: Адепт: ИДДК, 2002. 1 CD-ROM.

³ Лесков Н. С. И. С. Аксакову. 29 июля (10 августа) 1875 г., Мариенбад // Лесков Николай Семёнович: Энциклопедическое собрание сочинений: электронная книга. М.: Адепт: ИДДК, 2002. 1 CD-ROM.

⁴ Лесков Н. С. С. Н. Терпигореву. 10 мая 1887 г., Петербург // Лесков Николай Семёнович: Энциклопедическое собрание сочинений: электронная книга. М.: Адепт: ИДДК, 2002. 1 CD-ROM.

⁵ Прозреть // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/prozret> (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге (июнь 1866 г.) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5: Сочинения 1865–1868. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 499; Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге (март 1868 г.) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5: Сочинения 1865–1868. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 538–541; Лесков Н. С. Александринский театр в Петербурге. Новая пьеса А. Н. Островского «Пучина» // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5: Сочинения 1865–1868. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 663–683; Лесков Н. С. Петербургский театр (№ 44) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2007. С. 356 и др.

О соотношении Островский – Лесков в свете идиостилевых характеристик

Писателей ментально связывает важная и общая для них зона национальной концептосферы «Литература» и «Театр» – область культуры. Так, Н. С. Лесков – критик, театрал, автор пьесы «Расточитель» – даёт уверенные оценки произведениям А. Н. Островского: *...пьесу «Лес» очень трудно, если не совсем невозможно, сделать на сцене живую и интересную...¹*. Содержание многих его критических статей, художественных текстов, в персонажной зоне которых использованы диалоги на театральнo-литературные темы, касается содержания, образов и художественных достоинств пьес А. Н. Островского:

В театры он ездит, только когда дают Островского.

– Ужасно люблю этих канальев-самодуров, – говорит он жене. – Как ты думаешь, Берта Ивановна, отчего это у меня вкус такой?²;

Доктор посмотрел на него [Вязмитинова] и опять ничего не сказал.

– А по-моему, снова повторяю, в народной жизни нет драмы, – настаивал Зарницын.

– Да, удобной для воспроизведения на сцене, пожалуй; но ведь вон Островский и Писемский нашли же драму.

– Всё уголовные дела.

– Например, в «Грозе»-то?³;

См. в статье памяти прославленной актрисы: *Главные её роли – им счёт большой – известны очень хорошо нам, петербуржцам, и, отчасти, москвичам. «Гроза», «Не в свои сани не садись», «Грех да беда», «Гувернёр», «Свои люди – сочтёмся», «Ревизор», «Бедность не порок» и пр. – вот те пьесы, в которых сиял талант покойной*

в полном блеске. Последний тип, созданный ею, – это роль рабы-экономки в «Мутной воде». Сильнее, мрачнее и глубже других ролей исполняла она Кабаниху в «Грозе»⁴ – артионимами демонстрируется знание Н. С. Лесковым репертуара столичных театров, богатого пьесами А. Н. Островского.

Предпочтение той или иной тематики и проблематики относим к идиостилевым чертам автора, характеризующим его прагматикон. В связи с этим обращает на себя внимание многогранность соотношения творческих и языковых личностей современников, коллег по писательскому цеху, стоящих в русской культуре за антропонимами *Островский – Лесков*.

Прежде всего, оно проявляется в общности тематики произведений, изображаемых социальных пластов, к быту и нравам которых обращались оба автора. «Мы не только *сочувствуем* многим *пьесам А. Н. Островского...*», – находим в заключениях Н. С. Лескова⁵, где предикат *сочувствуем*, как контекстуальный партнёр антропонима в высказывании, отражает поддержку и приятие того, что показал драматург (*сочувствовать* – «Относиться отзывчиво, с сочувствием к чьим-нибудь начинаниям, намерениям, мыслям. / Быть идейно близким кому-чему-нибудь, придерживаться близкого кому-нибудь образа мыслей, поддерживать чью-нибудь деятельность и идеологию»)⁶.

Сам Н. С. Лесков, анализируя и сравнивая, опираясь на накопленный опыт, в «Автобиографической заметке», публицистических статьях, рецензиях подчёркивал глубокую, убеждающую правдивость произведений А. Н. Островского, которая была основана на знании драматургом жизни народа, его сословных типов,

¹ Лесков Н. С. Петербургский театр (№ 44) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2007. С. 357.

² Лесков Н. С. Островитяне // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1999. С. 183.

³ Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1997. С. 705.

⁴ Лесков Н. С. Юлия Николаевна Линская // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2007. С. 313.

⁵ Лесков Н. С. Специалисты по женской части. Статья вторая и последняя // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 611.

⁶ Сочувствовать // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/сочувствовать> (дата обращения: 10.02.2023).

что делало близкими их прагматические установки в творческой деятельности: «Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего “мелкопоместного курничка”, из постоялого двора и с поповки. А потому, когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством. Всё же прочее, кроме ещё одного **Островского**, – мне казалось деланным и неверным»¹. Смысловой объём имени **А. Н. Островский** как концепта предстаёт наполненным содержанием ‘исключительность дарования’, ‘правдивость в искусстве’, ‘подлинность’, ‘бытописание’, ‘народность’ при высокой оценке этих достоинств.

Лесковские художественные и публицистические контексты, как и эпистолярный, подтверждают знание и понимание литератором тех типов, которые **А. Н. Островский** вывел на сцену. Например, отмечено, что такой распространённый российский женский тип, как «божие творение Оля Тихонина» (см. конкретизацию распространения топонимами: *видали в Москве, Сумах, Петербурге, Белеве и Одессе*), не представлен в картинах «тёмного царства» («иносказ. Невежество, отсталость»)², характерных для обличающей пороки российской жизни драматургии (см.: *не срисовал* в «бесценный, мастерский альбом», где *срисовать* – перен. к разг. «Нарисовать с натуры»³):

Дивное было творение божие эта Оля Тихонина.

Дивно оно для нас тем более, что все её видали в последнее время в Москве, Сумах,

*Петербурге, Белеве и Одессе, но никто, даже сам **Островский**, катаясь по тёмному царству, не заметил Оли Тихониной и не срисовал её в свой бесценный, мастерской альбом*⁴. Предикат *не заметил* подчёркивает отсутствие данного женского типа среди героинь **А. Н. Островского** (прост. *заметить* – «Наблюдая, подметить, увидеть»⁵).

Непосредственно о типах, выведенных на сцену **Островским**, говорит **Н. С. Лесков**, представляя чьи-либо актёрские роли: *С пятидесятих годов одна за другою стали появляться пьесы **Островского**, а за ним и других, и тут именно, в воспроизведении бытовых характеров старух, купчих, приживалок, матушек и свах Линская нашла себя, а нам вместо неё не найти другой*⁶ – здесь использованы феминитивы *купчиха* («Жена купца»), *матушка* («Жена священника (с оттенком почтительности; разг.)»), *приживалка* («Бедная женщина, не из крепостных, жившая в барском, помещичьем или купеческом доме на средства хозяев, не имевшая никаких определённых обязанностей и развлекавшая хозяйку, составлявшая её общество»), *старуха* («Женск. к старик: человек, достигший старости»)⁷.

П. М. Пильский назвал пристрастие к бытописанию чертой, указывающей на близость обоих талантов: «В разносторонности своего писательского размаха он при-

⁴ Лесков Н. С. Некуда // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 1997. С. 163.

⁵ Заприметить // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/zaprimetity> (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Лесков Н. С. Юлия Николаевна Линская // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 2007. С. 312.

⁷ Купчиха // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/kupchixa> (дата обращения: 10.02.2023); Матушка // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/matushka> (дата обращения: 10.02.2023); Приживалка // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/prizhivalka> (дата обращения: 10.02.2023); Старуха // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/staruxa> (дата обращения: 10.02.2023).

¹ Лесков Н. С. [Автобиографическая заметка I] // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников / сост. О. А. Фрибес, А. Е. Зарина, Е. И. Зариной. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 598.

² Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1997. С. 366.

³ Сривать // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/srivaty> (дата обращения: 10.02.2023).

мыкает иными чертами к Салтыкову, знанием быта сближается с Островским...»¹ [3; 14]. Безусловно, каждый из авторов перерос в своём творчестве эту характеристику, но она во многом оправданна [см.: 8, с. 355–426; 4, с. 141–155].

Исследователями сделаны выводы об очевидном «сюжетном и персонажном сходстве», проявившемся «в прямых текстовых переключках, которые связывают произведения двух художников» [14, с. 141]. Это в лингвистическом плане указывает на интертекстуальность, что, по нашим наблюдениям, подтверждается различными фактами.

Во-первых, ономастической составляющей пространства лесковских произведений: единицами идиолексикона писателя становятся имена героев, названия произведений А. Н. Островского: «Свадьба Кречинского» и «Женитьба Бальзаминова», вещи не чета этой, вышли под этими простыми названиями...²; Нынче Любимы Торцовы не в моде, а в ходу «Самопомощь» Смайльса³ и др.

Во-вторых, контекстуально значимыми для текстов А. Н. Островского лексемами – по существу точечными цитатами, употреблёнными в речевых партиях персонажей Н. С. Лескова: [Челночек] Я, братицы, в Питере жимиши, раз в Лександринском театре видел, как критику одну на купцов представляли... а гусар его на пароме обругал, так он и голосу против него не выискал⁴. В реплике, где затронута запоминающаяся сцена из драмы

«Гроза», использовано одно из характерологических средств в предикатном конвое образа Дикого – глагольная лексема *обругать* («Обозвать бранным словом, выбранить»⁵).

В-третьих, отсылками-сопоставлениями в качестве реминисценций или аллюзий, вследствие введения которых Н. С. Лесковым находки А. Н. Островского прямо связываются с именем этого автора, создавшего комическую фигуру и её своеобразное речевое «облачение», которое сделало образ запоминающимся. Они включаются в круг прецедентных феноменов МЛК Лескова: *Их никак нельзя равнять в роде махмудов, ибо если один из них (как говорит Островский) махмуд турецкий, а другой махмуд персидский, то во всяком случае курский аскоченский махмудистее петербургского...*⁶. Вербальные переключки в роде махмудов, махмуд турецкий, махмуд персидский связывают уничижительную оценку с помощью окказионализма махмудистее («кач. Иронично о том, кто приписывает себе одному ему ведомые свойства, что напоминает рассказ героини А. Н. Островского о султанах Махнутах (искаженное Махмуд)»⁷) с образом безграмотной псевдостраницы Феклуши, «много слышавшей», но тёмной, далёкой от света истины, из знаменитой и любимой Лесковым драмы «Гроза».

В иронических рассуждениях Лескова-публициста, который опирался на широко известные строки драматурга, где обличается невежество, также наблюдаем интертекстуальность за счёт актуализации вспыхивающих в них реминисценций: *Конец света решён в этом месяце, и пережить светопреставление, разумеется, мудрено. И хотя московские кумушки ещё не пришли к единомыслию насчёт того, где теперь находится хвост роковой кометы – в белой или*

¹ Пильский П. М. Н. С. Лесков. К столетию со дня рождения // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников / сост. О. А. Фрибес, А. Е. Зарина, Е. И. Зариной. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 594.

² Лесков Н. С. Русский драматический театр в Петербурге (июнь 1866 г.) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5: Сочинения 1865–1868. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 494.

³ Лесков Н. С. На ножах // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 556.

⁴ Лесков Н. С. Расточитель // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5: Сочинения 1865–1868. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 455.

⁵ Обругать // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/обругать> (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Лесков Н. С. Последнее слово г. д-ру Аскоченскому // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1996. С. 327.

⁷ Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 254.

чёрной Арапии, но что комета одним концом уже пришла в соприкосновение с нашей планетой, в этом не существует никакого сомнения¹. Переключка детерминирована использованием в лесковском контексте употреблённого в пьесе А. Н. Островского «Праздничный сон до обеда» топонимамифологемы *Белая Арапия* как средства комической характеристики персонажей (от известного в купеческой среде в XIX в.² просторечного слова *арап* – «Негр, вообще чернокожий», возможно, искаж. *араб, арабы* – «народ, населяющий Аравию»³).

В связи с вышесказанным следует подчеркнуть заметное тяготение обоих авторов к народно-бытовой лексике, просторечным оценочным словам, разговорному синтаксису [15] как средствам создания образов, с одной стороны, с другой – к «древнерусской словесности и церковно-славянскому языку» в качестве ресурсов, формирующих «самобытную поэтичность», иконичность, экфрастичность текстов [13, с. 1012].

Разговорные слова из арсенала А. Н. Островского отмечаем в идиолекте склонного к их использованию Н. С. Лескова – ценителя народной меткой речи: *Она строит такие планы, высказывает такие соображения и делает такие выводы, что просто (как говорят герои г. Островского) порядочному человеку претит*⁴, где безл. *претит* – прост. и разг. *претить* «Вызывать отвращение, гадливое чувство, быть противным для кого-чего-нибудь» – из реплики стряпчего Рисположенского (Свои люди – сочтёмся!). Экспрессивность такой характеристики не осталась не замеченной воспользовавшимся ею Н. С. Лесковым, что подчёркивает в содержании антропо-

нима А. Н. Островский как концепта компонентов ‘знаток русской натуры’, ‘мастер слова’, ‘народность языка’.

Наши наблюдения показали, что в демикатовой книге, дневнике о. Савелия Туберозова, главного героя хроники «Соборяне», Н. С. Лесков использует в сокрушениях высокого духом протопопа фразу из комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся!», принадлежащую речевой партии Устиньи Наумовны, свахи. Её введение нацелено на имплицитное объяснение автором вынужденного примирения протопопа с устройством вещей в этом грешном мире: *Вот теперь уже рясу свою вижу уже за глупость, мог бы и без неё обойтись, и было бы что причту раздать пообильнее. Но думалось: «нельзя же комиссару и без штанов»*⁵. Выражение стало крылатым уже в XIX в., относится к фразеологическому фонду русского языка, о чём говорит его фиксация в словарях: «Нельзя же комиссару (засёдателью) безъ штановъ; хоть худенькіе, да голубенькіе (да съ пуговкою)»⁶. Н. С. Лесков прибегал к прецедентным характеристикам, сложившимся в текстах Островского, понимая их талантливость, убедительность и силу.

«Жестокие нравы»

К драме «Гроза» Н. С. Лесков неоднократно обращался в художественных произведениях и публицистических статьях, театральных рецензиях, о чём свидетельствует употребление этого артионима чаще других номинаций пьес А. Н. Островского, а также упоминание персонажей драмы, прежде всего *Катерины: Пьесы, прославившие её и взаимно ею прославленные, суть «Гроза», «Бедность не порок», «Воспитанница», «Не в свои сани не садись», «Жених их Ножовой линии», «Испорченная жизнь», «Губернёр», «Доходное место», «Грех не беда», «Свои люди – сочтёмся», «Приёмщи», «Ревизор», «Омут» и, наконец, «В мутной воде, где*

¹ Лесков Н. С. Наблюдения и заметки // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 2012. С. 352.

² Примечания // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 2012. С. 721.

³ Араб // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/араб> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Лесков Н. С. Из Киева // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 1998. С. 541.

⁵ Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книгоvek, 2012. С. 33.

⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА: 1997. С. 658.

она создала в последнее время целостный тип и этим закончила своё сценическое и земное поприще¹; ...слёзы, стремления к самоистязанию и к раскаяниям под страхом чего-то неотразимого, давящего и пугающего воображение. Известная **Катерина в «Грозе» Островского** даёт некоторое понятие о таком состоянии².

Многие произведения Н. С. Лескова представляют «нравственную платформу бытия» русского народа, показывают, что автор обличал косность, «ненавидел и критиковал пьяниц, считал пьянство порочной страстью» [2, с. 21–25], мучительно размышлял, сопереживая, о горькой судьбе русских крестьян (Загон, Житие одной бабы, Тупейный художник, Юдоль и др.), осуждал распушенность страстей, пороки в быту, семейный деспотизм, видя перед собой в искусстве пример их обличителя – А. Н. Островского. См.: ...и семья наша в наше время едва ли уже не совсем раззнакомилась с тяжёлыми **деспотами**, с какими знакомил русское общество **Островский**³ – ключевое слово контекста **деспот** («перен. Человек, принуждающий других поступать по его воле, не считающийся с чужими желаниями; тиран»)⁴.

Слова из речевой партии Кулигина, персонажа драмы «Гроза» А. Н. Островского, **«жестокые нравы, сударь, в нашем городе, жестокие»** (д. 1, явл. 3), по нашим наблюдениям, отвечали взглядам писателя, отражали позицию художника-реалиста, честного публициста, служили актуальным прецедентным текстом для Н. С. Лескова, являлись поистине крылатым выражением, которое он использовал в качестве меткой характеристики также в усечённом виде, применяя

элиминацию кавычками: **«жестокые нравы», нравы «жестоки»**: Полагаем, что это происходит частью оттого, что гувернантки, с давних пор, очень часто являются героинями в романах, повестях, рассказах и успели порядочно понаскучить нашим нетерпеливым читателям, а частью просто потому, что... **«жестокые, сударь, нравы в нашем городе»**⁵. Мы зафиксировали 8 случаев его использования в обследованных текстах разных жанров – в авторском повествовании и репликах персонажей⁶.

Анализ контекстов позволяет сделать выводы о том, что черту «жестокые нравы» писатель считал основанием и показателем личных трагедий, бездуховности, маловерия в обществе:

– Да, со Христом-то это легче, – поддерживал Евангел.

– А то **«жестокые ещё, сударь, нравы в нашем городе»**, – добавил Форов⁷.

Крылатая фраза становилась средством обличения косности устоев (Когда это печатает Павел, злостный раскольник, *ex-patrié*, анафема московский, анафема вилькомирский и опять *ex-patrié*, то... ну да уж можно, кажется, поверить, что **«жестокые, сударь, нравы в нашем городе»**⁸), бытовых пороков (...**нравы «жестоки»** и смягчать их всё-таки нечем, *окромя винной примочки*⁹), интриг и лицемерия (А г. Герцен тем часом всё нёс какую-то фантазмагорию. Вы ему рекомендовали

¹ Лесков Н. С. О Юлии Николаевне Линской. Петербургский театр // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 310.

² Лесков Н. С. Наша провинциальная жизнь № 238 // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 2004. С. 198.

³ Лесков Н. С. В дороге и дома. Случайные заметки // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 12. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 356.

⁴ Деспот // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/деспот> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Лесков Н. С. <Внутреннее обозрение: благонамеренное употребление имени г. Асоченского; отношение этого имени к скучным вопросам; опыт применения этого имени к вопросу о русских гувернантках; заботы об учительницах> // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 397.

⁶ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т.: Т. 2, с. 397; Т. 3, с. 201, 374, 570; Т. 5, с. 679–680; Т. 9, с. 113; Т. 10, с. 233.

⁷ Лесков Н. С. На ножах // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2004. С. 113.

⁸ Лесков Н. С. С людьми древнего благочестия // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 1996. С. 570

⁹ Лесков Н. С. Наша провинциальная жизнь // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2007. С. 233.

«Островского почитать», говорили ему: «Вот какие, сударь, **нравы-то в нашем городе**». А он извещал, что войска русские перейдут на сторону Польши, что раскольники дышат враждою против царя и правительства¹), непросвещённости и неуспешности, противопоставленной европейскому рвению и техническим нововведениям в хозяйственной деятельности (Так ещё слава тебе, Господи, что наша парижская поповка такая, какая она есть. Она могла бы быть даже несколько хуже, и тогда ещё, вспомнив наши **жестокые нравы**», её всё-таки нельзя бы осуждать строго²).

Раскрытие смысловых оттенков крылатой фразы обеспечивают контекстуальные партнёры, представленные оценочной лексикой, разговорно-просторечными словами с ингерентной негативнооценочной коннотацией, иронично употреблёнными единицами идиолексикона: *анафема* («Проклятый, негодяй (прост. бран.)»); *винная примочка* (перен., иносказ, ирон. 'выпивка'; ср. *примочка*: «Лекарственная жидкость, которою смачивают кусочек ткани или ваты для прикладывания к больному месту»); *злостный* («Закоренелый во зле, в чём-нибудь дурном»); *нести* (уничж., ирон., перен. «Говорить, писать»); *окромя* (прост. и обл. «То же, что кроме»); *раскольник* («Член одной из сект, принадлежащих к расколу» (контекстуально неодобрительное); ср.: «перен., полит., неод. Человек, создающий раскол в какой-нибудь организации, способствующий ему»); *фантазмагория* («перен., разг. Чепуха, невозможная вещь»)³.

Использование крылатой фразы «жестокые нравы, сударь, в нашем городе, жестокие» и её контекстуальных вари-

антов Н. С. Лесковым указывает на общность его мировоззренческих установок, прагматических оценок при изображении русской жизни, характеров, типов с А. Н. Островским, подтверждает прецедентность и данного выражения, и самой драмы, имевшей, как известно, большое значение для развития общественной мысли, нравственности, «женского вопроса» в России второй половины XIX в. Отсюда следующие компоненты содержания имени А. Н. Островский как концептуально значимого для Н. С. Лескова: 'общность мировоззрения', 'близость оценок российской действительности'.

Заключение

Имя А. Н. Островского у Н. С. Лескова носит прецедентный характер, как показывает подавляющее большинство случаев его употребления. Контексты выявляют, что данным антропонимом отражаются смыслы, которые характерны не только для лесковской концептосферы: они проецируются на русскую культуросферу в целом, освоены причастными к ней, о чём свидетельствуют вербализаторы-характеристики. Так, о *таланте* драматурга (*талант* – «Дарование, одарённость, выдающиеся природные способности»)⁴ находим высказывание в некрологе о Е. Н. Эдельсоне, и это весомый аргумент – мнение уважаемого современника: *Из живущих теперь литературных людей он больше всего надеялся на А. Н. Островского и всегда с необыкновенною верою и теплотою говорил о его таланте. В последнее моё свидание с Эдельсоном он только и говорил об Островском и всё жалел о том, что его "Воевода" не пользуется у публики тем вниманием, на которое имеет всякое пра-*

¹ Лесков Н. С. Литературно-полемический вопрос (К изданию «Северной пчелы») // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 1996. С. 374

² Лесков Н. С. О Парижском приходе // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 1996. С. 201.

³ Фантазмагория // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/фантазмагория> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Талант // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/талант> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Эдельсон Е. Н. Литературный некролог // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книговек, 1998. С. 686.

Н. С. Лесков, имевший общие фоновые знания с современными литераторами, любителями и знатоками театра, шире – просвещенной интеллигенцией, указывает на высокую значимость творческого наследия и личности великого русского драматурга. Пиетет и симпатия к Островскому пронизывают оценку портрета кисти В. Г. Перова, написанного в 1871 г.: *Между портретами, попавшими на передвижную выставку, пальма первенства принадлежит портрету г. Островского, писанному г. Перовым. Необычайная выразительность лица, в особенности взгляда, и рельефность головы делают эту работу образцовою в своём роде: голова совершенно отделяется от фона, как в стереоскопе. И глаза глядят таким живым взглядом, что иллюзия достигается полная* (Наблюдения и заметки)¹. Искренняя оценка выразительности, а главное, живости передачи образа на полотне («живой взгляд») – это имплицитное подтверждение отношения к личности и творчеству А. Н. Островского, которое вызывало и вызывает неугасающий интерес, актуально (см. *живой* – ‘жизненный’, «Выражающий жизненную энергию, подвижность»)².

Таким образом, антропоним *А. Н. Островский* в текстах разных жанров Н. С. Лескова репрезентирует одно-

имённый концепт со следующими важными содержательными компонентами его объёма: а) свидетельствующими о роли Островского в русской культуре, с точки зрения социальной – ‘драматург’, ‘талант’, ‘почитаемый’, ‘уважаемый’, ‘ценность’, ‘достояние культуры’; б) дающими оценку специфике творчества – ‘правдивость в искусстве’, ‘подлинность’, ‘народность’, ‘знарок русской природы’, ‘мастер слова’; в) указывающими на близость прагматических установок идиостилей обоих писателей – ‘общность мировоззрения’, ‘близость оценок российской действительности’; г) спроецированными на личность Н. С. Лескова как литератора – ‘современник’, ‘старший’, ‘опытный’, ‘пример’, ‘авторитет’, ‘образец мастерства’ ‘влияющий, указывающий путь’.

Статьи Н. С. Лескова, посвящённые театральной жизни, в том числе анализу пьесы «Пучина», исторических драм, отражающих творческую эволюцию А. Н. Островского в зрелом возрасте, заслуживают отдельного рассмотрения. Однако и в них, несмотря на критику, Н. С. Лесков не изменяет к драматургу пиететного отношения, ценит его заслуги перед русским театром.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова А. П., Леденёва В. В. Прецедентные имена *Роберт Оуэн* и *Нью-Ланарк* в ранней публицистике Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. 2019. № 4 (19). С. 123–129.
2. Головачева О. А. Коннотативные единицы – репрезентанты идиостиля Н. С. Лескова-публициста раннего периода творчества // Мир Н. С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения Н. С. Лескова, г. Брянск, 18 февраля 2021 г. / под ред. А. В. Антюхова, О. А. Головачевой, И. И. Киютиной, Н. В. Трошиной. Брянск: Редакционно-издательский совет Брянского государственного университета, 2021. С. 20–28.
3. Клишина О. С. Кросс-культурный подход к исследованию внешности персонажа художественной литературы: индивидуальное и этноспецифическое (на примере творчества А. Н. Островского, Н. С. Лескова и А. П. Чехова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 22–24.
4. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Постатор, 2022. 462 с.

¹ Лесков Н. С. О Парижском приходе // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. М.: ТЕРРА, Книжный Клуб Книготек, 2007. С. 441.

² Живой // Толковый словарь Ушакова. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/живой> (дата обращения: 10.02.2023).

5. Леденёва В. В. Прецедентное имя *Лермонтов* в текстах Н. С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 8–13.
6. Леденёва В. В. Прецедентные феномены в текстах Н. С. Лескова: имя и строки А. Фета // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, г. Арзамас, 17–18 мая 2012 г. / отв. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт, 2012. С. 217–222.
7. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 260 с.
8. Либан Н. И. Творчество Н. С. Лескова 60–80-х годов XIX века // Либан Н. И. Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 355–426.
9. Ляпидовская М. Е. Антропонимы в творчестве Н. С. Лескова (когнитивный и деривационный аспекты): автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2007. 21 с.
10. Магичкая А. М. Опыт сравнительного анализа произведений А. Н. Островского и Н. С. Лескова // Механизмы инновационного развития российской экономики и общества в условиях цифровой экономики: материалы международной научно-практической конференции, г. Саратов, 19 марта 2018 г. Саратов: ИИРПК, 2018. С. 61–64.
11. Макарова Е. А. Сюжет «Театр» в писательской критике Н. С. Лескова // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 1. С. 94–101.
12. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1997. 414 с.
13. Мосалева Г. В. Слово изображённое и изображающее: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29. № 6. С. 1012–1017.
14. Пращерук Н. В. Об интертекстуальной составляющей повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Литературный сборник. 2015. № 53–54. С. 139–147.
15. Трошина Н. В., Федорова Т. В. Вставные конструкции в эпистолярных текстах Н. С. Лескова // Мир Н. С. Лескова: поэтика, прагматика, стилистика: сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения Н. С. Лескова, г. Брянск, 18 февраля 2021 г. / под ред. А. В. Антюхова, О. А. Головачевой, И. И. Киютиной, Н. В. Трошиной. Брянск: Редакционно-издательский совет Брянского государственного университета, 2021. С. 305–322.
16. Федорченко Е. А. О прецедентном имени *Н. Бердяева* в автобиографическом повествовании Л. Бородин «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 67–76.
17. Федотова Т. В., Черкашина Т. Т. Когнитивно-ассоциативная структура имени собственного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 32–41.
18. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge: Harvard UP, 1980. 288 p.

REFERENCES

1. Bazhenova A. P., Ledeneva V. V. [Precedent Names Robert Owen and New Lanark in the Early Journalism of N. S. Leskov]. In: *Verkhnevolzhsky filologicheskii vestnik: nauchnyi zhurnal* [Upper Volga Philological Bulletin: Scientific Journal], 2019, no. 4 (19), pp. 123–129.
2. Golovacheva O. A. [Connotative Units – Representatives of the Idiostyle of N. S. Leskov, a Publicist of the Early Period of Creativity]. In: Antyukhov A. V., Golovacheva O. A., Kiyutina I. I., Troshina N. V., eds. *Mir N. S. Leskova: poetika, pragmatika, stilistika: sbornik докладов участников Nacional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya N. S. Leskova, g. Bryansk, 18 fevralya 2021 g.* [World of N. S. Leskov: Poetics, Pragmatics, Stylistics: A Collection of Reports of the Participants of the National Scientific and Practical Conference Dedicated to the 190th Birthday of N. S. Leskov, Bryansk, February 18, 2021]. Bryansk, Editorial and Publishing Council of Bryansk State University Publ., 2021, pp. 20–28.
3. Klishina O. S. [Cross-Cultural Approach to the Study of the Appearance of a Character in Fiction: Individual and Ethnospecific (On the Example of the Work of A. N. Ostrovsky, N. S. Leskov and A. P. Chekhov)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2011, no. 2, pp. 22–24.

4. Ledeneva V. V. *Osobennosti idiolekta N. S. Leskova* [Features of N. S. Leskov's Idiolect]. Moscow, Postator Publ., 2022. 462 p.
5. Ledeneva V. V. [Precedent Name *Lermontov* in the Texts of N. S. Leskov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2014, no. 4, pp. 8–13.
6. Ledeneva V. V. [Precedent Phenomena in the Texts of N. S. Leskov: The Name and Lines of A. Fet]. In: Pyatkin S. N., ed. *Russkoe slovo: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Arzamas, 17–18 maya 2012 g.* [Russian Word: Past, Present, Future: Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference with International Participation, Arzamas, 17– May 18, 2012]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2012, pp. 217–222.
7. Ledeneva V. V. *Slovo Leskova* [The Word of Leskov]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015. 260 p.
8. Liban N. I. [Creativity of N. S. Leskov in the 60–80s of the 19th century]. In: Liban N. I. *Izbrannoe: Slovo o russkoi literature: ocherki, vospominaniya, etyudy* [Favorites: A Word about Russian Literature: Essays, Memoirs, Etudes]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2010, pp. 355–426.
9. Lyapidovskaya M. E. *Antroponimy v tvorchestve N. S. Leskova (kognitivnyi i derivatsionnyi aspekty): avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Anthroponyms in the Work of N. S. Leskov (Cognitive and Derivational Aspects): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2007. 21 p.
10. Magitskaya A. M. [The Experience of Comparative Analysis of the Works of A. N. Ostrovsky and N. S. Leskov]. In: *Mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki i obshchestva v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Saratov, 19 marta 2018 g.* [Mechanisms of Innovative Development of the Russian Economy and Society in a Digital Economy: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, March 19, 2018]. Saratov, IIRPK Publ., 2018, pp. 61–64.
11. Makarova E. A. [The Plot of “Theatre” in the Writer’s Criticism of N. S. Leskov]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot and Photography], 2015, no. 1, pp. 94–101.
12. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian Agnonyms (Words that We do not Know)]. Moscow, State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin Publ., 1997. 414 p.
13. Mosaleva G. V. [The Word Depicted and Fertilizing: A. N. Ostrovsky, N. S. Leskov, I. S. Shmelev]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2019, vol. 29, no. 6, pp. 1012–1017.
14. Prashcheruk N. V. [On the Intertextual Constitution of N. S. Leskov’s Story “Lady Macbeth of the Mtsensk District”]. In: *Literaturnyi sbornik* [Literary Collection], 2015, no. 53–54, pp. 139–147.
15. Troshina N. V., Fedorova T. V. [Insert Constructions in the Epistolary Texts of N. S. Leskov]. In: Antyukhov A. V., Golovacheva O. A., Kiyutina I. I., Troshina N. V., eds. *Mir N. S. Leskova: poetika, pragmatika, stilistika: sbornik dokladov uchastnikov Natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya N. S. Leskova, g. Bryansk, 18 fevralya 2021 g.* [World of N. S. Leskov: Poetics, Pragmatics, Stylistics: A Collection of Reports of Participants in the National Scientific and Practical Conference dedicated to the 190 Anniversary of the Birth of N. S. Leskov, Bryansk, February 18, 2021]. Bryansk, Editorial and Publishing Council of Bryansk State University, 2021, pp. 305–322.
16. Fedorchenko E. A. [About the Precedent Name of N. Berdyaev in the Autobiographical Collection of L. Borodin “Without Choice”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 1, pp. 67–76.
17. Fedotova T. V., Cherkashina T. T. [Cognitive-Associative Structure of the Proper Name]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 5, pp. 32–41.
18. Kripke S. *Naming and Necessity*. Cambridge, Harvard UP, 1980. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ledeneva Valentina Vasilyevna – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, State University of Education;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В. Имя А. Н. Островского в текстах Н. С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 29–42.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-29-42

FOR CITATION

Ledeneva V. V. The Name of A. N. Ostrovsky in the N. S. Leskov's Texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 29–42.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-29-42

УДК 81. 42

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-43-55

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЁРЫ КАТЕГОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КОМЕДИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО «СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЁМСЯ»

Шаповалова Т. Е.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени на материале текста комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся».

Процедура и методы. Автором статьи проведён структурно-семантический анализ предложений, извлечённых нацеленной выборкой из комедии А. Н. Островского, с использованием методов лингвистического наблюдения, описания, интерпретации и обобщения.

Результаты. Выявление особенностей структуры, функций, лексической и грамматической семантики предложений, содержащих темпоральные наречия, временную синтаксему или темпоральный субстантивный оборот. Показано, как при сохранении грамматической формы повышается смысловая насыщенность высказывания, усиливается его эмоционально-экспрессивная и функциональная направленность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость статьи определяется вкладом в методологию лингвистического описания простого предложения, востребованностью предложенного подхода при синтаксическом анализе. Практическая значимость материалов статьи обусловлена возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: временная определённость / неопределённость, временной оттенок значения, временная синтаксема, лексико-грамматический маркёр, темпоральные наречия, темпоральный субстантивный оборот

LEXICO-GRAMMATICAL MARKERS OF THE SYNTACTIC TIME CATEGORY IN A. N. OSTROVSKY'S COMEDY "IT'S A FAMILY AFFAIR – WE'LL SETTLE IT OURSELVES"

T. Shapovalova*State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We examine lexico-grammatical markers of the syntactic time category based on the text of A. N. Ostrovsky's comedy "It's a family affair – we'll settle it ourselves."

Methodology. Methods of linguistic observation, description, interpretation, and generalization are employed to structurally and semantically analyze sentences from A. N. Ostrovsky's comedy, extracted by targeted sampling.

Result. Peculiarities of the structure, functions, and lexical and grammatical semantics of sentences containing temporal adverbs, temporal syntaxemes or temporal substantive phrases are identified. It is shown that preserving the grammatical form increases the semantic saturation of the statement and its emotional-expressive and functional orientation.

Research implications. The theoretical significance is determined by the contribution to the methodology of linguistic description of simple sentences and by the demand for the proposed approach in

syntactic analysis. The practical significance of the presented materials stems from the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: temporal certainty / uncertainty, temporal connotation of meaning, temporal syntaxeme, lexico-grammatical marker, temporal adverbs, temporal substantive phrase

Введение

В лингвистических исследованиях понятие времени как базовому в концептуальной и языковой картине мира всегда уделяется значительное внимание и место. Говорящий субъект создаёт своё собственное представление о времени, осмысливая при этом разные модели времени и примеряя их на себя.

Простое предложение как синтаксическая единица выражает грамматическую семантику времени разными означающими: интонационно-синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексико-семантическими, лексико-грамматическими и конструктивно-синтаксическими средствами русского языка. В тексте комедии «Свои люди – сочтёмся», с которой началась слава писателя, А. Н. Островским создаётся особая лексическая и грамматическая система [7, с. 44], способная раскрыть всё богатство презентации временных отношений. Цель исследования состоит в изучении лексико-грамматических маркёров [6] категории синтаксического времени на материале текста выбранной комедии.

Семантически не членимые языковые единицы в репликах героев комедии

Живое участие в речевой коммуникации героев комедии отведено семантически не членимым языковым единицам [4]¹ – фразеологическим семантическим группам – с временным значением.

Группа «Узуальное действие» представлена языковой единицей *дённо и ноцно* ‘всё время, постоянно, круглые сутки’², на пример: **Аграфена Кондратьевна**. *Ты вот*

*тут хохришься да разные глупости выколуываешь, а мы с отцом-то дённо и ноцно заботимся*³. Видовременные формы глагола организуют лексико-синтаксический пласт семантики двусоставного предложения. Актуально-длительное значение глагола несовершенного вида *заботимся*, выступающего в роли основной специализированной формы простого глагольного сказуемого, согласуется со значением фразеологической единицы, что способствует презентации имперфективного процессуального значения неотмеченного [3] настоящего синтаксического времени.

Группа «Преклонный возраст» представлена языковой единицей *на старости лет* ‘в преклонном возрасте’⁴. Её используют в разных конструкциях и Фоминишна, и Аграфена Кондратьевна, и Устинья Наумовна, и Большов.

Перфективное значение отмеченного [3] прошедшего синтаксического времени находит экспликацию в двусоставном простом предложении: **Аграфена Кондратьевна**. *Оставил ты меня сиротой на старости лет*⁵; **Аграфена Кондратьевна**. *Вот бог привёл на старости лет, дожили до радости*⁶. Герои констатируют результативность свершившихся действий или предельных состояний.

В двусоставном предложении: **Фоминишна**. *Уж извини меня, глуха стала на старости лет*⁷ – завершается становление предикативного признака глуха для опущенного предикативно определяемого

¹ См. также: Тимошенко И. В. Малый фразеологический словарь: формы-идиомы. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 408 с.

² Дённо и ноцно // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 135.

³ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 24.

⁴ На старости лет // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 791.

⁵ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 82.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Там же. С. 56.

благодаря использованию специализированной связки, передающей не только перфективное значение отмеченного прошедшего синтаксического времени, но и семантику модальности предиката.

В структуре связочно-модально-инфинитивного безличного предложения временная определённость реализована имперфективным настоящим: **Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живёт**¹; а временная неопределённость – формой независимого инфинитива в собственном инфинитивном предложении с модальным значением волеизъявления: **Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бежать-то за тобой на старости лет!**²; **Большов. Не плясать же мне по её дудочке на старости лет**³.

Группа «Сразу» представлена языковой единицей **сию минуту** ‘сейчас, тотчас’⁴ в односоставном определённо-личном предложении спрягаемо-личного подтипа: **Аграфена Кондратьевна. Сию минуту брось!**⁵ Семантика побудительности, заключённая в форме повелительного наклонения глагола совершенного вида, перекликается со значением потенциальности и передаёт синтаксическую неопределённость в рамках будущего времени: потенциальное действие может осуществиться только после высказанного побуждения.

Группа «Не сейчас» получает презентацию языковой единицей **в те поры** ‘тогда’⁶ в обобщённо-личном предложении, где совмещаются объективный и субъективный аспекты: **Подхалюзин. А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сго-**

воришь⁷ – форма будущего времени индикатива служит логико-грамматическому обобщению темпоральной семантики.

В разбираемых семантических группах «значение отдельного слова растворяется», «становится неопределённым» [2, с. 63], что позволяет их отнести к разряду семантически не членяемых языковых единиц.

Роль темпоральных наречий в тексте комедии

Нацеленная выборка речевого материала обнаружила, что в комедии «Свои люди – сочтёмся» А. Н. Островским представлен следующий реестр темпоральных наречий: *вдруг, вечером, день-деньской, ежеминутно, завтра, зимой, иногда, когда, когда-нибудь, когда-то, недавно, никогда, нынче, опять, пока, поскорее, после, поутру, прежде, сейчас, скоро, теперь, теперича, часто*. Многообразие использованных наречий позволяет драматургу с их помощью уточнить те значения и оттенки временной семантики, которые выражаются морфологическими формами глаголов, выступающих в функции сказуемых.

Наречие *вдруг* реализует разные смыслы в тексте комедии:

– обладая семой ‘внезапно, неожиданно’⁸, согласуется с семантикой совершенного вида глагола, называющего результативные действия: **Большов. Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер – так всё прахом и пойдёт**⁹; **Липочка. Ну, вдруг приедет – чего хорошего!**¹⁰;

– устаревшее содержание ‘сразу’¹¹ эксплицируется в утвердительной кон-

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 30.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 60.

⁴ Сию минуту // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 791.

⁵ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 23.

⁶ В те поры // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 578.

⁷ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 88.

⁸ Вдруг // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 144.

⁹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Вдруг // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 144.

струкции: **Липочка. Вот вы вдруг и расплакались!**¹;

– разговорное ‘не сразу’² – в отрицательной: **Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся. Не вдруг-с!**³.

Сочетаясь с формой настоящего времени глагола несовершенного вида, наречие *вдруг* позволяет передать перфективное значение неотмеченного настоящего синтаксического времени первой разновидности: **Олимпиада Самсоновна. А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других**⁴. Актуально-длительная семантика формы настоящего времени глагола несовершенного вида *вижу* уступает место значению единичного законченного действия.

Многие темпоральные наречия, используемые в комедии драматургом, коррелируют с трансляцией сем ‘локализованность / не-локализованность действия во времени’. Так, локализованность конкретного единичного действия во времени может быть отнесена к одному из временных планов: настоящему, прошедшему или будущему.

Отнесённость события к настоящему времени передаётся наречием *пока*, которое обозначает некоторый отрезок времени, длящийся до наступления другого действия; *пока* ‘в данный момент, сейчас’⁵; наречием *поутру* разг. ‘утром’⁶, например: **Подхалюзин. ... нам пока не требуется**⁷; **Подхалюзин. благородный-то поутру на службе ...**⁸.

Отнесённость события к прошедшему времени может быть передана темпоральными наречиями *день-деньской* ‘в течение целого дня’⁹; *прежде* ‘до этого времени, раньше’¹⁰; *недавно* ‘немного времени тому назад, незадолго до настоящего времени’¹¹, например: **Устинья Наумовна. Измучилась я нынче день-деньской ...**¹²; **Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?**¹³; **Олимпиада Самсоновна. Разных – и шерстяных и шёлковых, да вот недавно креповое с золотом сшила**¹⁴; **Олимпиада Самсоновна. Да вот недавно из персидской материи сшила**¹⁵.

Отнесённость события к будущему времени эксплицируется наречиями *завтра* ‘на следующий день после сегодняшнего’¹⁶; *зимой* ‘во время зимы’¹⁷; *когда-нибудь*. ‘в какое-нибудь время’¹⁸; *когда-то* ‘неизвестно когда в будущем, ещё не скоро’¹⁹; *скоро* ‘в короткий срок, в недолгое время’²⁰, *после* ‘следуя за предыдущим, затем’²¹. Например: **Рисположенский. Я уж к**

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 63.

² Вдруг // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 144.

³ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 84.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Пока // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 242.

⁶ Поутру // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 338.

⁷ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 51.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ День-деньской // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 387.

¹⁰ Прежде // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 375.

¹¹ Недавно // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 433.

¹² Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 50.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ Завтра // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 505.

¹⁷ Зимой // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 611.

¹⁸ Когда-нибудь // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 66.

¹⁹ Когда-то // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 66.

²⁰ Скоро // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 116–117.

²¹ После // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 242.

вам **завтра** пораньше зайду¹; **Устинья Наумовна. Завтра** увидимся, так я тебе всё **отлепартую**²; **Подхалюзин. Зимой** в Купеческое собрание будем ездить-с³; **Рисположенский. Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь** сквитаемся⁴; **Подхалюзин. Улита** едет, да **когда-то** она будет⁵; **Тишка. Скоро** руку набьёшь, держи карман-то⁶; **Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после** доскажу⁷.

Нелокализованность события во времени опирается на значение неотмеченного настоящего времени и находит поддержку в темпоральных наречиях, обозначающих кратность действий: *ежеминутно* 'бывающий, происходящий каждую минуту'⁸; *часто* 'происходящий, повторяющийся с небольшими промежутками, через короткие промежутки времени'⁹. Например: **Большов. ... здоровье тоже ежеминутно прерывается ...**¹⁰; **Подхалюзин. ... барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с**¹¹. «В форме настоящего времени диалектически совмещается объективное значение вневременности с субъективным значением настоящего времени» [1, с. 572].

Темпоральное наречие **вечером** в значении 'в вечернее время'¹² начинает использоваться в переносном смысле 'любым вечером, вечерами', передавая семантику узуальной приуроченности и нелокализованность события во времени, когда

его синтагматическим партнёром становится форма настоящего времени глагола несовершенного вида: **Подхалюзин. Благородный-то ... вечером** по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть¹³.

Эту же семантику способна выразить глагольная лексема совершенного вида в форме будущего времени, находящаяся в связи с наречиями *иногда* 'время от времени, порой; в некоторых, отдельных случаях, иной раз'¹⁴; *опять* 'ещё раз, снова'¹⁵; например: **Рисположенский. ... иногда** забежишь к нему на праздник: что, говорит, ты, Сысой Псоич?¹⁶; **Липочка. А теперь опять** всё пойдёт по-старому¹⁷; **Олимпиада Самсоновна. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги. Да самой опять** в ситцевых платьях ходить?¹⁸

Временное наречие *никогда* 'ни в какое время, ни при каких обстоятельствах'¹⁹ употребляется только в контексте общепризнательного предложения с основной специализированной формой простого глагольного сказуемого: **Рисположенский. Вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй ...**²⁰ В рамках временной определённости передана семантика перфективного будущего синтаксического времени. Наречием *никогда* актуализируется значение узуального, нелокализованного во времени действия.

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 40.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Ежеминутно // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 464.

⁹ Часто // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 655.

¹⁰ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 68.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Вечером // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 159.

¹³ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 73.

¹⁴ Иногда // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 668.

¹⁵ Опять // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 635.

¹⁶ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 73.

¹⁸ Там же. С. 85.

¹⁹ Никогда // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 499.

²⁰ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 76.

Особого описания требуют наречия *нынче, сейчас, теперь, теперича*, которые обозначают близкое временное следование действия по отношению к настоящему моменту.

Изосемическим способом передаётся временная локализованность в рамках настоящего времени, актуализованная наречием *нынче* разг. 'в настоящее время, теперь'¹ в двусоставном, спрягаемо-глагольном неопределённо-личном и безличном предложениях: **Большов.** *Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена²; Липочка.* *Нынче уж капидонов-то не рисуют³; Подхалюзин.* *Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь⁴.*

Сему 'сегодня'⁵ темпоральное наречие *нынче* реализует в двусоставном предложении с отмеченным прошедшим аористивным синтаксическим временем: **Тишка.** *Полтина серебром – это нынче Лазарь дал⁶, а сему 'в этом, текущем году'⁷ в двусоставном предложении с отмеченным прошедшим имперфективным синтаксическим временем: **Устинья Наумовна.** *Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит⁸.**

Временное наречие *сейчас* 'в настоящий, в данный момент'⁹ локализует действие,

совпадающее с моментом речи, например: **Устинья Наумовна.** *Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, – сейчас видно: мещанская-то кровь!¹⁰ – или сообщает о предстоящем событии 'в самом скором времени, скоро'¹¹, например: **Олимпиада Самсоновна.** *Я сейчас, подожди немножко¹².* Кроме того, это наречие уточняет отношения одновременности / разновременности: **Подхалюзин.** *Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал¹³.**

Наречие *теперь* 'в настоящее время, в данный момент, сейчас'¹⁴ используется А. Н. Островским в разных типах простого предложения.

В двусоставном предложении акцентируется совпадение с моментом речи в рамках неотмеченного имперфективного настоящего времени: **Рисположенский.** *Он меня и теперь не забывает ...¹⁵; Устинья Наумовна.* *Вы теперь, чай, всё об нарядах хлопчете¹⁶; Большов.* *... а теперь мальчишки пальцами показывают¹⁷ – или коррелирует отношения одновременноности / разновременности, в том числе в спрягаемо-личном определённо-личном предложении: Липочка.* *А теперь опять всё пойдёт по-старому¹⁸; Рисположенский.* *Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие¹⁹; Большов.* *Мне Ильинка-то теперь за*

¹ Нынче // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 516.

² Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 39.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Нынче // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 516.

⁶ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 55.

⁷ Нынче // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 516.

⁸ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 53.

⁹ Сейчас // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 70.

¹⁰ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 81.

¹¹ Сейчас // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 70.

¹² Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 80.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ Теперь // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 334.

¹⁵ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 79.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 73.

¹⁹ Там же. С. 40.

сто вёрст покажется¹; **Большов.** Ну, вот вы **теперь** будете богаты, заживёте по-барски²; **Устинья Наумовна.** ... а **теперь** что скажу?³; **Устинья Наумовна.** Побегу **теперь** к жениху⁴; **Рисположенский.** ... хоть **теперь** рюмочку выпью!⁵

В речевой партии Подхалюзина, обнаруживающей тяготение к народно-бытовой лексике, звучит наречие *теперича*, уточняющее отношения одновременности / разновременности: **Подхалюзин.** ... а ведь этот жених её *теперича* не возьмёт ...⁶; **Подхалюзин.** А вот *теперича* я у вас спрошу ...⁷.

В структуре безличного предложения наречие *теперь* осложняет его диктумное содержание модусными смыслами и подчёркивает значение своевременности / несвоевременности: **Устинья Наумовна.** Уж **теперь** поздно, бралиантовый!⁸; **Подхалюзин.** ... **теперь** нам пора!⁹, необходимости: **Подхалюзин.** Как **теперь** это дело рассудить надо?¹⁰; **Большов.** Да не прошу я этого, не надо мне, ты заплати за меня только, что **теперь** следует¹¹; перфективности: **Подхалюзин.** Нет, уж **теперь** кончено-с!¹².

В собственно инфинитивном предложении неизбежное потенциальное событие, обращённое в будущее, акцентируется наречием: **Подхалюзин.** Не миновать **теперь** несостоятельным объявиться!¹³; **Большов.** А вы подумайте, каково мне **теперь** в яму-то идти¹⁴. Обращённость в будущее обнаруживается и в собственно инфинитивном предложении, не-

сущим модальность желательности, с наречием *теперича* в реплике, принадлежащей Подхалюзину: **Подхалюзин.** Как бы нам *теперича* с этим делом не опростоволоситься!¹⁵

В переходных безлично-инфинитивных конструкциях местоимённое слово подвергается переосмыслению, благодаря чему передаётся семантика невозможности совершить какое-либо действие из-за отсутствия предмета действия: **Подхалюзин.** Что **теперь** делать-то!¹⁶; **Аграфена Кондратьевна.** А, батюшки, до того ли мне **теперь**!¹⁷

В предложениях с императивными формами представлено актуализованное наречием значение волеизъявления с оттенком должностования: **Подхалюзин.** Да вы и **теперь** то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная ...¹⁸; **Подхалюзин.** Вот ты **теперь** и смотри на нас!¹⁹; **Липочка.** Ну, **теперь** зовите тятеньку²⁰.

В субстантивном расчленённом номинативном предложении *теперь* занимает позицию темпорального детерминанта, конкретизирующего восприятие бытия предмета в момент речи: **Подхалюзин.** ... у меня **теперь** такая фантазия в голове об этом предмете ...²¹; **Большов.** По мне, Лазарь, **теперь** самое настоящее время ...²².

Семантика временной неопределённости свойственна конструкциям, в которых пересекаются темпоральное и модальное значения, в частности значение модальности предиката.

Наречие *прежде* ‘сначала, сперва’²³ коррелирует отношения одновременноности / разновременности в рамках времен-

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Там же. С. 73.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Там же. С. 49.

²² Там же. С. 42.

²³ Прежде // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 375.

ной неопределённости: **Подхалюзин**. Ты *прежде на себя-то посмотри ...*¹

Наречие *когда* неопределённое, прост. 'когда-нибудь, когда-либо'², *поскорее* 'в короткий срок, в недолгое время'³ в собственно инфинитивном предложении способствуют выражению значения вневременности и волеизъявления с оттенком желательности: **Тишка**. А уж это чтобы урваться *когда* из дому, с приятелями в три листика, али в пристенок сразиться – и не думай лучше!⁴; **Аграфена Кондратьевна**. ... как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя *поскорее*⁵.

Темпоральное наречие *после* 'спустя некоторое время, позже'⁶ выражает оценку отношения временного следования действия по отношению к настоящему моменту, сопровождаемую внутрисинтаксическим модальным значением должностования: **Подхалюзин**. ... ведь не нам, говорю, *после* носить⁷; необходимости: **Большов**. ... да ещё *после* своим добром отвечай⁸; возможности: **Большов**. Там *после* суди владыка на втором пришествии⁹. Императивные формы, используемые в относительном употреблении, позволяют представить широкую модальную палитру действий.

«Неизменяемый спутник глагола» [3, с. 125], темпоральное наречие выступает лексико-грамматическим маркером категории синтаксического времени.

Временные синтаксемы в репликах героев

Синтаксемы с абсолютным и относительным временным значением [12] в репликах героев комедии А. Н. Островского строятся на базе предлогов, демонстрирующих смысловую уникальность в своей многозначности, и реализуют разные семантические оттенки.

Значение временного предела наблюдается в структуре собственно инфинитивного предложения, в котором независимое действие передано формой инфинитива совершенного вида с отрицательной частицей *не*. Повторение предлога в префиксе инфинитива актуализирует семантику невозможности совершения потенциального действия в отведённых временных рамках: **Устинья Наумовна**. До вечера не дожить ...¹⁰. Это же значение наблюдается в спрягаемо-личном подтипе определённо-личного односоставного глагольного предложения, где в роли главного члена выступает синтетическая форма будущего времени глагола совершенного вида, отличающаяся семой потенциальности: **Аграфена Кондратьевна**. Вот уж этого, Фоминишна, я до *скончания* не разберу¹¹.

Оттенок близкого предшествования эксплицируется формой творительного падежа имени существительного с предлогом *перед*. Имперфективное процессуальное неотмеченное настоящее синтаксическое время оценивается героиней как момент, приближенный к временному ориентиру: **Липочка**. Да вы все *перед свадьбой* так говорите ...¹²

Временной промежуток, в рамках которого может что-нибудь совершаться, передаётся синтаксемой с предлогом *на*. Причём от структуры предложения и типа главного члена зависит временная семантика конструкции: значение временной неопределённости в двусоставном предложении: **Большов**. А вот ты бы, Лазарь, когда *на досуге* баланц для меня сделал ...¹³, – или

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 90.

² Когда // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 66.

³ Поскорее // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 116–117.

⁴ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 43.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ После // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1983. С. 242.

⁷ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 38.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Там же. С. 38.

семантика временной обобщённости в обобщённо-личном предложении низкой степени обобщения: **Рисположенский**. ... *иногда забежишь к нему на праздни-ке* ... Определённое событие, названное синтаксемой с относительным временным значением, имеет характер второстепенного, неосновного. Оттенок длительности либо кратности зависит от морфологической видовременной формы глагола, называющего предикативный признак подлежащего основной специализированной формой простого глагольного сказуемого: **Устинья Наумовна**. *Благородного происхождения и значительный человек, такой вельможа, что вы и во сне не видывали*¹; **Подхалюзин**. *Это ему, должно быть, во сне приснилось*².

Значение узуальной приуроченности свойственно синтаксеме, оформленной дательным падежом множественного числа имени существительного с предлогом *по* и указывающей на повторяющиеся временные отрезки, в пределах которых совершается повторяющееся действие, например: **Фоминишна**. ... *ни в баню не ходит. Ни пирогов по праздникам не печёт* ...³; **Рисположенский**. *Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая* ...⁴ Благодаря этим синтаксемам осуществляется локализация действий, названных глаголами несовершенного вида, во времени.

Временная синтаксема, образованная формой винительного падежа имени существительного с предлогом *в*, обозначает период времени, в больший или меньший отрезок которого имеет место намеченное явление: **Подхалюзин**. *Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье*⁵; **Рисположенский**. ... *ка-нибуть забегу в сумеречки и расскажу*⁶ – или гипотетическое событие: **Олимпиада**

Самсоновна. *А мне новую мантилью при-несли, вот мы бы с вами в пятницу и по-ехали в Сокольники*⁷.

Форма винительного падежа с предло-гом *в* в реплике героини комедии может быть синонимичной форме с предлогом *через* и обозначать временной интервал повторяемости действия от известного момента. Причём временной отрезок, выраженный этой формой, наступит после точки отсчёта: **Фоминишна**. *Сама в секун-ту явится: остановилась на дворе, с двор-ником борется: не скоро калитку отпёр*⁸.

Существительные с временной семанти-кой в составе синтаксемы позволяют обо-значать более мелкие отрезки времени, бо-лее точно датировать различные события, более дифференцированно выражать вре-менные отношения: **Устинья Наумовна**. *Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте – пила и забежала-то так, на мину-точку*⁹.

Существительное *время* имеет функ-циональный омоним – слово категории состояния, которое способствует през-ентации семантики несвоевременности в структуре безличного предложения: **Рисположенский**. *Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время*¹⁰.

Семантика следования в общем виде характеризуется указанием на время дей-ствия, события или явления позже сро-ка, указанного темпоральной синтаксе-мой, с любым интервалом между ними: **Липочка**. *Знать, пивца хлебнула после за-втрака, налепила тут чудеса в решете*¹¹. Последовательность события во времени по отношению к другому событию или временному отрезку, указание на срок, позже которого совершается активное фи-зическое действие, осуществляется кон-струкцией с предлогом *после*. Синтаксема с относительным временным значением является номинацией не только временно-го отрезка, но и события, образует неэле-

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 31.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Там же. С. 26.

ментарное простое предложение. Значение существительного *завтрак* соответствует смыслу, заключённому в других синтаксических позициях, ср.: *Знать, пивца хлебнула, после того как позавтракала*.

Синтаксема – форма предложного падежа с предлогом *при* – употребляется для указания на время, в течение которого протекает какое-либо действие: *Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нём разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!*¹

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что описание временных синтаксем способствует изучению семантической и формальной сторон русского предложения, поскольку являются элементом его структурно-семантической организации. Благодаря синтаксемам с абсолютным временным значением в предложениях появляются признаки повторяемости, кратности, длительности; синтаксем с относительным временным значением выражают отношения следования событий друг за другом или их одновременность в действительности.

Семантические модели построения темпоральных субстантивных оборотов

Построение темпорального субстантивного оборота [8; 9; 10] детерминировано необходимостью выразить временные отношения в структуре предложения более точно, с учётом лексических и грамматических свойств главного компонента, куда можно отнести и валентностно-сочетаемые – «способность слова соединяться с определённым кругом распространяющих его форм называется сочетаемостью слова, его сочетаемостными возможностями (в других терминах – валентностными свойствами слова)» [5, с. 14].

В репликах героев комедии А. Н. Островского темпоральные субстантивные обороты в большинстве своём строятся по семантической модели «пред-

мет и его признак», например: **Большов. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа**²; **Подхалюзин. Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить**³; **Большов. ... да каждую неделю будут с солдатом по улице водить, а ещё того гляди в острог поместят**⁴; **Рисположенный. Иной день и полтины серебром домой не принесёшь**⁵; **Подхалюзин. ... в добрый час молвить, в худой промолчать ...**⁶. Признаки многообразны. Подобные конструкции можно квалифицировать как темпоральные субстантивные обороты с лексически связанным значением⁷. Они построены на базе именного компонента с ослабленным или нечётко выраженным лексическим значением, которое восполняется зависимым компонентом, имеющим те же грамматические признаки, что и главный. Зависимые компоненты, без которых темпоральный субстантивный оборот «рассыпается», представлены словами адъективного характера, передающими смы-
'полный', 'любой', 'без изъятий': **Большов. Награжу на всю жизнь**⁸; **Большов. Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай**⁹; **Тишка. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый**¹⁰. Нелокализованность действий во времени, названного глаголом в форме повелительного наклонения, но употреблённого в значении изъявительного, осложнена оттенком внутрисинтаксической модальности долженствования, эксплицирована темпоральными субстантивными оборотами.

Грамматическая форма оборота мотивирована семантико-синтаксическими

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Лекант П. А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие. М.: Академия, 2010. С. 37.

⁸ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 42.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 25.

отношениями временного типа и зависит от конкретного содержания предложения: **Большов**. ... я могу **на всю жизнь** тебя счастливым сделать!¹; **Подхалюзин**. Всё равно как **в четвёртом году** захотели бороду обрить ...²; **Фоминишна**. Я **по тринадцатому году** замуж шла ...³

Темпоральные субстантивные обороты, используя соответствующие предлоги и падежные формы существительных, конкретизируют чисто временные оттенки одновременности / разновременности: **Подхалюзин**. ... почудили **на своём веку** ...⁴; **Устинья Наумовна**. Измучилась я нынче **день-деньской, с самого раннего утра** словно отымалка какая мычуся⁵; **Большов**. ... положили мы ещё **при жизни своей** отдать в замужество единственную дочь нашу ...⁶; **Подхалюзин**. Не нуждаюсь я ни в чём **после вашего благодеяния**⁷.

Темпоральные субстантивные обороты, построенные по семантической модели «определённое действие и его объект», повышают смысловую насыщенность высказывания, усиливают его эмоционально-экспрессивную направленность: **Подхалюзин**. Сто серебром **теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с**⁸; **Устинья Наумовна**. ... **от начала мира** этакое колесо заведено⁹.

Семантическая квантитативная модель темпорального субстантивного оборота

позволяет более / менее точно или приблизительно обозначить срок совершения действия: **Большов**. Ведь меня **сорок лет** в городе-то все знают, **сорок лет** все в пояс кланялись ...¹⁰; **Подхалюзин**. Служил, служил **лет двадцать**, а там ступай **мостовую грани**¹¹; **Большов**. **Потомят года полтора** в яме-то ...¹²

Семантико-синтаксические отношения, являющиеся внутренней формой темпорального субстантивного оборота, противостоят его внешней форме [11, с. 303], отличающейся грамматической организованностью и представленной подчинительной связью полного согласования или слабого управления зависимого компонента словосочетания с главным.

Заключение

Аксиологическая система А. Н. Островского, как показал предпринятый структурно-семантический анализ синтаксических конструкций из текста комедии «Свои люди – сочтёмся», включает лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени, которые могут получить квалификацию предикативного компонента, предопределяющего темпоральную семантику предложения.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
2. Панов М. В. О слове как единице языка // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
3. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука: Языки русской культуры, 1999. 275 с.

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся // Островский А. Н. Драматургия. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 60.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² Там же. С. 45.

4. Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
5. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. 712 с.
6. Сигал К. Я. Синтаксис и речеведение. М.: Ярославль: Канцлер, 2023. 194 с.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 35–73.
8. Шаповалова Т. Е. О темпоральном субстантивном обороте в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой, г. Москва, 27 февраля 2023 г. М.: Постатор, 2023. С. 398–404.
9. Шаповалова Т. Е. Синтаксема vs субстантивный оборот с предлогом *при* в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова // Язык и актуальные проблемы образования: материалы V Международной научно-практической конференции, г. Москва, 21 января 2020 г. / под ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. М.: Диона, 2020. С. 172–177.
10. Шаповалова Т. Е. Субстантивный оборот как темпоральный знак в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 58–62.
11. Шаповалова Т. Е. Субстантивный оборот с творительным времени в прозе М. Ю. Лермонтова // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 301–304.
12. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]. М.: Московский государственный областной университет, 2020. 1 CD-ROM (1 электрон. опт. диск).

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o solve* [Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p.
2. Panov M. V. [On the Word as a Unit of Language]. In: Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. I* [Proceedings on General Linguistics and the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 568 p.
3. Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional Morphology of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 275 p.
4. Radbil' T. B. *Yazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017. 592 p.
5. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. II: Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. I: Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 712 p.
6. Sigal K. Ya. *Sintaksis i rechevedenie* [Syntax and Speech Science]. Moscow, Yaroslavl, Kancler Publ., 2023. 194 p.
7. Stepanov Yu. S. [Alternative World, Discourse, Fact and Principle of Causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the End of the 20th Century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, pp. 35–73.
8. Shapovalova T. E. [On the Temporal Substantive Turnover in L. N. Tolstoy's Novel "Anna Karenina"]. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora K. A. Voilovoi, g. Moskva, 27 fevralya 2023 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Scientific Papers with the Results of the International Scientific Conference dedicated to the 80th Birthday of Doctor of Philology, Professor K. A. Voilova, Moscow, February 27, 2023]. Moscow, Postator Publ., 2023, pp. 398–404.
9. Shapovalova T. E. [Syntaxeme vs. Substantive Turnover with the Preposition 'at' in the Poetic Texts of M. Yu. Lermontov]. In: Artamonova E. I., Ushakova O. S., eds. *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 21 yanvarya 2020 g.* [Language and Actual Problems of Education: Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 21, 2020]. Moscow, Diona Publ., 2020, pp. 172–177.

10. Shapovalova T. E. [Substantive Turnover as a Temporal Sign in B. Zaitsev's Story "The Blue Star"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, vol. 4, pp. 58–62.
11. Shapovalova T. E. [Substantive Turnover with Creative Time in the Prose of M. Yu. Lermontov]. In: Shapovalova T. E. *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about Time. Selected Articles]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 301–304.
12. Shapovalova T. E. *Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya* [Temporal Semantics of Poetic Utterance]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2020. 1 CD-ROM.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: te.shapovalova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, State University of Education; Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;
e-mail: te.shapovalova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-43-55

FOR CITATION

Shapovalova T. E. Lexico-Grammatical Markers of the Syntactic Time Category in A. N. Ostrovsky's Comedy "It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 43–55.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-43-55

УДК 82-2

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-56-65

«ЛОВУШКА КРАСОТЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Алпатова Т. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать динамику развития концепта красоты в пьесах А. Н. Островского с учётом его генезиса и специфики развития в контексте художественной антропологии драматурга, выявить противоречия и драматические конфликты, обусловленные красотой как определяющей характеристикой персонажа.

Процедура и методы. Предлагаемый в работе анализ базируется на принципах литературоведческой антропологии, предполагающей рассмотрение художественного мира писателя в аспекте концепции человека, которая в нём оформляется. Анализ концепции красоты предполагает обращение к проблемам физического и духовного начала в человеке, соотношения обусловленности и свободы, природного и социального начал. Контекстом анализа выступают концепции красоты, оформившиеся в современной Островскому российской литературе и публицистике – от Н. Г. Чернышевского до В. С. Соловьёва.

Результаты. Предпринятый анализ позволил выявить и рассмотреть мотив «судьба красоты» в пьесах Островского разных периодов. На его основе предложена типология персонажей, выявлены основные отличия образов «красавицы» и «красавца» в драматургии писателя в аспекте соотношения абсолютного и относительного начал, субстанционального и социально обусловленного, противостоящего окружающему миру или же конвенционально связанного с ним.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть основой для рассмотрения эстетики Островского-драматурга в целом, а также изучения концептов «красавица» / «красавец» в произведениях писателей – его современников – в русской драматургии второй половины XIX в.

Ключевые слова: драма, мотив, образ персонажа, Островский, сюжет, художественная антропология

“THE BEAUTY TRAP” IN ARTISTIC ANTHROPOLOGY OF A. OSTROVSKY

T. Alpatova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The central task of the paper is to analyze the dynamics of the development of the concept of beauty in A. N. Ostrovsky's plays, considering its genesis and development specifics in the context of the playwright's artistic anthropology. We also reveal the contradictions and dramatic conflicts caused by beauty as a defining characteristic of a character.

Methodology. The analysis is based on the principles of literary anthropology, which implies consideration of the writer's artistic world in the aspect of the concept of a person, which is formed in it. The analysis of the concept of beauty involves addressing the problems of physical and spiritual principles in a person, the correlation of conditionality and freedom, and natural and social principles. The context of the analysis is the concept of beauty, which took shape in the Russian literature and journalism of Ostrovsky's epoch, from N. G. Chernyshevsky to V. S. Solovyov.

Results. The undertaken analysis made it possible to identify and consider the motive "the fate of beauty" in Ostrovsky's plays of different periods. On its basis, a typology of characters is proposed, and the main differences between the images of "beauty" and "handsome" in the writer's dramaturgy are revealed in terms of the ratio of absolute and relative principles, substantially and socially conditioned, opposing the surrounding world or conventionally associated with it.

Research implications. The results of the study can form the basis for considering the aesthetics of the playwright Ostrovsky, as well as for studying the concepts of "beauty" / "handsome" in the works of writers – his contemporaries, in Russian dramaturgy of the second half of the 19th century.

Keywords: drama, motif, character image, Ostrovsky, plot, artistic anthropology

Введение

Литературная антропология как актуальное направление современного гуманитарного знания в последние десятилетия находит всё больше сторонников [1, с. 3–10]. Один из продуктивных аналитических инструментов, ею используемых, – выстраивание типологии персонажей в сравнительно целостном художественном единстве (будь то отдельное литературное произведение, ряд произведений писателя или так или иначе оформленное литературное направление). При этом в основе типологии оказываются именно антропологические характеристики, в осмыслении которых взаимодействует природный и социальный контекст восприятия пола, возраста, здоровья / болезни и т. п. Думается, именно так становится возможным понимание некоей «концепции человека», выстраиваемой в литературе (на уровне контекста отдельного произведения – творчества автора – литературного направления), притом человека как существа природного и социального, всем своим бытием осуществляющего переход от природной данности и обусловленности к выбору, свободе и социокультурному преобразованию исходного.

В рамках подобного подхода разговор о красоте представляется особенно интересным. В его основе – признанная философская проблема «что есть красота?», каково

соотношение в рамках разговора о ней безусловного и изменчивого, физического и духовного, определяемого в тех или иных критериях и «невыразимого», но в любом случае интуитивно воспринимаемого как что-то бесконечно важное и значимое, ведь «уметь приветствовать красоту есть не что иное, как поддерживать в целостности и сохранности, во всей чистоте ту незримую гармонию, в которой бьётся сердце мира» [13, с. 51].

В исследовательской литературе об Островском неоднократно поднималась проблема эстетической позиции писателя и своеобразия характерологии, выстраиваемой в его пьесах [2, с. 130–149]. Цель данной работы – проследить специфику осмысления «красивого человека» (представленного в формах «красавица», «красавец» и близких к ним) в пьесах драматурга, а также реализацию мотива «судьба красоты», который можно считать одним из центральных в художественной философии писателя. Для решения этой задачи внимание обращено преимущественно на ранние пьесы, в которых указанный мотив раскрывается наиболее наглядно и последовательно, а также к пьесам «Бесприданница» и «Красавец мужчина» (в заглавии последней категория красоты концептуализирована, что позволяет рассматривать её и как своеобразный итог размышлений писателя о судьбе красоты в

современном мире). При этом за рамками рассмотрения останется понятие красоты природы – по соображениям ограниченности объёма статьи; обращение к данной проблеме и её подробное рассмотрение видится не менее важным для осмысления философско-эстетической концепции драматургии Островского как одного из важнейших явлений в развитии русской литературы и театра.

«Красота по-русски» в «эпоху Островского»

Анализ представления о красоте человека в творчестве Островского необходимо предварить хотя бы краткой реконструкцией представлений о ней, сложившихся в русской мысли к 1840–1850-м гг., и путей трансформации этих представлений в последующие десятилетия, совпавшие хронологически с творческим взлётом Островского-драматурга.

На уровне «большого» философского контекста здесь необходимо помнить о нескольких источниках. Прежде всего, это восходящее к классицистской теории представление об античном – вечном и неизменном – идеале красоты как высшей формы «телесности» (А. Ф. Лосев). Далее, контекст философско-эстетических размышлений эпохи определяла концепция «возвышенного» (см. Э. Бёрк), предполагающая, что не только формы высшей гармонии и завершенности («прекрасное»), но и подвижное, динамичное, и потому неизбежно нарушающее принцип завершенности дисгармоничное также может представляться эстетически привлекательным. Оба эти источника в итоге и создали уникальную концепцию красоты человека в художественно-эстетической системе романтизма: она основывалась на высшем и неизменном идеале гармонии, но гармонии одухотворённой, истинный источник которой на небесах. При этом воплощающее идею красоты земное существо – чаще всего женщина – также представляется вестницей этой небесной красоты, является ненадолго, а затем улетает, возвращаясь

в свою небесную обитель (ср. концепцию красоты в творчестве В. А. Жуковского, в частности, столь значительный для русской романтической культуры образ «Лалла Рук»).

С развитием эстетики «натуральной школы», позитивистско-материалистических философских увлечений ситуация начинает меняться главным образом в сторону всё большей релятивизации неизменного и вечного идеала, в том числе идеала человеческой красоты. Крайней формой подобного подхода можно считать диссертацию Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой было прямо заявлено: красоты «вообще» (применительно к понятию «красивого человека», в том числе) не существует, красиво то, что значимо и ценно именно для определённого круга людей с учётом их образа жизни и повседневных потребностей: «Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть по нашим понятиям ... В области прекрасного нет отвлечённых мыслей, а есть только индивидуальные существа» [16, с. 10, 14].

Таким образом, в течение всей второй половины XIX в. в русской эстетике (и опосредованно – в русской литературе) идёт непрекращающийся спор о возможности и актуальности красоты как вечного, неизменного, собственно «идеального» начала в мире, притом участниками этого спора выступают и И. С. Тургенев, и Ф. М. Достоевский, и А. А. Фет, и Г. И. Успенский, и др. Своеобразный итог ему пытается подвести В. С. Соловьёв, высказавший мысль, что сами упреки утилитаристов были не в адрес красоты, они не отрицали её, а напротив, предполагали какую-то излишне нетерпеливую жажду её абсолютного утверждения, призванного осуществиться в повседневности со всеми её потребностями. Утилитаристское отрицание красоты вырастает, таким образом, из запроса на немедленное, очевидное и кардинальное переустройство мира красотой, причём тот факт, что это невозможно «здесь и сейчас», по мысли философа, вовсе

не означает, что это невозможно в принципе: «Пускай сама красота неизменна, но объём и сила её осуществления в виде прекрасной действительности имеют множество степеней, и нет никакого основания для мыслящего духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы не успели достигнуть в настоящую, но историческую минуту, хотя бы эта минута и продолжалась уже тысячелетия» [11, с. 22]. При этом своеобразное «окончательное определение», сформулированное В. Соловьёвым: «В красоте ... мы встречаемся с чем-то безусловно-ценным, что существует не ради другого, а ради самого себя...» [11, с. 26], по-видимому, заложено как «безусловное», так и «обусловленное» детерминированное признание красоты, поскольку её истинная ценность («целесообразность без цели») по-настоящему постигается именно на стыке двух принципиально разных подходов. Только признав определённую правомочность аргументации утилитаризма, можно вернуться к признанию высшего предназначения красоты, действительно способной «выпрямить», преобразить этот мир и «спасти» его.

Судьба красоты в мире драматургии А. Н. Островского

Но готов ли мир принять это спасение и, главное, ощутить его действительную необходимость, «обратиться к красоте»? (ср. [8, с. 411–415; 12, с. 113–119; 14, с. 476–484]).

Центральным мотивом драматургии Островского, рассматриваемой в избранном аспекте, как раз и оказывается ситуация отвержения, уничтожения, разрушения красоты, однако довольно своеобразного по своим методам: путём присвоения и овеществления, «утилитаризации» того, что по природе своей не может быть только утилитарным, – красоты человеческого существа.

Своеобразная «типология» персонажей в пьесах Островского, выстраиваемая вокруг понятия красоты, может выглядеть так. На одном полюсе полное её отрицание (отсутствие), которое является как свое-

образное уродство (богатые, жестокие, безобразные физически старики, притязавшие на обладание красотой), в центре – безразличие / отсутствие красоты, раскрывающееся в обыденном существовании «обыкновенных» людей, к которым принадлежит большинство персонажей, – и, наконец, собственно «красавицы» (в системе театральных амплуа, сохранявшейся в пору развития театра Островского, «героини» и – несколько реже – «инженю»), по отношению к которым и развёртывается основной конфликт, связанный с мотивом судьбы красоты. Особняком при этом стоят так называемые «красавцы» – инвертированный, искажённый образ красоты, в итоге становящийся противоположностью – безобразием. Так замыкается своего рода ценностно-антропологический круг: захваченная в кольцо безобразия и безразличия красота в мире пьес Островского переживает глубочайший кризис, а зачатую и гибнет.

Примечательно, что наиболее часто упоминания о красоте героев присутствуют в ранней драматургии писателя. В этот период связь его с эстетикой «натуральной школы» наиболее тесна, поэтому в «сценах» («Семейная картина», «Утро молодого человека», «Неожиданный случай») очевидно стремление эпатировать зрителей изображением того, что прежде не решалась показывать драматургия, введением в сферу «художественного» грубоприземлённых бытовых картин. Красота в данном случае (особенно в «Семейной картине») откровенно интерпретируется как сексуальная привлекательность; при этом в сцене («Утро молодого человека») присутствует явный сарказм по поводу того, что может считаться красивым в представляемой купеческой среде, – комический эффект противопоставления общепринятому идеалу красоты возникает в речах Антипа Антиповича Пузатова, расхваливающего свою жену, Матрёну Савишну, в противовес красавицам-дворянкам: *«Ведь те всё мелочь, с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки тово... То*

есть я... насчёт телесного сложения. Ну, и всё такое!»¹ При этом и сам он, «пузастый да бородастый», не менее уверен в себе: «Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавица-то этакого»². И сам купец Пузатов, и его супруга – воплощение специфических представлений о красоте, выявляемых автором как «Колумбом Замоскворечья» в мире, который он впервые делает достоянием литературы – вместе со всеми его ценностями парадигмами, в том числе представлениями о прекрасном.

В дальнейшем экзотические «замоскворецкие» идеалы красоты («в смысле телесного сложения») раскрывались в пьесах драматурга не столь эпатажно-натуралистично, притом и сама «красота» при этом словно бы возвращается к своему «общечеловеческому», «идеальному» воплощению. Релятивизация этого идеала отныне происходит не потому, что купец Пузатов и ему подобные имеют свои понятия о женской привлекательности, но как раз потому, что, признав ценность «идеальной» красоты, они вознамерились заполучить её в личное пользование, поставить на службу собственным потребностям – прежде всего амбициям, возрастающим вместе с ростом их социального статуса.

В этом контексте мотив «приобретения красоты в личное пользование» выступает в пьесах Островского своеобразным маркером развития представителей купеческого сословия, которые с ростом богатства и влияния в обществе начинают притязать на высшие блага культуры, к которым и принадлежит воплощённая в девушке, красивой «не по-купчески», красота истинная, лежащая вне сферы приземлённо-утилитарного понимания. Ситуация эта, впервые оформившаяся в пьесе «Бедная невеста», в дальнейшем будет развиваться именно в этом ключе (исключая, пожалуй, лишь пьесы «Москвитянинского периода», в которых тип российского «купца во

дворянстве» по аналогии с «мещанином во дворянстве» Ж.-Б. Мольера оказывался посрамлён).

Героиня «Бедной невесты», Марья Андреевна, неоднократно характеризуется всеми другими персонажами как «красавица». При этом её красота, драматически соединённая с бедностью, становится проклятием для неё – не случайно практически в момент первого появления на сцене сама героиня пытается символически отказать от этой красоты – «поменяться местами» с пожилой непривлекательной служанкой Дарьей. Думается, само выстраивание этой пары становится у Островского основным структурным приёмом, позволяющим как бы свести красоту с пьедестала, выразив таким образом сущность того, что будут делать с ней люди. Вначале красота становится содержанием насмешек над Дарьей: **Дарья. Беги из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге, да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя, на красавицу такую, не посмотришь. Плюнула, да и пошла...**³ В дальнейшем же этот отказ от красоты развивается в словах самой Марьи Андреевны: **«Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я? Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица. Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой. Дарья. И, матушка, на что мне красота? Марья Андреевна. А мне на что?..»**⁴.

При этом очевидная причина переживаний героини (зачем нужна красота, если она не открывает возможность любви и счастья?) практически сразу же довольно натуралистично оказывается приземлена в речах Дарьи: **«Лучше муж будет любить. Вот у соседки две дочери, старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; ещё шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь,**

¹ Островский А. Н. Семейная картина // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 70–71.

² Там же. С. 71.

³ Островский А. Н. Бедная невеста // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 196.

⁴ Там же. С. 197.

говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет...»¹. В данном контексте натуралистичность рассуждений о красоте несёт в себе не только эпатаж и сарказм по отношению к столь специфическому представлению о прекрасном. Поскольку все упомянутые забавные характеристики относятся к персонажу внесценическому, сама красота Марьи Андреевны (красота «признанная», легитимная в системе эстетических ценностей не только купеческого мира, но и с общечеловеческой точки зрения) также выступает не в своём субстанциональном значении, но в сугубо прикладном – и парадоксально не возносит на пьедестал, но «расчеловечивает», объективизирует свою обладательницу. Эта ситуация и подкрепляется дальнейшим развитием сюжета: состоятельному жениху Беневоленскому Марья Андреевна и в самом деле нужна для удовлетворения собственных амбиций и «для хозяйства»: **«Беневоленский. Ты говоришь, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри – ведь я разборчив. ... Мне такую невесту нужно, чтоб не стыдно было в люди показать. Ну, чтоб и хозяйка в доме была ... Приятно иметь красивую и образованную жену. А главное – мне нужно хозяйку...»**².

Исследователи не раз обращали внимание на очевидные переключки ранней комедии «Бедная невеста» и «Бесприданницы», в которой намеченные сюжетные ходы получают более острое развитие, а связанная с наследием натуральной школы характеристология трансформируется в сторону большей психологической сложности и неоднозначности [7]. В нашем случае очевидная преемственность пьес позволяет наглядно проследить, как эволюционирует представление о красоте в зрелой драматургии Островского.

Прежде всего бросается в глаза, что в сравнении с более ранними комедиями

само прямое обозначение красоты как характеристики внешности становится менее частотным – о ней как будто неловко упоминать именно как о чём-то внешнем, притом связанным с физической природой красивой женщины, – с 1860-х гг. само это обозначение либо становится данью фольклорного дискурса (ср. в речи Тихона, обращённой к Катерине («Гроза»): **«с такой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь!»**³), либо объективируется как нечто внешнее по отношению к конкретным персонажам (ср. упоминание о красоте как проклятьем в речи барыни: **«Вот куда красота-то ведёт... В самый омут»**⁴). Ларису Огудалову не называют красавицей, хотя подсудно признание её исключительности развивается в самых разных аспектах. Античные и мифологические ассоциации, которые вызывает этот образ, не случайны: именно красота Ларисы, совершенство внешнего облика оказывается основой её чарующего воздействия на окружающих – и столь же неизбежно – причиной её несчастья [3, с. 106–118; 4, с. 260–270; 5, с. 74–76; 9, с. 91–93; 10, с. 521–529. «Овеществление» Ларисы происходит в «Бесприданнице» окончательно, в отличие от «Бедной невесты», здесь оно осознаётся самой героиней и становится причиной её фактического самоубийства (заведомо переходя грань допустимого в оскорблениях Карандышева, Лариса провоцирует его на выстрел, умирая, вполне обоснованно берёт вину на себя) [15, с. 9–17].

Специфика образа «красавца» в художественной антологии драматурга: «Красавец мужчина»

Проведённый анализ показал, что в мире Островского красавица – воплощение высшего идеального начала, чуждого земному миру и потому обречённого на то, чтобы быть этим миром отторгнутым и уничтоже-

¹ Островский А. Н. Бедная невеста // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 197.

² Там же. С. 224.

³ Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 223.

⁴ Там же. С. 223.

ным. На этом фоне в художественной характеристологии писателя особенно оригинально раскрывается образ красавца. Если для женщины это обозначение (и, соответственно, сама онтологическая сущность красоты) всегда раскрывается как нечто субстанциональное, не зависящее от выбора личности, природное, неизбежное (вспомним, как мечтает сложить с себя бремя красоты героиня «Бедной невесты»), то мужчина, напротив, вполне осознанно берёт на себя определённые функции, связанные со званием красавца. Если красавица – понятие природное и безусловное (будучи захвачена социумом, она им поработается и в конечном счёте уничтожается), то красавец, напротив, воплощённая социальность, некая модель поведения, основанная целиком на выполнении определённых социальных требований.

В фигуре Окоёмова набор социальных ожиданий от «красавца» раскрывается до карикатурной очевидности: это добровольное согласие человека на то, чтобы его личность была сведена лишь ко внешним проявлениям физических характеристик, согласие на «овеществление», готовность быть игрушкой в руках тех, кто хочет так или иначе присвоить красоту себе в обмен на материальную выгоду. В этом аспекте пьеса представляет собой в известной мере энциклопедию, с одной стороны, социальных стереотипов отношения к красоте, с другой – исчерпывающую типологию позиционирования её в холодном практическом мире [6, с. 107–111].

Прежде всего, раскрываются закономерности превращения мужчины в «красавца», т. е. добровольного выбора судьбы, характерной для «вещи», оцениваемой сугубо по внешним качествам (этапы эти раскрывает применительно к Окоёмову Сосипатра Семёновна: он был *«хорошенький мальчик с ограниченным состоянием»*, *«учился плохо, но в обществе его любили и баловали»*, он *«рано попал в дурное общество»*, усвоил *«лёгкий, почти презрительный взгляд на женщину»*¹ и в конечном итоге стал эксплу-

атировать свою внешность как ресурс материального жизненного успеха). Построение сюжета пьесы позволяет последовательно смениться двум диаметрально противоположным моделям поведения «красавца»: в том случае, когда он имеет дело с искренне любящей женщиной, он захватывает власть над нею; в иной ситуации сам он становится объектом властного манипулирования со стороны состоятельной женщины (не случайно в пьесе выстраивается сложное противопоставление: Зоя – Сусанна – «Оболдуева»). Но даже кроткая и любящая Зоя в реальности выступает не более чем «покупательницей» красавца мужа: открытие этого и составляет истинный смысл её личностного развития, которое не исчерпывается лишь мотивом поруганной любви. Своеобразный парадокс ситуации заключается в том, что эта мысль об истинной природе их брака высказывается вначале в цинических откровениях Лупачева (*«Продавать себя богатому мужу, конечно, разврат; но и богатой женщине разбирать красоту мужскую и покупать себе за деньги мужа самого красивого – тоже разврат»*²), а затем раскрывается для самой героини. Видя в муже только «красавца», она не вправе говорить, что любит его, и, значит, сама является «покупательницей» (не случайно и в речах Зои, и в речах Сусанны звучит довольно неожиданное пренебрежение к возможным претенденткам на любовь Окоёмова, основанное на сугубо имущественных аргументах – *«разные бесприданницы»*³, *«коли у неё нет состояния, какое же она имеет право на такого мужа?»*⁴). Право на любовь даёт не сама любовь, а возможность заплатить. Только открыв в человеке личные достоинства (если они появятся), возвратив «красавцу» субъектность, возможно вернуть его в мир человеческих существ и отношений – в идеале свободный и от ребяческой увлечённости красивыми игрушками, и от дяческой жажды безраздельно обладать другим человеком как вещью.

¹ Островский А. Н. Красавец мужчина // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 323–324.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 309.

⁴ Там же. С. 321.

Заключение

Рассмотрение проблемы красоты в художественном мире Островского позволяет сделать ряд выводов относительно того, каким образом в художественной антропологии драматурга взаимодействует физическое и духовное, природное и социальное, абсолютное и преходящее, «точкой пересечения» для которых и становится человек. Проблематизация красоты присутствует в пьесах на всём протяжении творческого пути драматурга, при этом различны сами ситуации, в которых это происходит. Красота перестаёт быть чистой радостью и превращается в источник трагедии для того, кто наделён ею, – эта базовая ситуация в пьесах 1840–1850-х и 1860–1870-х гг. рассматривается с учётом её различных источников и способов художественного отображения. Первоначально

зритель видит её развёртывание главным образом вследствие противоречий, связанных с социальной обусловленностью вкуса: красота «по-купчески» высмеивается, красота идеальная релятивизируется, превращаясь в предмет купеческого торга. В последующих пьесах, начиная с 1860-х гг., судьбы красоты определяется уже не столько «дикими» нравами купечества, сколько более сложной ситуацией неготовности мира в целом принять и признать красоту, стремления разрушить её, либо подчинив себе, либо уничтожив. Только полное признание человеческого начала в человеке освобождает героев из «ловушки красоты» – как чужой, так и собственной, – обеспечивая возможность человеческого достоинства и счастья.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автухович Т. Е. Литературная антропология, антропология литературы: обновление традиции или поиск новых подходов // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сборник научных статей: в 3 ч. Ч. 1. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2013. С. 3–10.
2. Едошина И. А., Шилкина И. С. Портрет на фоне эпохи: А. Н. Островский // Вестник культурологии. 2020. № 4 (95). С. 130–149.
3. Едошина И. А. А. Н. Островский и Ф. М. Достоевский: к истории взаимоотношений // Соловьёвские исследования. 2021. № 4 (72). С. 106–118.
4. Звиняцковский В. Я. Трагедия и комедия о чайке (А. Н. Островский и А. П. Чехов) // А. П. Чехов и А. Н. Островский: по материалам V Международных Скафтымовских чтений, Москва, 03–05 ноября 2017 г. М.: Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, 2020. С. 260–270.
5. Ибатуллина Г. М. Архетип Психеи в художественном мире А. Н. Островского // Проблемы научной мысли. 2018. Т. 1. № 2. С. 74–76.
6. Медведева Н. А. Жанровое своеобразие комедии А. Н. Островского «Красавец мужчина» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 107–111.
7. Молчанова С. Оразумление жизни. Сравнительный анализ драмы «Бесприданница» и комедий «Бедная невеста» и «Таланты и поклонники» [Электронный ресурс] // Литература. 2003. № 28 (556). URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200302807> (дата обращения: 11.01.2023).
8. Мирзоян А. В. Судьба невесты как сюжетнообразующий элемент драматургии А. Н. Островского // Трибуна учёного. 2021. № 5. С. 411–415.
9. Ракоед Р. С. Небесная дева и Лилит в структуре образа Ларисы Огудаловой в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» // News of Science and Education. 2018. Т. 7. № 2. С. 91–93.
10. Смирнов К. В. Архетип Керы и его реализация в пьесе А. Н. Островского «Гроза» // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 521–529.
11. Соловьёв В. С. Красота в природе // Соловьёв В. С. Красота как преображающая сила. М.: Рипол-Классик, 2017. С. 17–84.
12. Тихомиров В. В. А. Н. Островский визави Ф. М. Достоевский: комедия «Богатые невесты» и роман «Идиот» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–119.

13. Федье Ф. «Мир спасёт красота». В России / пер. П. Епифанова. СПб.: Jaromir Hladik pres, 2020. 120 с.
14. Холодовский Р. Спасёт ли мир красота? Идеалы и иллюзии европейского гуманизма // Вопросы искусствознания. 1997. № 2. С. 476–484.
15. Чернец Л. В. О развязках и концовках в пьесах А. Н. Островского // Stephanos. 2020. № 5 (43). С. 9–17.
16. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. С. 5–92.

REFERENCES

1. Avtukhovich T. E. [Literary Anthropology, Anthropology of Literature: Renewal of Tradition or Search for New Approaches]. In: *Antropologiya literatury: metodologicheskie aspekty problemy. Ch. 1* [Anthropology of Literature: Methodological Aspects of the Problem. Pt. 1]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2013, pp. 3–10.
2. Edoshina I. A., Shilkina I. S. [Portrait against the Backdrop of the Era: A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Culturology], 2020, no. 4 (95), pp. 130–149.
3. Edoshina I. A. [A. N. Ostrovsky and F. M. Dostoevsky: On the History of Relationships]. In: *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev Research], 2021, no. 4 (72), pp. 106–118.
4. Zvinyackovsky V. Ya. [Tragedy and Comedy about a Seagull (A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov)]. In: *A. P. Chekhov i A. N. Ostrovskij: po materialam V Mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chtenii, Moskva, 03–05 noyabrya 2017 g.* [A. P. Chekhov and A. N. Ostrovsky: Based on the Materials of the V International Skaftymov Readings, Moscow, 03– November 05, 2017]. Moscow, State Central Theater Museum named after A. A. Bakhrushin Publ., 2020, pp. 260–270.
5. Ibatullina G. M. [The Archetype of Psyche in the Artistic World of A. N. Ostrovsky]. In: *Problemy nauchnoi mysli* [Problems of Scientific Thought], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 74–76.
6. Medvedeva N. A. [Genre Originality of A. N. Ostrovsky's Comedy "Handsome Man"]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2021, vol. 27, no. 3, pp. 107–111.
7. Molchanova S. [Understanding Life. Comparative Analysis of the Drama "Dowry" and the Comedies "The Poor Bride" and "Talents and Admirers"]. In: *Literatura* [Literature], 2003, no. 28 (556). Available at: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200302807> (accessed: 11.01.2023).
8. Mirzoyan A. V. [The Fate of a Woman as a Plot-forming Element in the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Tribuna uchenogo* [Tribune of the Scientist], 2021, no. 5, pp. 411–415.
9. Rakoev R. S. [Heavenly Maiden and Lilith in the Structure of the Image of Larisa Ogudalova in A. N. Ostrovsky's play "The Dowry"]. In: *News of Science and Education*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 91–93.
10. Smirnov K. V. [The Archetype of the Kora and Its Realization in A. N. Ostrovsky's Play "Thunderstorm"]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2020, vol. 6, no. 23, pp. 521–529.
11. Solov'yov V. S. [Beauty in Nature]. In: Solov'yov V. S. *Krasota kak preobrazhayushchaya sila* [Beauty as a Transforming Force]. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2017, pp. 17–84.
12. Tikhomirov V. V. [A. N. Ostrovsky as a Counterpart of F. M. Dostoevsky: The Comedy "Rich Brides" and the Novel "The Idiot"]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2021, vol. 27, no. 4, pp. 113–119.
13. Fédier F. "La beauté sauvera le monde". En Rusia (Rus. ed.: Epifanov P., transl. "Mir spasyot krasota". V Rossii. St. Petersburg, Jaromir Hladik pres, 2020. 120 p.).
14. Kholodovsky R. [Will Beauty Save the World? Ideals and Illusions of European Humanism]. In: *Voprosy iskusstvovznaniya* [Questions of Art History], 1997, no. 2, pp. 476–484.
15. Chernets L. V. [On Denouement and Endings in the Plays of A. N. Ostrovsky]. In: *Stephanos*, 2020, no. 5 (43), pp. 9–17.
16. Chernyshevsky N. G. [Aesthetic Relations of Art to Reality]. In: Chernyshevsky N. G. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2* [Complete Works. Vol. 2]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949, pp. 5–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Professor, Department of Russian Classical Literature, State University of Education;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. «Ловушка красоты» в художественной антропологии А. Н. Островского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 56–65.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-56-65

FOR CITATION

Alpatova T. A. “The Beauty Trap” in Artistic Anthropology of A. Ostrovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 56–65.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-56-65

УДК 82.09.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75

ОСТРОВСКИЙ В ОЦЕНКЕ ТУРГЕНЕВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Беляева И. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация**Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук**121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Систематизировать литературно-критические наблюдения над комедией Островского «Бедная невеста», высказанные Тургеневым в рецензии на эту пьесу, которые представляют собой не столько критику текста, сколько положения о принципах становящегося в России в середине XIX в. психологического театра.

Процедура и методы. Использованы историко-культурный и сравнительно-типологический подходы.

Результаты. Считается, что Тургенев с приходом Островского, который опирался на народную культуру и развивал демократический театр, разочаровался в вероятности создать адекватную сценическим возможностям тонкую психологическую пьесу и что его статья о «Бедной невесте» является отчасти признанием своего поражения. В работе доказывается, что Тургенев рассматривает Островского не столько как оппонента на драматургическом поприще, сколько как единомышленника. Тургенев-критик находит в новой пьесе Островского глубокое понимание природы современного человека, поскольку наиболее удачные персонажи «Бедной невесты» оригинально воплощают разные эгоистические черты. Критика Тургеневым «ложной манеры», или «ложного» психологизма, существенно корректируется поддержкой психологизма глубинного, который выражается в так называемых «внезапных движениях». Несогласие Тургенева с принципами построения характера центральной героини Островского мотивировано недостаточностью понимания психологического рисунка её характера и увлечённостью критика «Фаустом» Гёте и трагическим образом Гретхен. В целом Тургенев видит в «Бедной невесте» близкую его драматургической линии пьесу, поскольку сам он неоднократно обращался к сюжетам в духе «натуральной школы», которая отличалась от тенденции, намеченной Островским в комедии «Свои люди – сочтёмся». Именно неудача на драматургическом поприще вызвала у Тургенева настоятельное пожелание Островскому вернуться на потерянный путь. Тургенев не призывал драматурга отказываться от психологического вектора, но признавал, что пишущий для театра должен выбирать очень взвешенные решения в деле сценического воплощения внутреннего человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа имеет теоретическое значение, поскольку уточняется содержание приёмов психологического воссоздания человека в драматургическом искусстве 1840–1850-х гг. Она имеет также практическое значение для понимания истории развития русской драмы, для конкретизации проблемы творческого диалога Тургенева и Островского.

Ключевые слова: А. Н. Островский, И. С. Тургенев, комедия «Бедная невеста», психологический театр, русская драматургия 1840–1850-х гг.

OSTROVSKY IN TURGENEV'S ASSESSMENT: REFLECTIONS ON THE PROSPECTS FOR A SOCIO-PSYCHOLOGICAL THEATER

I. Belyaeva*Lomonosov Moscow State University**Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation**A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences**ul. Povarskaya 25a, Moscow 121069, Russian Federation*

© СС ВУ Беляева И. А., 2023.

Abstract

Aim. We systematize the literary-critical observations on Ostrovsky's comedy "The Poor Bride" expressed by Turgenev in the review of this play, which are not so much a criticism of the text, but statements about the principles of the psychological theater that emerged in Russia in the middle of the 19th century.

Methodology. Use is made of the historical-cultural and comparative-typological approaches.

Results. It is found that with the advent of Ostrovsky, who relied on popular culture and developed democratic theater, Turgenev became disillusioned with the possibility of creating a subtle psychological play adequate to the possibilities of stage, and that his article on "The Poor Bride" is partly an admission of his defeat. The article proves that Turgenev considers Ostrovsky not so much as an opponent in the dramatic field, but as a like-minded person. Turgenev the critic finds in Ostrovsky's new play a deep understanding of the nature of modern man, since the most successful characters in "The Poor Bride" embody various egoistic traits in an original way. Turgenev's criticism of the "false manner," or "false" psychologism is significantly corrected by the support of deep psychologism, which is expressed in the so-called "sudden movements." Turgenev's disagreement with the principles of building the character of Ostrovsky's central heroine is motivated by a lack of understanding of the psychological pattern of her character and the enthusiasm of the critic for Goethe's "Faust" and the tragic image of Gretchen. On the whole, in "The Poor Bride" Turgenev sees a play that is close to his dramatic line, since he himself repeatedly turned to plots in the spirit of the "natural school", which differed from the trend outlined by Ostrovsky in the comedy "Our people – let's get along". It was the failure in the dramatic field that caused Turgenev to strongly wish Ostrovsky to return to the lost path. Turgenev did not call on the playwright to abandon the psychological vector, but he acknowledged that a writer for the theater must choose very balanced decisions in the stage embodiment of the inner person.

Research implications. The work is of theoretical importance, since the content of the methods of psychological reconstruction of a person in the dramatic art of the 1840s-1850s is specified. It is also of practical importance for understanding the history of the development of Russian drama, and for concretizing the problem of the creative dialogue between Turgenev and Ostrovsky.

Keywords: A. N. Ostrovsky, I. S. Turgenev, The Poor Bride, psychological theater, Russian drama of the 1840–1850s

Введение

Тема «Тургенев и Островский» относится к числу фундаментальных. Она всегда будет интересовать исследователей, поскольку оба писателя оказали огромное влияние на становление русской драматургии. В рамках этой обширной темы [7] возникают свои частные вопросы, которые в той или иной мере освещались в исследовательской литературе. К их числу можно отнести вопрос о влиянии тургеневских текстов на сочинения Островского [2; 4; 5; 9; 10], проблемы тургеневского посредничества в восприятии Островским европейской литературы [2] и творческой полемики двух писателей, их эпистолярного и личного общения [6; 8].

**Комедия «Бедная невеста»
как проблемный фокус в творческом
диалоге Островского и Тургенева**

Центральным эпизодом в истории творческих взаимоотношений писателей является, без сомнения, статья Тургенева «Несколько слов о новой комедии А. Н. Островского «Бедная невеста»», которая была опубликована в мартовском номере «Современника» за 1852 г.¹ Эпизод этот тщательно отрефлексирован в науке, отражён в комментариях к академическим изданиям обоих писателей и рассматривается как факт признания Тургеневым оригинального драматургического пути Островского, воплощённого им

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии А. Н. Островского «Бедная невеста». Статья И. С. Т. // Современник. 1852. Т. 32. № 3. Отд. III. Критика. С. 1–9.

в комедии «Свои люди – сочтёмся», хотя и с определёнными оговорками и замечаниями, от которых критик не откажется и позже, перепечатывая эту статью в своём собрании сочинений 1880 г.

Статья Тургенева отличается от всех остальных оценок «Бедной невесты», которые получила пьеса в текущей критике 1852–1853 гг. Тургенев был далёк от того, чтобы видеть в ней «новое слово» русской драматургии, как представлял себе ситуацию Ап. А. Григорьев¹. Но его анализ нельзя считать и полностью отражающим точку зрения литераторов «круга Белинского», которые, как справедливо отмечала А. И. Журавлёва, выступали против «попыток углубления индивидуализации» у Островского, «которые, как казалось им, шли в ущерб созданию социальных типов» и были чреватые «“мелочным” психологизмом, некоторой “вязкостью” диалогов, переполненных повторами»². Тургенев, правда, также будет отмечать в «Бедной невесте» и мелочность деталей, и неясность характеров, однако скорее он склонен расценивать эти моменты как следствие излишней «натуральности»: «Нам, помнится, случилось встретить в Риме живописца, который предлагал своим посетителям **микроскоп** для лучшего рассмотрения мелочной отделки своих произведений; но не г. Островскому завидовать хитростному и кропотливому искусству этой мозаичной работы, не автору “Своих людей”, этой замечательной драмы, замечательной особенно по ширине и свободе манеры. Г-н Островский лучше нас знает, что Деннер, известный писатель старушечьих лиц, допускается в кабинетах лю-

бителей как курьёз, и мы надеемся, что г. Островский доискивается для себя более почётное место, на которое, впрочем, его талант даёт ему полное право»³.

В целом оценка Тургеневым «Бедной невесты» не была выдержана в русле какого-то определённого литературно-критического направления, не транслировала она и общее мнение. Не случайно В. П. Боткин, в переписке с Тургеневым согласовавший основные моменты его рецензии, не был доволен её итогом. В письме от 10 марта <1852 г.> он сообщал: «Прочёл твою статейку о “Бедной Невесте” и вчера вечером у Графини <Е. В. Салиас> читали её вслух. Succès d'estime – не больше. Тебе особенно удаются те статьи, которые ты пишешь с лёгкой иронией, – а перед “Невестой” ты, кажется, несколько растаял – и словно трусил высказываться прямо. На статейке лежит тон какого-то сдерживаемого поклонения»⁴. Поэтому рассматривать тургеневскую статью о «Бедной невесте» как «достаточно суровую» и лишь внешне «дипломатично доброжелательную» [4, с. 128], как иногда считается, едва ли правильно. Вернее увидеть в ней своего рода реплику в диалоге двух писателей-драматургов.

Как отмечает Ю. В. Лебедев, «творческий диалог» Островского и Тургенева в начале 1850-х гг. разворачивался прежде всего в их художественных сочинениях. Так, в «Бедной невесте» слышны отсылки к фабуле и центральным персонажам тургеневской повести «Дневник лишнего человека» [4, с. 127–130]. «Тонкие переживания» тургеневского Чулкатурина Островский «переводит на грубоватый язык бесхитростной правды» в образе Милашина, а «в отношениях Мерича с Марьей Андреевной» исследователь усматривает пародию на «тургеневскую философию любви» [4, с. 129]. Это чрезвычайно плодотворное наблюдение требует, конечно, ещё уточнений и коррек-

¹ «От кого именно ждём мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: “Бедная невеста” предстоит суду публики, и смешно было бы нам, из какого-то особенного рода журнального рыцарства, отрицаться от того, что в этом новом произведении автора комедии “Свои люди – сочтёмся” мы видим новые надежды для искусства»: Григорьев Ап. А. Русская литература в 1851 году. Статья третья // Москвитинин. 1852. Т. 1. № 4. Отд. V. С. 108.

² Журавлёва А. И. Натуральная школа // А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Шадринский государственный педагогический университет, 2012. С. 275.

³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 494–495. Выделено нами. – И. Б.

⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869 // Lib.ru: «Классика»: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/b/botkin_w_p/text_1869_perepiska_botkina_i_turgeneva.shtml (дата обращения: 19.01.2023).

тировок. Вероятно, Тургенев чувствовал этот полемический момент, что, наверное, сказалось и в его рецензии на «Бедную невесту». Но не только.

**Литературно-критическая статья
Тургенева о «Бедной невесте»
Островского как нарратив драматурга-
единомышленника**

Статья Тургенева интересна в том числе с точки зрения отражения в ней его драматургического опыта, поскольку согласие или несогласие с Островским, как нам представляется, в его рецензии несёт отпечаток личных сомнений, разочарований и принципиальных убеждений: Тургенев-драматург имел к 1852 г. более десятка как уже готовых и опубликованных, так и незавершённых пьес.

Тургенев начинает писать для театра раньше Островского. Его первая пьеса «Неосторожность» датируется 1843 г.¹ И существует такое распространённое мнение, что Тургенев «замолчал» как драматург, потому что «не выдержал конкуренции с Островским» [4, с. 127]. Отчасти и мы согласны с этим, но другое дело, почему не выдержал. Едва ли потому, что его драма была «менее демократична», чем у Островского, или что его театр был далёк от народа. Это не единственная причина, тем более что к моменту ухода Тургенева с драматургического поприща, т. е. к началу 1850-х гг.² Островский написал фактически одну общепризнанную пьесу – «Свои люди – сочтёмся»³. А его яркий москвитянский период только начинался.

Безусловно, Тургенев развивал так называемую «уточённую драматургию», которая на тот момент «вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии

Островского» [4, с. 128]. Повторимся, что в целом это верно, однако нельзя забывать, что комедиография Тургенева не исчерпывается проверками и в социальном плане она довольно открыта. Такие комедии, как «Студент»⁴ или «Холостяк»⁵, например, обращаются к той же мелкочиновничьей, или разночинной среде [1], что и «Бедная невеста»⁶. В центре последних двух названных пьес оказывается ситуация сватовства [11], в целом характерная для «школы молодого Достоевского», внимание к которой прослеживается во многих ранних сочинениях Тургенева.

Замечания и пожелания, которые высказывает Тургенев-критик к «Бедной невесте», примечательны как соображения не столько оппонента Островского по драматургическому направлению, сколько как единомышленника, который поднимает тот же материал, по крайней мере если говорить только о «Бедной невесте», а не о будущих москвитянских комедиях, которого интересуют смежные проблемы и который разрабатывает похожие характеры. Причём тургеневский опыт, в том числе и негативный, поскольку писатель действительно разочаровывается в том, что его пьесы органичны законам театральности, уже выявил для Тургенева его собственные «ошибки». И он как более искушённый драматург пишет об этом в рецензии. Отсюда и «тон какого-то сдерживаемого поклонения», который с удивлением отмечает В. П. Боткин, и высокая оценка целого ряда драматургических решений Островского, и даже соображения

⁴ Работа над пьесой «Студент», в центре которой была судьба бедного учителя, продолжалась в 1848–1850-е гг. (закончена в марте 1850 г.), она стала основой для комедии «Месяц в деревне», в которой уже несколько смещены акценты.

⁵ Тургенев И. С. Холостяк. Комедия в трёх действиях // Отечественные записки. 1949. № 9. С. 1–64.

⁶ Впервые на близость «Бедной невесты» и «Холостяка» обратил внимание Ап. А. Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году», бегло сопоставив Добротворского и Мошкина. В целом Григорьев всегда считал комедию «Холостяк» слабой. Его мнение не изменилось и в 1859 г., когда он, приветствуя роман «Дворянское гнездо», написал глубокое литературно-критическое исследование о Тургеневе («И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо»).

¹ Т. Л. (И. С. Тургенев). Неосторожность. Драматический очерк в одном действии // Отечественные записки. 1843. № 10. С. 221–252.

² Последняя пьеса Тургенева раннего периода, «Вечер в Сорренте», датируется январём 1852 г., а переработанная в 1854 г. комедия «Месяц в деревне» создавалась в 1848–1850-е гг. и в основе своей уже была готова в 1850 г.

³ В литературных салонах Москвы читалась в 1849 г., опубликована в «Москвитянине» в июньском номере за 1850 г.

критического порядка. Они выдержаны в духе работы не столько над «ошибками» коллеги, сколько над своими собственными промахами.

Итак, Тургенев начинает свою рецензию с призыва, или с «просьбы», к Островскому «отказаться от ложной манеры, которую он себе как бы придал и которой не было заметно в „Своих людях“»¹. При этом Тургенев подчёркивает, что просит видеть в его «словах выражение самых искренних убеждений»², т. е. он даёт коллеге по перу своего рода профессиональный совет – совет не столько критика, сколько драматурга, который знает, где нужно подстелить себе соломку.

Что Тургенев имел в виду под «ложной манерой»? Она, по его мнению, состояла «в подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частностей и мелочей каждого отдельного характера, в каком-то ложно тонком психологическом анализе»³. Заметим, что Тургенев выступает не против психологического анализа в драматургии в принципе, а против «ложно тонкого» психологизма. И объясняет, что именно ему не нравится у Островского: такого рода психологизм, который преобладает в «Бедной невесте», он «обыкновенно разрешается тем, что каждое лицо беспрерывно повторяет одни и те же слова, в которых, по мнению автора, и выражается его особенность»⁴. Персонажи Островского, по мысли Тургенева, слишком часто говорят одни и те же фразы или подчёркивают свои переживания, так что вокруг них возникают своего рода «ярлыки, напоминающие свитки с словами, выходящими изо рта фигур на средневековых картинках!»⁵ А «из этого вытекают длинноты утомительные, что весёлый смех, возбуждённый в читателе первым появлением комической фразы, уступает, наконец, место чувству неприятного раздражения при

двадцатом её повторении»⁶. Для Тургенева такой психологизм есть не что иное, как «мелочная разработка характера», которая прежде всего «художественно неистинна», при «всей своей внешней вероятности»⁷. Иными словами, правда художественная не всегда совпадает с правдой действительного факта, с правдой натуральности.

Это чрезвычайно любопытное замечание Тургенева, который сам столкнулся с проблемой передачи внутреннего «я» персонажа в рамках драматургического текста. Например, речь его Кузовкина в «Холостяке» отличают излюбленные в рамках «школы молодого Достоевского» речевые приёмы – «прерывистый и затруднённый, стесняющийся и косноязычный, полный повторений» нарратив [3, с. 68]. Но то, что хорошо в эпической форме, не всегда органично звучит на сцене. Тургенев это знал и высказывал Островскому свои опасения. Кстати, в следующей редакции Островский сократил некоторые повторы, а значит, прислушался к советам.

Тургенев выступает против «излишнего раздробления характеров» в «Бедной невесте», но разделяет настроения Островского в области психологизации драмы. Он знает, что в этом деле должна быть мера, поскольку «излишнее раздробление» может быть чревато тем, что «каждая отдельная частичка исчезнет ... для читателя, как слишком мелкие предметы исчезают для зрения»⁸.

И далее следует знаменитый совет Тургенева Островскому: «Г-н Островский в наших глазах, так сказать, забирается в душу каждого из лиц, им созданных; но мы позволим себе заметить ему, что эта бесспорно полезная операция должна быть свершена автором предварительно. Лица его должны находиться уже в полной его власти, когда он выводит их перед нами. Это – психология, скажут нам; пожалуй, но психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и тёплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой»⁹.

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 493.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 493.

⁴ Там же. С. 493–494.

⁵ Там же. С. 494.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 495.

⁹ Там же.

Тургенев находит в «Бедной невесте» Островского близкие и его театру приёмы психологизма. Речь идёт о моментах «простых, внезапных движений, в которых звучно высказывается человеческая душа»¹. Здесь многое определяют невербальные, невысказанные элементы. Критик приводит в качестве примера разговор Марьи Андреевны с Меричем, когда она «собирается сказать ... своё горе – предложение ненавистного г-на Беневоленского. Мерич прерывает её замечанием, что у ней хорошие глаза, что так и хочется поцеловать её. Марья Андреевна, вся судьба которой решается в это мгновение, восклицает, наконец: *«Да ты выслушай, ради бога!»*

Мерич. *Хорошо, хорошо; слушаю.*

Марья Андреевна. *Не успела я ещё опомниться от твоего поцелуя (закрывает глаза руками; Мерич её целует), приехал этот Беневоленский, он груб, необразован, просто ужас.*

Мерич. *Мери, ведь это скучная материя».*

В этих немногих словах, в невольном движении Маши, в поступке Мерича открывается нам более глубокий взгляд в сущность характеров и отношений Маши и Мерича, чем в самых тщательно выделанных, так называемых психологических анализах»².

Подобного плана сцена могла легко оказаться в тургеневском «Холостяке» или в «Нахлебнике». Например, когда героиня последней пьесы, только что узнавшая своего родного отца, уверяет его, что они «будут видаться»³, тогда как оба понимают, что прощаются навсегда, и тут же с соседом по имени она как будто даже весело рассуждает о красоте сада, то читатель или зритель понимает, что в этот момент творится у неё на душе. Комедия «Месяц в деревне» также полна таких примеров «внезапных движений».

Тургенев высоко оценивает большую часть персонажей Островского и говорит

об «истине всех выведенных им лиц»⁴, пусть даже они, по его мнению, не дорастают до типов, подобных Хлестакову. Одновременно Тургенев отмечает очень важную черту в этих характерах: он говорит, что Островским в них была «за тронута одна струна, которая до сих пор в области искусства издавала только слабые звуки, а именно: струна наивности, нецеремонности, какой-то детской откровенности в эгоизме»⁵. «Все лица комедии г. Островского эгоисты, наивные эгоисты, исключая бедной невесты, Хорькова ... да ещё, может быть, старика Добротворского»⁶, – пишет критик. В этой связи небезынтересно вспомнить рассуждения Тургенева о том, что «Фауст» Гёте «есть чисто человеческое, правильное эгоистическое произведение»⁷, а Гёте как «поэт-эгоист» «первым заступился за права – не человека вообще, нет – за права отдельного, страстного, ограниченного человека» и показал всем, что он «имеет возможность и право быть счастливым»⁸. Собственно Фауста Тургенев определяет как «мечтательного» и «теоретического» эгоиста, который «хотел через науку завоевать самого себя»⁹. Две статьи Тургенева, об Островском и о Гёте, разделяет чуть более пяти лет, а сам он в 1855 г. в своём романе «Рудин» устами центрального героя продолжит рассуждать об эгоизме как отличительном качестве современного человека. Герои Островского, конечно, не имеют масштабов Фауста, но вот эта новая, общая для всех современных людей краска эгоизма в них есть, и она вполне оригинальна – она отличается «наивностью», «детскостью» и одновременно «не-

⁴ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 492.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 492–493.

⁷ Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко (Статья) // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 205.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 211.

церемонностью». И Тургенев это с радостью приветствует.

Особенно в этой связи он отмечает образы Милашина и Мерича, которые, как полагает Ю. В. Лебедев, восходят к его Чулкатурину и князю Н. из «Дневника лишнего человека» [4]. Если эти персонажи у Островского и имели какой-то полемический по отношению к Тургеневу подтекст, то в рецензии Тургенев этого как будто специально не замечает и принимает характерологические находки драматурга: Мерич, по его мнению, представляет собой удивительно яркое соединение «пошлости, эгоизма» с «молодостью»¹, а Милашин оказывается «юношей завистливым, мелким, скучным, неотвязным, который всё ноет, прощается, не уходит и преспокойно досаждает и удивляется, отчего не всякое чужое счастье ему достаётся»². Словом, у каждого эгоиста своя краска.

Эти персонажи интересны Тургеневу в том числе потому, возможно, что сам он тоже очень интересуется разными выражениями эгоистического в современном человеке. Но одно дело писать об этом в эпической форме, а другое – в драматургической. И тут Тургенев, в сущности, отдаёт Островскому должное. Он высоко оценивает его характерологию.

Вот какое лицо в пьесе Тургенев решительно не принимает, так это саму бедную невесту. И хотя, «создавая образ этой молодой девушки», Островский, по мысли Тургенева, «менее предавался своей обычной склонности к мелочному анализу, он явно искал больших линий, простора», характер Марьи Андреевны ему «удался менее всех»³. Она «сочинена», она «лицо решительно неживое»⁴, потому что, как полагал Тургенев, Островский «чувствовал сам неясность созданного им характера». Этот образ на протяжении всей пьесы сопровождают «неясность» и «колыхание»⁵.

Как можно интерпретировать эти критические наблюдения Тургенева? Несомненно, тут сказывался его опыт драматурга и прозаика. Если сопоставлять, например, Марью Андреевну с тургеневской Машей, бедной воспитанницей из пьесы «Холостяк», то женский образ у Тургенева выписан более скупой и отчасти проигрывает персонажу Островского. Тургеневская Маша более страдательное лицо, менее сознательное, что ли. Если же сравнить с Верочкой из «Месяца в деревне», которую Тургенев, кстати, оценил много позже, увидев в этой роли М. Г. Савину, или с Натальей Петровной, то Марья Андреевна, очевидно, уступает им в сложности. Тургенев делает акцент на таком векторе любовной эмоции, который предполагает передачу процесса зарождения и развития чувства. Островский же не подчёркивал такого рода психологических переживаний своей героини. Да и в сущности их на сцене довольно сложно представить, что во многом определило непростую судьбу театральных интерпретаций «Месяца в деревне». Но надо отдать Тургеневу должное, он и не предлагает Островскому вступить на это поле психологического эксперимента. Если в статье и есть претензии к психологическому анализу, то они совсем иной природы.

Тургенев не соглашался также и с неровной манерой, в какой выписана героиня Островского.

У самого Тургенева пока ещё не было опыта в области создания сложного, психологически выверенного женского характера в повести, если не считать задуманную, но ещё не завершённую к тому времени «Переписку»⁶ и отчасти «Дневник лишнего человека». Для него женский мир – пока ещё загадка. И он пытается в нём разобраться поначалу не в прозе, а в драматургической форме – в комедии «Месяц в деревне», которая предшествует его повестям.

Героиня Островского, если следовать характерологическим размышлениям Тургенева, укладывается в его представ-

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 493.

² Там же. С. 493.

³ Там же. С. 496.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 497.

⁶ Начата в 1844 г., завершена в декабре 1854 г., опубликована в январском номере «Отечественных записок» за 1856 г.

ления о типе Гретхен, который Тургенев очень интересуется и о которой он скажет в рецензии на «Фауст» Гёте, что «она мила, как цветок, прозрачна, как стакан воды, понятна, как дважды два – четыре»¹. Однако гётевская Гретхен для Тургенева интересна была в те годы именно потому, что как будто возвышалась над собой, становилась больше себя самой. Он особенно ценил сцену в тюрьме, где Гретхен оказывалась «в тысячу ... раз выше умного Фауста»². Тургенев тогда, в середине 1840-х гг. (с определённой долей уверенности можно сказать, что эта точка зрения не поменялась и к началу 1850-х гг.), считал, что Гретхен в случае любого примирения с действительностью (это может быть замужество, рождение ребёнка) потеряла бы всё своё трагическое обаяние. С такой меркой он будет подходить позже и к героиням своих собственных повестей – Марье Павловне из «Затишья», Асе из одноимённой повести, Вере Николаевне из «Фауста». Вероятно, что и к героине Островского он подходит с этих позиций, отсюда разрешение комедии, в котором Марья Андреевна выбирает Беневоленского, ему совершенно не нравится.

«Передо мной новый путь, – говорила у Островского Марья Андреевна, – и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей»³.

Для Тургенева неубедительными представляются эмоции героини. Она, по его мнению, и в Мерича-то влюбляется у

Островского, чтобы на этой любви «завязать интерес пьесы». И «обычная борьба» чувств в её душе, которая завершается «обычной жертвой», в итоге, по его мнению, оказывается «неоценённой, едва ли замеченной». Ну а «окончательное ... примирение остаётся» и вовсе «совершенно непонятным»⁴. В островсковедении высказывалась мысль о том, что образ Марьи Андреевны в большей степени тяготеет к пушкинской Татьяне [4, с. 129–130], а «вся история отношений Марьи Андреевны и Мерича – это в значительной мере пересказ схемы отношений Онегина и Татьяны»⁵. Тургенев же был склонен в те годы ещё довольно скептически, с недоверием относиться к современным вариациям этого типа. Уточним: не к самому типу Татьяны, а к современным её воплощениям, каковым, видимо, и была дочь небогатого чиновника Марья Андреевна.

Заключение

В итоге можно сказать, что Тургенев соглашается с психологической линией, которую Островский хочет развивать в «Бедной невесте», но одновременно он знает, что драматургу стоит избегать ложного (слишком детального и навязчивого) психологического анализа, а в плане перспективного, с его точки зрения, создания «внезапных движений», т. е. психологизма глубинного, тоже иметь меру. Со схожими проблемами Тургенев столкнулся в своей драматургической деятельности. Как писатель, интересуясь прежде всего внутренним человеком, он стал разрабатывать эту стратегию психологической индивидуализации в прозе. Не случайно «Месяц в деревне» при первой публикации в «Современнике» в 1855 г. Тургенев характеризовал как «собственно не комедию, а

¹ Тургенев И. С. Фауст, траг. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко (Статья) // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Островский А. Н. Бедная невеста // Островский А. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1. Кострома: Костромаиздат, 2018. С. 231.

⁴ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 498.

⁵ См.: Журавлёва А. И. «Бедная невеста» // А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Шадринский государственный педагогический университет, 2012. С. 48.

повесть в драматической форме», которая «никогда не назначалась для сцены»¹.

Вероятно, Тургенев понимал, что Островский, отходя от эстетики «Своих людей» в «Бедной невесте», как будто бы вставал на его путь. Но Тургенев уже знал, что это путь, по крайней мере на тот момент, тупиковый, потому что театр был ещё не готов к решению задачи изображения внутреннего человека. И Тургенев всячески уговаривал Островского вернуться на потерянный путь. При републикации своей рецензии Тургенев признался, что Островский «посрамил» его «опасения и более нежели оправдал ... надежды»², потому что к этому времени Островский не просто состоялся как драматург, опирающийся на народную культуру, он сумел сделать решительный шаг в области создания социально-психологической драмы, хотя она и тогда сложно воспринималась современниками. Но на начало 1852 г.

Тургенев, ещё не знавший, как выстроится театр Островского, поучал и предостерегал его едва ли не из лучших побуждений.

Изучение характера юной героини тоже входило в приоритеты Тургенева. И тут он, критикуя Островского, в какой-то мере признавался и в своей пока ещё беспомощности, когда речь заходила о передаче загадки души женщины. Интересно, что героини поздних социально-психологических драм Островского во многом восходили к открытому им в этой комедии типу «бедной невесты», который вызвал столько недоверия у Тургенева, развили и усложнили его.

В целом рецензия на «Бедную невесту» Островского была для Тургенева поводом не только высветить перспективы русского театра, но и оценить свои драматургические и в целом писательские возможности.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. «Я так же беден, как он»: мотивы раннего Ф. М. Достоевского в комедии И. С. Тургенева «Холостяк» // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 9–18.
2. Дзюбенко М. А. Гёте – Тургенев – Островский. Из истории рецепции и трансформации сюжета о Фаусте в русской литературе // Спасский вестник. Вып. 12. Тула: Гриф и К°, 2005. С. 95–105.
3. Виноградов В. В. Тургенев и школа молодого Достоевского // Русская литература. 1959. № 2. С. 45–71.
4. Лебедев Ю. В. Творческий диалог А. Н. Островского с И. С. Тургеневым в комедии «Бедная невеста» // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 5. С. 127–130.
5. Лебедев Ю. В. У истоков драматургии А. Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 74–78.
6. Музалевский Н. Е. Ранние пьесы А. Н. Островского в письмах П. В. Анненкова и И. С. Тургенева // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5 (49). С. 221–226.
7. Назарова Л. Н. Островский и Тургенев // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 111–129.
8. Орлова Г. И. А. Н. Островский в эпистолярной рефлексии И. С. Тургенева // Спасский вестник. Вып. 13. Тула: Гриф и К°, 2006. С. 47–55.
9. Трофимова Т. Б. «Если б мы с вами были птицы...» (повесть «Ася» И. С. Тургенева и пьеса «Гроза» А. Н. Островского) // Спасский вестник. Вып. 22. Тула: Гриф и К°, 2014. С. 61–70.
10. Трофимова Т. Б. «Он называл её Снегуркою...» (Тургенев и Островский) // Спасский вестник. Вып. 27. Орёл: Голос-Пресс, 2020. С. 62–67.
11. Швецова Т. В., Шишелова А. Н. Мотив сватовства в пьесах И. С. Тургенева и А. Н. Островского // Спасский вестник. Вып. 14. Тула: Гриф и К°, 2007. С. 101–106.

¹ Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях. Комментарии // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1979. С. 644. Предваряющее комедию «Замечание», в котором писатель сообщал свои сомнения по поводу сценичности пьесы, датировано декабрём 1854 г.

² Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 491.

REFERENCES

1. Belyaeva I. A. ["I am as Poor as He is": The Motives of the Early F. M. Dostoevsky in I. S. Turgenev's Comedy "The Bachelor"]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 9–18.
2. Dzyubenko M. A. [Goethe – Turgenev – Ostrovsky. From the History of Reception and Transformation of the Plot about Faust in the Russian Literature]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 12* [Spassky Vestnik. Iss. 12]. Tula, Grif i K° Publ., 2005, pp. 95–105.
3. Vinogradov V. V. [Turgenev and the School of Young Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1959, no. 2, pp. 45–71.
4. Lebedev Yu. V. [Creative Dialogue between A. N. Ostrovsky and I. S. Turgenev in the Comedy "The Poor Bride"]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2014, no. 5, pp. 127–130.
5. Lebedev Yu. V. [At the Origins of the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2017, no. 2, pp. 74–78.
6. Muzalevsky N. E. [Early Plays by A. N. Ostrovsky in the Letters of P. V. Annenkov and I. S. Turgenev]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012, no. 5 (49), pp. 221–226.
7. Nazarova L. N. [Ostrovsky and Turgenev]. In: *A. N. Ostrovskii i literaturno-teatral'noe dvizhenie XIX–XX vekov* [A. N. Ostrovsky and the Literary and Theatrical Movement of the 19–20th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 111–129.
8. Orlova G. I. [A. N. Ostrovsky in the Epistolary Reflection of I. S. Turgenev]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 13* [Spassky Bulletin. Iss. 13]. Tula, Grif i K° Publ., 2006, pp. 47–55.
9. Trofimova T. B. ["If You and I were Birds ..."] (The Story "Asya" by I. S. Turgenev and the play "Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky). In: *Spasskii vestnik. Vyp. 22* [Spassky Bulletin. Iss. 22]. Tula, Grif i K° Publ., 2014, pp. 61–70.
10. Trofimova T. B. ["He Called Her the Snow Maiden ..."] (Turgenev and Ostrovsky). In: *Spasskii vestnik. Vyp. 27* [Spassky Bulletin. Iss. 27]. Orel, Golos-Press Publ., 2020, pp. 62–67.
11. Shvetsova T. V., Shishelova A. N. [The Motive of Matchmaking in the Plays of I. S. Turgenev and A. N. Ostrovsky]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 14* [Spassky Bulletin. Iss. 14]. Tula, Grif i K° Publ., 2007, pp. 101–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: belyaeva-i@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2840-4034

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Belyaeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Russian History of Literature at Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading researcher at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: belyaeva-i@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2840-4034

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. А. Островский в оценке Тургенева: размышления о перспективах социально-психологического театра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75

FOR CITATION

Belyaeva I. A. Ostrovsky in Turgenev's Assessment: Reflections on the Prospects for a Socio-Psychological Theater. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85

«БОГАТЫРЬ В КАБИНЕТЕ...»: ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В ОЧЕРКЕ С. В. МАКСИМОВА «АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ» (1897)

Киселева И. А., Поташова К. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности личности А. Н. Островского на основе воспоминаний его современника – этнографа С. В. Максимова.

Процедуры и методы. В качестве предмета исследования рассматривается портрет А. Н. Островского, выявляются как сами принципы портретирования, так и акценты, расставляемые лично знавшим Островского писателем-этнографом, близким к нему по своим ценностным ориентирам и нравственным симпатиям. Методология работы связана с использованием биографического, культурно-исторического, психологического методов, позволяющих представить склад личности Островского и его ценностные ориентиры.

Результаты. Определено, что созданный С. В. Максимовым портрет Островского опирается на русскую литературно-критическую традицию и воссоздаёт облик писателя в единстве внешних проявлений его характера и его идеалов. Выявлено, что процесс портретирования писателя в очерке С. В. Максимова связан с использованием приёмов контраста, метафорического сопоставления, аллюзий к Священному Писанию. Портрет А. Н. Островского создаётся при помощи описания его лица, манеры одеваться, внимания к деталям пейзажа и интерьера, что определяется не только общими установками при создании портрета и фактом личного общения писателей, но и отражает специфические навыки С. В. Максимова как писателя-этнографа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении принципов портретирования писателя в этнографическом направлении русской словесности. Результаты исследования могут быть использованы при ценностном изучении личности писателя в школьном и вузовском курсах литературы.

Ключевые слова: А. Н. Островский, литературный портрет, личность писателя, народный дух, очерк, русскость, С. В. Максимов

“THE HERO IN THE STUDY ...”: THE PERSONALITY OF THE WRITER IN S. V. MAKSIMOV’S ESSAY “ALEXANDER NIKOLAEVICH OSTROVSKY” (1897)

I. Kiseleva, K. Potashova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We reveal the personality features of A. N. Ostrovsky based on the memoirs of S. V. Maksimov, his contemporary and the ethnographer.

Methodology. The portrait of A. N. Ostrovsky is considered as the subject of the study; both the principles of portraiture themselves and the accents placed by the writer-ethnographer who personally knew Ostrovsky and was close to him in his value orientations and moral sympathies, are revealed. The methodology of the work relies on the use of biographical, cultural-historical, and psychological methods that allow us to present the personality of Ostrovsky and his value orientations.

© CC BY Киселева И. А., Поташова К. А., 2023.

Results. It is determined that the portrait of Ostrovsky created by S. V. Maksimov is based on the Russian literary and critical tradition, and recreates the appearance of the writer in the unity of the external manifestations of his character and his ideals. It is revealed that the process of portraying the writer in S. V. Maksimov's essay is associated with the use of contrast techniques, metaphorical comparison, and allusions to the Holy Scriptures. The portrait of A. N. Ostrovsky is created by describing his face and the way he dresses, as well as by attention to the details of the landscape and interior, which is determined not only by the general attitudes when creating a portrait and the fact of personal communication of writers, but also reflects the specific skills of S. V. Maksimov as an ethnographer writer.

Research implications. The theoretical significance of the study is to identify the principles of portraying the writer in the ethnographic direction of the Russian literature. The results of the research can be used in the value study of the writer's personality in school and university literature courses.

Keywords: A. N. Ostrovsky, literary portrait, essay, folk spirit, Russianness, S. V. Maksimov, personality of the writer

Введение

Одним из магистральных направлений современного отечественного литературоведения является изучение личности писателя, примеры тому – фундаментальные исследования В. Н. Аношкиной, И. А. Виноградова, В. А. Воропаева, В. Н. Захарова, И. А. Киселевой, Ю. В. Лебедева, Н. Н. Скатова, М. И. Щербаковой и некоторых других литературоведов. Методологической базой обозначенных исследований, несомненно, явился ряд литературно-критических работ XIX в., в которых акцентированы мировоззренческие координаты писателей, в качестве организующего стержня литературного произведения рассматривается «ценностная позиция автора» [11, с. 6]. Особенно значимыми в этом ряду являются литературно-критические размышления, созданные в жанре литературного портрета. Ставя в центр повествования саму личность писателя, литературно-критические этюды позволяют читателю в полной мере проникнуться духом времени, выявить особенности взгляда творческой личности на мир, оттого заслуживают к себе пристального внимания. Очерк С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский» занимает достойное место в этом ряду. Характеризуя отношение Максимова к Островскому, М. П. Лобанов отмечал, что для того «каждая увиденная подробность в жизни любимого художника, каждое сказанное им слово составляли ценность,

бесконечно родную», и «всё это он впоследствии с таким умилением и любовью передаст в своих, исполненных чудного словесного “плетения” воспоминаниях об Островском» [4, с. 326–327].

Очерк Максимова об Островском в контексте развития жанра литературного портрета

Портрет как жанр критической литературы, синтезирующий в себе публицистическую основу и художественные элементы, стиль мемуарных и эпистолярных материалов, своими литературными корнями уходит к наследию Н. М. Карамзина, в «Письмах русского путешественника» которого намечено внимание к жизни и творчеству знаменитой личности, отражено непосредственное творческое общение писателя с современными ему философами и литераторами. Интенсивное развитие литературный портрет получил в первой трети XIX в. в связи со сложившимся в художественной системе романтизма новым взглядом на человека как творческую личность, обозначившимся интересом к духовному миру человека, его жизни во всех её противоречиях. Непосредственно в центр научного осмысления творческая личность была поставлена в работе французского критика, основоположника биографического метода в литературоведении Ш.-О. Сент-Бёва «Литературно-критические портреты» (1830-е гг.), этюды

которого посвящены проблеме взаимоотношений художника и общества.

В отечественной мысли утверждение критико-биографической статьи в качестве самостоятельного жанра, представляющего писателя в контексте влияющей на его личность и творческий путь эпохи, принято связывать с работами Н. А. Полевого, а именно с его статьями о творческих исканиях Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. В своих «Очерках русской литературы» (1839) Н. А. Полевой «оживил литературу»¹ тем, что поставил в центр литературно-критического исследования личность писателя и увидел важность сохранения имён, «достойных памяти и уважения»². Очерки Н. А. Полевого в полной мере отражают жанровые особенности литературного портрета, сутью которого является целостное освещение жизненного пути и его влияния на творческое становление писателя.

В связи с развитием жанра литературного портрета в отечественной критике прочно закрепились имена Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, позднее И. Ф. Анненского, Б. К. Зайцева, Д. П. Святополка-Мирского и других писателей и критиков XIX–XX вв., в то же время некоторые исследования, несмотря на ценность представленного в них материала, остались в стороне и по-прежнему нуждаются в осмыслении. В творческом наследии писателя-славянофила Максимова литературный портрет занимает особое место, его работы, посвящённые писателям середины XIX в., свидетельствуют об умении «видеть и ценить лучшие духовные качества» в человеке, раскрывать «подвижническую деятельность во имя народа и сохранения его национальной культуры» [8, с. 185]. Методологическая ценность литературно-критического этюда «Александр Николаевич Островский», по точному

определению Ю. В. Лебедева, состоит в «определении качеств человеческой личности полнотою связей её с окружающим миром»³. В своём очерке Максимов живо отражает состоявшееся в 1850 г. знакомство с Островским, продлившееся общение, в красках рассказывает о «москвитянском» периоде в его творчестве, даёт оценки некоторым пьесам и вместе с тем создаёт живую личность драматурга, передаёт с точностью художника-этнографа атмосферу, его окружающую. Очерк был подготовлен в самом конце XIX в., точная датировка не известна, но его публикация частями в журнале «Русская мысль» за 1897 г. (№ 1, 3, 5) и 1898 г. (№ 1, 4), отсылка к рукописным материалам XI тома сочинения Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», опубликованным в 1897 г., а также указание на кончину входившего в ближний круг друзей А. Н. Островского художника П. М. Боклевского «в начале текущего года» (т. е. в 1897 г.) позволяют датировать работу Максимова над очерком концом 1896 – началом 1897 гг. В процессе подготовки к переизданию собрания сочинений Островского в начале XX в. очерк был частично переработан и дополнен. Он приводился в значительно сокращённом варианте в издании «А. Н. Островский в воспоминаниях современников» (1966)⁴. В 1988 г. был напечатан полностью в сборнике работ С. В. Максимова «Литературные путешествия»⁵ с комментарием Ю. В. Лебедева, подчеркнувшего «уникальность» этого литературно-критического этюда и авторское «своеобразие к освещению личности центрального героя»⁶.

¹ Белинский В. Г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии (1840–1841). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. С. 12.

² Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Л.: Художественная литература, 1990. С. 82.

³ Лебедев Ю. В. Писатель-первопроходец // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 22.

⁴ А. Н. Островский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова. М.: Художественная литература, 1966. 668 с.

⁵ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133–243.

⁶ Лебедев Ю. В. Писатель-первопроходец // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 23.

Если воспоминания А. А. Григорьева, Ф. В. Бурдина, М. Н. Островского, П. И. Чайковского о личности драматурга уже становились предметом специального научного изучения [1], то литературно-критический очерк Максимова в аспекте воссоздания творческой личности ещё требует к себе внимания, хотя стоит отметить, что подступы к его изучению уже были намечены [6; 7; 9; 10; 12].

«Приветливый очажок у Серебряных бань...»: портретный фон Островского

Будучи мастером этнографического очерка, Максимов свой литературно-критический этюд об Островском во многом строит как бытописатель, находя в творчестве драматурга созвучное своей художественной системе «доверие к повседневному ходу жизни» [3, с. 5]. Не случайно, что и в очерке личность Островского во многом раскрывается именно через повседневность. Очерк открывается красочной зарисовкой пейзажа и бытовой атмосферы Замоскворечья, выступающей фоном, на котором далее будет представлен портрет драматурга. Замоскворечье служит в очерке своего рода рамой портрета и задаёт тон всему повествованию, с него начинается знакомство читателя с Островским, им же и заканчивается с той только разницей, что вначале мы видим окрестности, в которых жил драматург, а в конце – его домашнюю атмосферу. Помимо собственно повествовательной задачи «обрамить» портрет, Максимов в обращении к Замоскворечью выступает явным продолжателем традиции самого Островского в изображении простоты быта и купеческой жизни этой части Москвы, вступает в условный литературный диалог с его «Записками замоскворецкого жителя» (1847), в которых сам драматург создаёт портреты замоскворецких обитателей также на детально выписанном замоскворецком фоне. Объединённые общим интересом к художественной детали размышления Островского и Максимова о Замоскворечье имеют и существен-

ное отличие. Ведущей в «Записках...» Островского является ироническая интонация, тонкий, гоголевского характера юмор в передаче замоскворецкой бытности, с которой герои находятся в гармонии. В предисловии к своим «Запискам...» Островский ставит своей задачей воссоздание всех особенностей этой бытности: «Наш неизвестный автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут всё – и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания»¹. Иной оттенок явственно прослеживается в очерке у Максимова. Его Замоскворечье, выведенное в прозаичной обычности, выступает резко диссонирующим по отношению к личности портретируемого Островского, что объясняется выведенной на первый план самой возвышенной и благородной фигурой драматурга, творческое дарование которого осветило и прославило эти места.

Фоном для литературного портрета у Максимова служит та улица, на которой «во славу отечественного искусства жил и работал Александр Николаевич Островский»², а также виды из окон его дома, притом во всех этих описаниях подчёркивается простота, будничная повседневность и даже приземлённость, окружающая драматурга: «Делая длинное и кривое колено, Серебрянический переулок приводит на поперечную улицу. Прямо против устья переулочка стоял неказистый деревянный дом обычного московского пошиба. Обшит он был тёмом и покрашен тёмною коричневою краской; размерами небольшой, в пять окон. С улицы он казался одноэтажным, так как второй этаж глядел окнами на свой и соседний двор»³. В описаниях замоскворецкого мира сочетаются традиционность уклада русской

¹ Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1: Художественная проза: Пьесы. 1843–1854. М.: Искусство, 1978. С. 34.

² Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133.

³ Там же.

жизни (переулок огибает церковь Иоанна Предтечи, основательный дом, не просто стоящий около храма, но «примыкающий на верхушке к церкви»¹) и некоторая бытовая нелепица, акцентируемая автором в метких и колоритных пространственных характеристиках-сравнениях («ударисься в узкий переулок», переулок как «длинное и кривое колено», открывающиеся виды «дешёвой бани», имеющийся «тут же и перед окнами кабака», «на углу безобразное здание»²), а также определениях, относящихся к дому и его окружению («неказистый деревянный дом», «неказистый дом нашего драматурга», «дом обычного московского пошиба», «на этом некрасивом Доме»³). Максимов указывает на ветхость всех этих построек, при этом делает оговорку, приводя непрямо, вероятно возникшее в памяти и оттого ещё более подчёркивающее точность ассоциации Евангельское изречение: «И ста запустение на месте святе» («Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет» (Мф. 24: 15)). В данном контексте словами Евангелия Максимов подчёркивает природную гениальность личности Островского, выделяет эту личность на контрастном фоне объективной простоты и неказистости. Дом, в котором живёт человек, творчески одарённый и оттого уникальный, пересоздаётся деятельностью человека: «некрасивый» дом благородно «покрашен тёмною коричневою краской», а «безобразное здание» – «голубою краской»⁴. Примечательно и начертание слова «Дом» с прописной буквы, тем самым Максимов подчёркивает его значение для живущих там и приходящих к хозяину, у которого для гостей всегда «тепеллся и светлел приветливый очажок»⁵. Максимов следует принципу контраста при создании портрета Островского на

протяжении всего очерка, подчёркивая тем самым уникальность и силу личности Островского, способную преодолеть «груды наваленных препон»⁶ и вдохновить людей на преодоление своих пороков.

«Он в коротенькой поддёвочке нараспашку...»: портрет Островского

Охарактеризовав социально-бытовой фон Замоскворечья, Максимов переходит непосредственно к изображению быта Островского и описанию его внешности, обращая внимание читателя как на внешний его облик, так и на образ его жизни. Оригинальна выбранная Максимовым повествовательная манера – автор, уточняя название очерка припиской «по моим воспоминаниям», не вспоминает своей первой встречи с Островским, но строит повествование как ситуацию первого знакомства читателя с драматургом: «Гостеприимный хозяин жил здесь в простоте уединённого и неказового быта, подчиняясь всеобщим московским обычаям, намеренно не желая от них отставать, как заповедных и священных для него, в особенности как для коренного истинно русского человека в самом высшем значении этого великого слова»⁷. Примечательна характеристика, данная Максимовым по отношению к быту драматурга – использованное прилагательное *неказовый* по своему основному значению, на первый взгляд, повторяет сказанные выше слова о неказистости замоскворецкой жизни, но в то же время, будучи устаревшей лексемой, органично входит в контекст литературного портрета, обращает внимание на непоказную натуру Островского и тем самым подчёркивает истинную его русскость. Бытовая простота, подчас даже неустроенность быта, часто присущая гениальной личности, сквозной характеристикой проходит через весь очерк Максимова: «Не помнится, чтоб у Александра Николаевича был даже письменный стол с общепринятыми приспособлениями и приличный такому работнику,

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 133.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ Там же. С. 137.

но уютного и уединённого кабинета, обставленного удобствами, облегчающими занятия, положительно не было»¹; «Борьба с нуждой велась незримо для посторонних глаз, но ясна была для окружающих, а от близких и доверенных в крайних случаях и не скрывалась»²; «В немногих и тесных комнатах Островского не нашлось бы места ... широким оттоманкам»³.

Задав характеристику дома Островского, автор переходит непосредственно к его внешнему портрету: «Он в коротенькой поддёвочке нараспашку, с открытою грудью, в туфлях, покуривая Жуковский табак из черешневого чубука, с ласковой и неизменно-приветливой улыбкой встречал всякого, кто получил к нему право входа»⁴. В созданном портрете перед читателем предстаёт Островский человеком, привлекающим своей простотой и открытостью, подчёркнутой в каждой детали одежды («в ... поддёвочке нараспашку», «с открытою грудью»). Его домашность точно схвачена и мастерски передана в этом costume, естественность которого «даёт простоту и живость» [2, с. 138] образу писателя. В описании лица Островского, его психологическом портрете, данном яркими штрихами, явен контраст: «На первый взгляд Александр Николаевич показался нам, судя по внешнему виду, замкнутым, как будто даже суровым, но, взглядевшись, мы заметили, что каждая черта лица резко обозначена, хотя вместе с тем и дышала жизнью. Верхняя часть лица в особенности показалась нам привлекательною и изящною»⁵. Акцентированная в портрете привлекательность «верхней части лица», проявляется и в дальнейшем тексте: его «глаза сделались ласковыми»⁶.

Последующие портретные зарисовки не вносят принципиально новых черт в заданный в начале портрет Островского,

но только подтверждают сказанное «тождеством чувств»⁷: «при видимой солидности в движениях скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники беспредельной нежности»⁸; «белокурый, стройный и даже, как и мы все, малые и приниженные, застенчивый, он и общим обворожительным видом, и всею фигурой совершенно победил нас, расположив в свою пользу до последней степени»⁹; «не имел светского лоску и не в силах был заставить себя отбросить всякое стеснение»¹⁰. Все эти зарисовки внешности вызывают у Максимова устойчивую ассоциацию образа Островского со светом, выступающим одним из наиболее частотных метафор, используемых по отношению к «нравственной сфере»¹¹ драматурга и его творчеству: «срединное светило, окружённое постоянными спутниками»¹², «заблестал яркий ослепительный свет»¹³, «новое светило в отечественной литературе»¹⁴, «началось чтение ... чистым и светлым баритоном»¹⁵. Не случайно само утверждение Островского на поприще писателя-драматурга Максимов сравнивает с восшедшим солнцем: «загорелось на небе яркое красное солнце»¹⁶.

Из «старорусских богатырей»: о духовной силе А. Н. Островского

В своём литературно-критическом этюде Максимов характеризует и ту духовную атмосферу, которая окружает Островского, отмечая, что «особенная умильная сердечная простота во взаимных отношениях господствовала в полной силе здесь, в безыскусственной обстановке жизни нашего великого писателя»¹⁷. Создавая портрет драматурга, Максимов

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 241.

² Там же. С. 240.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 239.

¹¹ Там же. С. 169.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 227.

¹⁶ Там же. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 239.

подчёркивает внутреннюю силу и цельность Островского: «он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нём со скромностью, нежностью, привлекательностью»¹. Мотив нравственной мощи Островского проходит красной чертой через весь очерк. Максимов подчёркивает, что «кроткая его натура обладала способностью огромного влияния на окружающих», пишет, что все, кто «сближался с ним»², чувствовали эту силу. Люди «цепляясь один за другого, тянулись» к нему «неудержимо»³. Создавая контрастный, многоцветный и вместе с тем монолитный образ драматурга, Максимов вскрывает причины той притягательности, которую чувствовали в писателе окружающие люди при живом общении. Максимов представляет Островского той личностью, рядом с которой другая открывается в своей лучшей человечности: «Дружба его умножала нравственные средства, подкрепляла нас в наших намерениях, возвышала и облагораживала наши цели и давала возможность действовать с большою способностью в собственных делах и с большою пользой для других»⁴. Максимов отмечает высокие нравственные достоинства Островского, характеризует человеколюбие писателя, его уважение и любовь к тем, кто оказывался рядом с ним: «Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства»⁵. Эта высокая человечность определялась христианскими идеалами Островского, которые были для него не просто идеалами, но самой жизнью, воплотившейся в его русскости, в русскости как православном образе жизни и мышления. Эту русскость писатель не только имел по рождению, но и, руководствуясь евангельскими словами о том, что «всякому имеющему дастся и приумножится» (Мф. 25: 29), постоянно восполнял и рас-

ширял «прежний и ранний запас добрых чувств, укреплялся в тех симпатиях к коренному русскому человеку, которые затем с неподражаемым мастерством высказал в положительных типах своих бессмертных комедий»⁶. Максимов подспудно сравнивает человеческий гений Островского с апостольским даром. По Максиму, хотя он прямо и не говорит об этом, через личность писателя в мир шло божественное утешение, рядом с Островским «все твёрдо знали, что здесь почувствуют они себя самих в наивысшем нравственном довольстве, утешенными и успокоенными»⁷. Эта мысль в разных вариациях повторяется у Максимова и содержит явные аллюзии к Новому Завету, в том числе к высказыванию апостола Павла: «Да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом» (2 Фесс. 2: 17).

Аллюзии к апостольским словам сочетаются у Максимова при характеристике писателя сравнением жизненного пути писателя «с путём старорусских богатырей»⁸. Максимов не идеализирует окружающую Островского действительность и не идеализирует самого Островского, признавая за ним даже такое проявление, как «хвастливость», в которой упрекали писателя, но которая, однако, «носила самый невинный характер, доходивший нередко до забавных крайностей в тех случаях, когда ввиду чужих действительных заслуг на него быстро нападал каприз равняться и даже попервенствовать на словах, как бы из боязни остаться на задах в обидном положении неумелого или неспособного»⁹. Писатель предстаёт живым человеком, который удил рыбу, «занимался вырезными работами из дерева»¹⁰, потчевал своих гостей со своего огорода, где «сеялась всякая редкая и нежная овощь»¹¹, раскладывал пасьянс и был принуждён из-за нужды сдавать свой дом и ютиться на верхнем этаже; этот

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 151.

² Там же.

³ Там же. С. 152.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 138.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ Там же. С. 204.

«богатырь в кабинете с пером в руках, – в столовую к добрым гостям выходил настоящим ребёнком»¹.

Островский был человеком и в своей земной человечности, и в своей устремлённости к богочеловечеству, понимание которого было связано у него с верой во всеблагость и попечение Бога о человеке. Островский видел и все проблемы русской действительности и то, как образно представляет Максимов, что «подъёмы на горы либо запущены и, будучи заброшенными, стали зарастать, либо намеренно были попорчены так, что не только ослабевала надежда на какую-либо победу, но недоставало и многих орудий, необходимых и пригодных для борьбы»², но шёл он «уверенно вперёд» и вёл «борьбу неустанно, испытывая временами тяжёлые поражения, но временами же освежаясь и укрепляясь сладкими плодами счастливых побед»³. Сравнивая Островского в его исповедании «твёрдой и непоколебимой веры в силу и мощь народного духа»⁴ со старорусскими богатырями, Максимов пишет: «несмотря на то, что дорога тянулась по рытвинам, через груды наваленных препон, и мосты через реки были поломаны или совсем разрушены», писатель шёл «дорогою прямоезжею» и продолжал «твёрдо веровать, что всё то не Божиим изволением, а по злому вражьему попущению»⁵. Богатырскую личность Островского понял и достоинно оценил «богатырь на троне» император Александр III, поручивший в ведение драматурга русский театр с напутствием: «Делайте всё, что найдёте полезным для процветания их»⁶.

Характеризуя положение Островского в сложившемся руссколюбивом направлении, Максимов определяет роль Островского так: «избранник стал во гла-

ве первенствующим»⁷. И условиями этого избранничества стали человеческие качества Островского, его воля и его идеалы. В образе Островского, как в капле воды, отражающей мир вокруг, Максимов видел воплощение полноты русскости: «Видим пронизательный крепкий ум русского склада, т. е. в соединении с крайней сердечностью, чувствуем высокую душу, всё проникшее любовью нежное сердце, хотя и с оттенком наружной суровости и сосредоточенности в себе»⁸.

Заключение

В речи «По случаю открытия памятника Пушкину» (1880), произнесённой на торжественном обеде Московского Общества любителей российской словесности, Островский в качестве особой заслуги Пушкина отметил то, что поэт «дал смелость русскому писателю быть русским»⁹. И именно эта русскость определила гений самого Островского, что очень точно отразил в своём литературно-критическом очерке Максимов. В ряду иных биографических исследований работу Максимова качественно отличает глубина проникновения в творческую личность Островского, что обусловлено как непосредственным общением двух писателей, сопричастностью к живой устремлённости драматурга, так и их единой системой ценностных координат, общей «для коренного истинно русского человека»¹⁰, оттого именно русскость выступает и у Островского, и у Максимова высшим мерилom творческого гения. Очерк Максимова дополняет не просто тот образ Островского, который был представлен в статьях таких маститых критиков, как А. А. Григорьев, А. В. Дружинин,

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 204.

² Там же. С. 138.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 204.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Островский А. Н. Застольное слово о Пушкине // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь. М.: Искусство, 1978. С. 110.

¹⁰ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 137.

Н. Н. Страхов, С. П. Шевырёв, которые оценили его творчество «как явление русской национальной драматургии, как явление красоты, силы и величия русского слова» [5, с. 5], но и принесённое им читателю чувство личного знакомства с писателем и ощущение его человеческого обаяния, и духовной мощи его личности. В своём очерке Максимова удалось многогранно представить Островского, вобравшего в себя окружающую его жизнь в её полно-

те и сложности и так расставившего ценностные приоритеты, что «исчез ночной сумрак и загорелось на небе яркое красное солнце»¹. И это солнце есть суть того направления в русской культуре, которое вдохновило Островского на создание истинно русского театра с его высочайшей степенью «нравственного влияния»².

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Едошина И. А., Шилкина И. С. Портрет на фоне эпохи: А. Н. Островский // Вестник культурологии. 2020. № 4. С. 130–149.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник трудов конференции, Москва, 27 февраля 2017 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 137–146.
3. Лебедев Ю. В. Об изучении русской классической литературы // Литература в школе. 2019. № 11. С. 2–5.
4. Лобанов М. П. Островский. М.: Молодая гвардия, 1989. 399 с.
5. Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Удмуртский институт, 2014. 295 с.
6. Павлов А. В. А. Н. Островский и С. В. Максимов (к проблеме личных и творческих взаимоотношений) // Щелыковские чтения – 2002. Проблемы эстетики и поэтики творчества А. Н. Островского: сборник статей / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома: Костромской государственный университет, 2003. С. 153–159.
7. Скатов Н. Н. Создатель народного театра: Александр Николаевич Островский // Скатов Н. Н. Сочинения: в 4 т. Т. 4. СПб.: Наука, 2001. С. 67–95.
8. Фокеев А. Л. С. В. Максимов о И. Ф. Горбунове (книга «Литературные путешествия») // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов. Вып. 8. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 184–188.
9. Фокеев А. Л. Народная культура в этнографической прозе С. В. Максимова. М.: Ленанд, 2015. 104 с.
10. Фокина М. А. Языковые средства создания литературного портрета А. Н. Островского в мемуарной прозе С. В. Максимова // Громовские чтения: сборник материалов и исследований международной научной конференции, Кострома, 07–09 ноября 2016 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2016. С. 318–323.
11. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе / отв. ред. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.
12. Щербак М. И. С. В. Максимов: очерк творчества. М.: Прометей, 1996. 200 с.

REFERENCES

1. Edoshina I. A., Shilkina I. S. [Portrait against the Backdrop of the Era: A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Culturology], 2020, no. 4, pp. 130–149.
2. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [A Hat as a Detail of a Costume and a Means of Characterizing a Character in N. M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler"]. In: Shatalova O. V., ed. *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik trudov konferentsii, Moskva, 27 fevralya 2017 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Proceedings of the Conference, Moscow, February 27, 2017]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 137–146.
3. Lebedev Yu. V. [On the Study of Russian Classical Literature]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2019, no. 11, pp. 2–5.

¹ Максимов С. В. Александр Николаевич Островский // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник, 1986. С. 138.

² Там же. С. 218.

4. Lobanov M. P. *Ostrovskii* [Ostrovsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 399 p.
5. Mosaleva G. V. "Neprochitannyy" A. N. Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii ["Unread" A. N. Ostrovsky: Poet of Iconic Russia]. Izhevsk, Udmurtia Institute Publ., 2014. 295 p.
6. Pavlov A. V. [Ostrovsky and S. V. Maksimov (On the Problems of Composite and Creative Structures)]. In: Edoshina I. A., ed. *Shchelykovskie chteniya – 2002. Problemy estetiki i poetiki tvorchestva A. N. Ostrovskogo* [Shchelykovskii Readings – 2002. Problems of Aesthetics and Poetics of A. N. Ostrovsky's Creativity]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2003, pp. 153–159.
7. Skatov N. N. [The Creator of the Folk Theater: Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. In: Skatov N. N. *Sochineniya. T. 4* [Essays. Vol. 4]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 67–95.
8. Fokeev A. L. [S. V. Maksimov about I. F. Gorbunov (The Book "Literary Journeys")]. In: *Mezhdisciplinarnye svyazi pri izuchenii literatury. Vyp. 8* [Interdisciplinary Connections in the Study of Literature. Iss. 8]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2019, pp. 184–188.
9. Fokeev A. L. *Narodnaya kul'tura v etnograficheskoi proze S. V. Maksimova* [Folk Culture in the Ethnographic Prose of S. V. Maksimov]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 104 p.
10. Fokina M. A. [Language Means of Creating a Literary Portrait of A. N. Ostrovsky in the Memoirs of S. V. Maksimov]. In: *Gromovskie chteniya: sbornik materialov i issledovaniy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kostroma, 07–09 noyabrya 2016 g.* [Gromov Readings: Collection of Materials and Research International Scientific Conference, Kostroma, November 07–09, 2016]. Kostroma, Kostroma State University, 2016, pp. 318–323.
11. Kiseleva I. A., ed. *Tsennostrnye osnovy natsional'noi kartiny mira v russkoi literature* [Value Bases of National Pictures of the World in the Russian Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019. 312 p.
12. Shcherbakova M. I. S. V. Maksimov: ocherk tvorchestva [S. V. Maksimov: Essay on Creativity]. Moscow, Prometei Publ., 1996. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of Russian Classical Literature, State University of Education;
e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian Classical Literature, State University of Education;
e-mail: ka.potashova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Киселева И. А., Поташова К. А. «Богатырь в кабинете...»: личность писателя в очерке С. В. Максимова «Александр Николаевич Островский» (1897) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 76–85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85

FOR CITATION

Kiseleva I. A., Potashova K. A. "The Hero in the Study ...": The Personality of the Writer in S. V. Maksimov's Essay "Alexander Nikolaevich Ostrovsky" (1897). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 76–85.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-76-85

УДК 82-21 Островский А. Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-86-97

«РУССКАЯ ОДИССЕЯ» А. Н. ОСТРОВСКОГО (ПУТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ И СУДЬБА ГЕРОЯ)

Мосалева Г. В.

Удмуртский государственный университет

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представить концепцию о драматургии А. Н. Островского как национально-поэтическом эпосе.

Процедура и методы. В своём исследовании мы опираемся на взгляды А. А. Григорьева, А. В. Дружинина, И. А. Гончарова, заложивших основы объективного и свободного от идеологических стереотипов понимания драматургии Островского как народной поэзии. К сожалению, на долгие десятилетия, особенно в советскую эпоху, возобладали другая, сатирическая, концепция Н. А. Добролюбова о драматургии Островского. Методология исследования базируется на герменевтическом подходе к художественному тексту, связанному со стратегией понимания и объяснения, с необходимостью обращения к теории традиции, аккумулирующей в себе весь православный догматологический онтологический опыт Церкви.

Результаты. Драматургия А. Н. Островского предстаёт как национально-поэтический эпос, воспроизводящий исторический путь России, её религиозные ценности и коренные основы русской жизни, её вечные идеалы. Рецепция художественного мышления Островского, облечённого в форму национально-поэтического эпоса об историческом пути России и судьбе героя, является актуальной для её настоящего и будущего времени.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена оригинальная концепция о национально-поэтическом эпосе А. Н. Островского, способствующая расширению и углублению представлений о поэтике драматурга, выделены его родовые свойства, экзистенциальные символы, намечены черты особой типологии героев Островского. Материал исследования может быть использован в преподавании истории русской литературы и на спецкурсах по творчеству А. Н. Островского.

Ключевые слова: А. Н. Островский, историческая Россия, национально-поэтический эпос, православие, судьба героя

“RUSSIAN ODYSSEY” BY A. N. OSTROVSKY (THE PATH OF HISTORICAL RUSSIA AND THE FATE OF THE HERO)

G. Mosaleva

Udmurt State University

ul. Universitetskaya 1, Izhevsk 426034, Russian Federation

Abstract

Aim. We present the concept of A. N. Ostrovsky's dramaturgy as a national poetic epic.

Methodology. In our research, we rely on the views of A. A. Grigoriev, A. V. Druzhinin, and I. A. Goncharov, who laid the foundations for an objective and ideologically free understanding of Ostrovsky's dramaturgy as folk poetry. Unfortunately, for many decades, especially in the Soviet era, a satirical concept of N. A. Dobrolyubov about Ostrovsky's dramaturgy prevailed. The methodology of the research is based on a hermeneutical approach to the literary text associated with the strategy of understanding and

explanation, with the need to turn to the theory of tradition, accumulating the entire Orthodox dogmatic-liturgical *ontos* of the Church.

Results. The dramaturgy of A. N. Ostrovsky appears as a national poetic epic aimed at poetizing the historical path of Russia, its religious values, the fundamental foundations of Russian life, and its eternal ideals. The reception of Ostrovsky's artistic thinking, in the form of a national-poetic epic about the historical path of Russia and the fate of the hero, are relevant not only for the present, but also for the "ever-present", according to N. N. Strakhov.

Research implications. The original concept of the national poetic epic of A. N. Ostrovsky is proposed, which contributes to the expansion and deepening of ideas about the poetics of the playwright; his generic properties and existential symbols are highlighted, and the features of the special typology of Ostrovsky's heroes are outlined. The research material can be used in teaching the history of the Russian literature and in special courses on the works of A. N. Ostrovsky.

Keywords: A. N. Ostrovsky, national poetic epic, historical Russia, Orthodoxy, the fate of the hero

Введение

Ещё при жизни А. Н. Островского А. А. Григорьев¹ и А. В. Дружинин² – критики, кстати, различных взглядов и направлений – заложили основы объективного понимания творчества драматурга как народного поэта. Они стремились защитить драматурга от тенденциозного, исключительно «теоретического», «рассудочного», по характеристикам А. Григорьева³, восприятия драматургии Островского как сатиры, а самого драматурга как сатирика, обличителя «тёмного царства» России. Эта идеология получила распространение в советском литературоведении при полном запрете «другого взгляда».

Показательно, что из сорока семи оригинальных пьес Островского только четыре являются драмами. Комедийный характер драматургии А. Н. Островского вынесен в название одной из монографий А. И. Журавлевой «А. Н. Островский – комедиограф» [1], что в советский пери-

од являлось смелым шагом. Однако для школьной программы были выбраны две из четырёх драм Островского – «Гроза» и «Бесприданница» – и ни одной комедии. На долгие десятилетия Островский был замурован в каркас сатирика. Такая «беда» с Островским остаётся и поныне, несмотря на фундаментальные основы «народного» восприятия творчества драматурга.

Взгляды А. А. Григорьева и А. В. Дружинина в дальнейшем развивал И. А. Гончаров. В не опубликованных при его жизни материалах об Островском он высказал много новых и глубоких мыслей об эпичности драматурга. Для Гончарова Островский – «тонкий наблюдатель, поэт, живописец, юморист»⁴. Как будто о себе написал: так много родственных черт у Гончарова с Островским. Гончаров отметил равнодушие «высшего класса», нашего beau monde, к Островскому, опровергнув само понятие «высшего класса» в отношении искусства, его претензию на единственно верный взгляд. Точку зрения этого «высшего класса» передаёт в своих «Силуэтах» Ю. Айхенвальд, выступая от лица этого класса: «Мир Островского – не наш мир, и до известной степени мы, люди другой культуры, посещаем его, как чужестранцы...»⁵.

¹ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 229–261; Григорьев А. А. Русский театр в Петербурге. II. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/g/grigorjew_a_a/text_0270-1oldorfo.shtml (дата обращения: 21.02.2023).

² Дружинин А. В. Сочинения А. Островского // Lib.ru: [сайт]. http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0080.shtml (дата обращения: 12.01.2023).

³ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 230.

⁴ Гончаров И. С. Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1980. С. 149.

⁵ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: Республика, 1998. С. 261.

Действительно, любовь к Островскому Гончаров видит в среднем классе, ценящем «цельность, простоту и прочность русского образования и воспитания»¹. Таков и сам Островский, популярность которого «не громка, но долговечна»². Все дальнейшие наблюдения Гончарова связаны с констатацией тех или иных свойств эпоса Островского. Гончаров замечает, что Островский в своих пьесах «пишет одну картину» – «Тысячелетний памятник России»: «Одним концом она упирается в доисторическое время («Снегурочка»), другим – останавливается у первой станции железной дороги...»³. По Гончарову, Островский является комиком только «по внешней поверхностной форме», а «в сущности» он «писатель эпический»⁴. Гончаров сравнивает Островского с Гомером, видя только отчасти в его драматургии «Илиаду» (особенно в исторических пьесах, где он касается героического периода русской истории, длящейся до Петра I). Гончаров ценил в Островском открывателя и изобразителя «нашей Одиссеи». Помимо Гомера, Гончаров сравнивает Островского с Шекспиром и Вальтером Скоттом; а в отечественной словесности ставит вместе с Пушкиным и Гоголем, выше, чем Тургенев и Писемский⁵. И, кстати, если возвращаться к идеологеме «тёмное царство», то Гончарову при океане рассуждений на эту тему удалось отметить нечто совершенно нетривиальное. Во-первых, он увидел, что Островский «никогда не оставляет самодура окончить самодурством», в каждой пьесе затрагивая «чисто человеческий интерес, чувство, жизненную правду»⁶. Во-вторых, и это самое важное, Гончаров говорит о «падении» «тёмного царства» под пером драматурга, что «самоду-

ры», если «ещё и утаились где-нибудь по углам, то они уже указаны»⁷. Получается, Островский если и изобразил «тёмное царство», то своими пьесами сам же и способствовал его «преображению».

Народно-поэтический взгляд на драматургию Островского разделяли некоторые представители критики начала XX в. – Н. П. Кашин [4], В. Г. Сахновский [12], П. Коган [5]. В советскую эпоху с 1960-х гг. взгляд об Островском как эпическом художнике стал прорываться в работах Е. Г. Холодова [15], М. Лобанова [7]. Возвращение к концепции А. А. Григорьева и А. В. Дружинина в академической науке произошло в конце XX в. [3].

Однако сферу вузовского и особенно школьного преподавания «новое понимание» Островского несколько не поколебало: идея о России как «тёмном царстве» остаётся незабываемой и сегодня, потому что до сих пор рецепция русского слова в национальном образовании осуществляется сквозь призму атеистического прогрессистского канона.

В этой связи одной из задач нашей статьи в канун 200-летнего юбилея Островского является возвращение к подлинным основам понимания русской классики, рождённой от «святого кореня» исторической России, к вершинному критическому наследию, отвергнутому как позитивистской дореволюционной критикой, так и атеистически советской. Чтобы понять Островского, нужно обратиться к прошлому, к истокам рождения русского слова из восточнославянской книжности, поэтому мы опирались как на актуальные исследования в области древнерусской словесности⁸ [6; 13; 14], так и на работы в области исторической и теоретической поэтики русской литературы, основывающиеся на православной аксиологии [2; 3; 11].

¹ Гончаров И. С. Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1980. С. 154.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 161.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ См.: Сперанский М. Н. История древней русской литературы: учебник для вузов. СПб.: Юрайт, 2002. 543 с.

Слово и Островский

В драматургии Островского зримее всего проявляются две стихии русской речи: устная народно-поэтическая и письменная церковно-книжная. Поворот от салонно-литературного к народному художественному слову отчётливо обозначился уже в творчестве Гоголя. Островский продолжил идти по пути обогащения стиливым разнообразием русского художественного слова. Обращение Островского к устному народно-поэтическому слову очевидно, оно проявляется уже в названиях пьес, для части которых послужили русские пословицы и поговорки. Однако и в заглавиях пословичного типа всегда содержится «христианский смысл». Заглавие пьесы «Не так живи, как хочется» воспроизводит только первую часть пословицы, за которой следует продолжение: «а так, как Бог велит».

Устная народно-поэтическая традиция в драматургии Островского проявляется в обилии и разнообразии использования в ней фольклорных жанров: календарно-обрядовой поэзии, религиозной праздничности, духовного стиха, народного театра, сказок и сказаний.

У Островского меняется поэтика имён и наименований: вместо нейтрально-литературных на первый план выступают народные и простонародные имена и названия, что поначалу вызвало резкое неприятие у тогдашнего «высшего класса».

Говоря о церковно-книжном источнике художественного слова Островского, мы хотим обратить внимание на расширение Островским его сферы. Особенно активно Островский прибегает к нему в зрелом творчестве, обнаруживающем черты житийной литературы, хронографов, жанра проповеди. В исторической драматургии Островского расширение церковно-книжного слова становится более масштабным и более уникальным. Островский находит возможность органического использования в художественном тексте церковной гимнографии (каноны, акафисты, молитвы) [8, с. 20–25]. Сами его пьесы превращаются в род «молитв», церковных песнопений.

В пьесе «Козьма Захарыч Минин, Суворук» автор словно самоустраняется, и слово получает статус художника, изобразителя и поэта. Наблюдение о русском языке как поэте едва ли не первым высказал Н. В. Гоголь: «...язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием»¹.

В случае с Островским сам драматический род искусства способствовал формальному «исчезновению» авторской субъектности.

Органическое совмещение поэтики светского текста с жанрами церковной богослужебной словесности и в особенности гимнографии существенно повышало поэтический пафос драматургии Островского, универсализировало и онтологизировало её, превращая в подлинный национально-поэтический эпос.

Из совмещения этих разных стихий речи в драматургии Островского возникает феномен *цветистости* языка, отмеченного одним из первых А. А. Григорьевым².

Вслед за цветистостью речи в пьесах Островского возникает эффект *персонализации Разговора*. В пьесе «За чем пойдёшь, то и найдёшь» Домна Белотелова спрашивает сваху Акулину Гавриловну Красавину, прозванную за своё «разговорное искусство», Говорилихой: «Нет ли по Москве разговору какого?»³ Мир пьес Островского, как и проза Лескова, рождает ощущение «речевого симфонизма». Известно, что Островский был собирателем русского слова и даже хотел

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 6. М.: Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 195.

² Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 218.

³ Островский А. Н. За чем пойдёшь, то и найдёшь // Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 362.

издать «Словарь русского народного языка». Собранные к «Словарю» материалы уже после смерти Островского выслал в Отделение русского языка и словесности брат драматурга, Михаил [10, с. 19]. Именно купеческое сословие было носителем религиозного и народного сознания в XIX в. По меткому замечанию А. Григорьева, не купцов, а русских людей изображал Островский: «С чего вы взяли, что купцов изображает Островский? Русских людей он изображает, типы русской жизни... С чего вы взяли, что он купеческим языком только владеет? Ведь это могут говорить только такие господа, которые летописей, грамот, княжеских духовных, записей разных частных до Петровской эпохи в глаза не выдывали»¹. Купцы – это зажиточные крестьяне, сохраняющие свою веру и традиции. Высшее сословие в основе своей отпало от веры и считало её проявлением «темноты», мракобесия, достоянием простолюдинов. Одно дело речь Подхалюзина и Липочки, представляющая собой «смесь французского с нижегородским», кстати, тем самым и обличающая их как «отщепенцев»; другое дело – речь Максима Федотыча Русакова, Козьмы Минина, Веры Филипповны и бесчисленного множества коренных и подлинно национальных типов Островского. Они носители народной и книжной христианской культуры, православной веры, её правды и красоты.

Спектр звучащего в драматургии Островского слова необычайно широк. Он опоэтизировал слово в его иерархической значимости: от слова Священного Писания и богослужебного языка до народного-поэтического, бытового и делового.

Словесное дерзновение Островского исключительно: он возвёл на вершину художественного текста литургическое и молитвенное слово. И оно зазвучало полновесно и убедительно, расширяя и

отменяя временные и пространственные границы Руси–России. Это дерзновение Островского свидетельствует о его национально-поэтическом эпосе как подвиге вероисповедничества.

Эпопея русской судьбы

В эпосе Островского Россия изображается в её тысячелетнем пути: от доисторического времени в «Царстве царя Берендея» до времени драматурга. В «Снегурочке» страна берендеев предстаёт как славянская утопия о добром и справедливом царе Берендее, стремящемся вернуть расположение к своему народу бога Ярилы. Царь Берендей озабочен «остудой» народного сердца, оттого он бросает клич об умножении любви. В «Снегурочке», как правило, видят обращение к славянской языческой мифологии, однако в основе своей этот славянский миф у Островского христианизирован. Таков Ярило Островского, в описании которого проявляются свойства одного из древних иконографических типов – Спас Ярое Око. «Снегурочку» Островский называет «весенней сказкой», и она имеет явные пасхальные черты [10, с. 268]. Гибель Снегурочки, ещё одной героини горячего русского сердца, символична. Ради обретения Любви как божественного дара Снегурочка готова принести в жертву свою жизнь. Это христианский выбор. Гончаров называет «Снегурочку» «преддверием» «исторических галерей»² Островского. Она создана в поздний период его творчества, когда драматург словно «осознал», что «у него не было начала»³ для поэтической летописи России, и дописал его.

В пьесах же 1840-х и 1850-х гг. Островский показывает «кряжевую» русскую жизнь, атмосферу русского Дома в московском и уездном изводе.

В этом Доме пребывает счастье и благо, если его обитатели верны евангельским заветам. Выход за «границы» Дома

¹ Григорьев А. А. Русский театр в Петербурге. II. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/g/grigorjew_a_a/text_0270-1oldorfo.shtml (дата обращения: 21.02.2023).

² Гончаров И. С. Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1980. С. 163.

³ Там же.

«грози́т» героям «испытаниями», и от их покаяния и решимости вернуться в мир семейного тепла и покоя зависит их судьба («Бедность не порок», «Сани», «Не так живи, как хочется»). Этот дом, русская почва в дальнейшем творчестве Островского оказываются перед новыми вызовами. Островский словно ставит перед своими читателями вопрос: «На каком фундаменте устоять дому сему и от чего ему может прийти погибель?»

Пьеса «Гроза» находится словно на пороги́е эпох, сигнализируя о шаткости русского дома. Символично, что волевое начало в пьесе олицетворяют женские образы: Марфа Игнатьевна и Катерина. Даже Дикой подчиняется Кабановой. Слабы и безвольны как Тихон, так и Борис. Тихон – свой, Борис как будто из чужого мира, как иностранец. Дома – тоска, тюрьма, а вне его – гроза, гибель. Ключ от калитки, словно волшебный предмет из сказки, выводит на волю и увлекает в бездну.

Природа у Островского не столько фон, сколько тоже, как и речь, полноценный персонаж. Она выступает символом красоты, жизни, правды и силы.

Действие в пьесах Островского выносит за пределы дома, какого-то одного места, на русские просторы (поля, луга, леса, реки, берега), тем самым Островский расширяет возможности драмы. Уже в ранних пьесах он показывает Московскую и Глубинную Русь вместе с их укладами. Мир Москвы с её садами, монастырями, храмами и русское захолустье, театральный и чиновный мир и русское приволье, пространство историческое и вневременное, реальное и волшебное отобразились в национально-поэтическом эпосе Островского как онтологические символы русской жизни. Островский сумел изобразить и «неизобразимое» (человека в его богообщении, область видений и откровений, тайну жизни и души).

«Русская семья» и «русский быт» никогда не изображаются Островским этнографически, но всегда как экзистенциальные символы русского бытия. В своё время А. А. Григорьев отмечал поэтическое, любовное изображение быта Островским,

«с религиозным культом существенно-народного»¹, что ставило его «против течения» «добролюбовской критики». По характеристике И. В. Киреевского, «самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства»².

Расширение пространства наблюдается в драматургии Островского 1860-х гг., особенно в его исторической драматургии. Предметом исторического интереса для Островского были: XVI в. с последующей за ним Смутой – «Василиса Мелентьева», трилогия о Смуте; XVII в. – «Комик XVII века»; XVIII в. – «Не так живи, как хочется». Весьма знаменательно, что одним из критиков Островский был назван «иконописцем России XV века» [12, с. 229]. Это время расцвета русского иконописания, эпоха иконописца-исихаста, преп. Андрея Рублёва. В пьесе «Козьма Захарыч Минин, Суворук», Минину «является» преп. Сергей Радонежский – святой XIV столетия, игумен Русской земли.

К Смутному времени Островский обращается не случайно. Со второй половины XIX в. в России начинают нарастать разрушительные процессы. Это заметно по авантюрно-уголовному сюжету, свойственному большинству произведений этого времени: «Преступление и наказание», «Бесы», «На ножах», «Панургово стадо». Наряду с апокалиптическими мотивами литература отразила поиск идеального героя, духовных основ русской жизни.

Образом Козьмы Минина и изображением экзистенциальной ситуации в пьесе «Козьма Захарыч Минин, Суворук» Островский дал свой ответ о дальнейшем пути России и её герое. Смутное время грозило России утратой её идентичности, веры и государственности. Преодолеть Смуту и предательство, как показывает Островский в пьесе, помогает православ-

¹ Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 243.

² Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М.: Правило веры, 2002. С. 17.

ная вера русского человека: «Нам вера православная да церковь дороже всех сокровищ на земле»¹.

Именно она объединяет народ в единое Христово тело. Сюжет защиты Отеческой веры в этой пьесе основной, она «ясносительная и непорочная», порученная Богом русскому народу для её защиты. В исторической драматургии Островский отразил идеалы Святой Руси, идею предназначения русского народа, сформулированную митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» ещё в XI в.: «...мы – народ твой <и> тебя ищем, к тебе припадаем, пред тобою сокрушаемся...»², означающую призвание русского народа быть народом Божиим.

Без этой идеи невозможно существование русского народа и государства. В письме А. А. Григорьеву Островский ответил на вопрос, что подняло Россию на борьбу с иноземной оккупацией и внутренней Смутой: «Подняло Россию в то время не земство, а боязнь костела, и Минин видит в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение»³. Эта строчка из письма Островского передаёт храмовое сознание народа, его восприятие православного храма как символа веры.

Минин у Островского является воплощением судьбы русского героя. Героизм Минина не европейский, не индивидуалистический, а провиденциальный. Для Минина важно понять, что его решимость собрать ополчение благословлена свыше. Если нет Божьего благословения на благое дело, то проку от него не будет, что и происходило с предыдущими ополчениями. А благодать даётся за покаяние. Причины Смуты, как осознают герои Островского,

лежат большей частью не вне России, а внутри неё, сам дух народа болен. Один из героев «Минина» Аксёнов высказывается от всего народа: «Не войска нужно нам, а благодати»⁴.

Есть в Минине что-то ветхозаветное, от библейских героев: Островский сокращает дистанцию между ним и Богом, и вместе с тем он предстаёт как «апостол веры» [9]. Пьесе присуща поэтика героического, мужественного, жертвенного. Показав в «Минине» народные идеалы, его предназначение и единство, в двух других пьесах («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино») Островский сосредотачивается на изображении причин государственной катастрофы России: отступлении от Бога, отвержении его заповедей, умножении корысти и своеволия.

На наш взгляд, историческая драматургия Островского – вершина его творчества, и она невероятно актуальна сейчас. Символично, что историческая драматургия Островского стихотворная. Поэтическим эпилогом к ней выступает весенняя сказка «Снегурочка», утверждающая в форме славянского мифа христианскую идею жертвенной любви. В дальнейшем Островский сосредотачивается на изображении современной ему жизни: от широких, панорамных картин переходит к семейным, портретным, внутренним. Жёсткий взгляд на действительность прорывается в пьесах «Бесприданница», «На всякого мудреца довольно простоты», где не любовь, не чувство руководит движением сюжета, а деньги, карьера, расчёт.

В поздних пьесах Островского мы встречаемся с *поэзией женского сердца* («Горячее сердце», «Сердце не камень», «Без вины виноватые», «Поздняя любовь»). Именно в «женском сердце» ещё сохраняются истоки живого чувства, одухотворённого верой в Бога. Эпос Островского приобретает в последний период яркую лирическую окраску.

¹ Островский А. Н. Козьма Захарьич Минин, Сухорук // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 69.

² Иларион, митр. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы древней Руси: в 15 т. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 55.

³ Островский А. Н. А. А. Григорьеву // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 165.

⁴ Островский А. Н. Козьма Захарьич Минин-Сухорук // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 74.

Парадигма героев Островского

Национально-поэтический масштаб Островского проявляется в созданной им галерее самых разнообразных героев, воплощающих собой тот или иной национальный тип. Уже в пьесе «Свои люди – сочтёмся!» Островский выводит образ *русской свахи* Устиньи Наумовны – кладезя русского слова. Так, Устинья Наумовна на замечание Липочки говорить не «брюле», а «брюнет» отвечает: «Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему! как сказалось, так и живёт»¹.

В знаменитой «бальзаминовской трилогии» образ свахи приобретает совершенные свойства. Сваха Красавина показана как носительница и хранительница русского Разговора. Русские матери и отцы Островского, братья и сестрицы, невесты и женихи – всё, что связано с семейным, родовым началом, помещено внутрь русской речи как внутрь дома. Русская речь Островского при отсутствии идеальных героев в его пьесах персонифицируется и становится носительницей христианского сознания. Именно так происходит в пьесе «Свои люди – сочтёмся!». Самсон Большов – этот русский «Король Лир», как и его английский прототип, отнюдь не идеален. Однако в финале пьесы он прозревает, раскаивается в прежнем мошенничестве, в своём предательстве Бога, клеймя себя именем Иуды. Это даёт ему силы вынести двойное предательство: приказчика Лазаря Подхалюзина, воспитанного им как сына, и своей дочери. Образ Липочки – «новый» по отношению к пушкинской эпохе, хотя и она в начале пьесы сидит у окна «с книгой». К финалу пьесы книга исчезает, что знаменует собой уход героини из мира культуры в мир галантереи с культом денег и вещей. Алимпияда Самсоновна – продукт нового времени, гремучей смеси всего плохого: своего и европейского. Отказавшись от ценностей веры, Алимпияда Самсоновна превращается в безродную мещанку.

¹ Островский А. Н. Свои люди – сочтёмся! // Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 33.

Отказавшись от «жёсткого взгляда» в пьесе «Свои люди – сочтёмся!», в пьесах 1850-х гг. («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется»), Островский создаёт огромное количество героев – коренных русских народных типов, носителей идеальных свойств. Это прежде всего тип *героя-русака*. Он представлен в лице сразу двух героев из пьесы «Не в свои сани не садись»: отца Авдотьи Максимовны – Максима Федотыча Русакова и влюблённого в его дочь приказчика Ивана Петровича Бородкина. Символичны уже сами их имена: фамилия Русаков – олицетворение «русскости», борода в фамилии Бородкина – символ русского православного благочестия мужчины. Отличие между этими двумя героями чисто психологическое и возрастное. Максим Федотыч ближе к тургеневскому Хорю – воплощению деловитости, практицизма, иронии, трезвости. Бородкин ближе к Калинычу – поэтической, непрактичной, мягкой натуре. В обоих Островский передаёт коренные положительные свойства русского человека-христианина: доброту, честность, мужественность, открытость.

В уникальной святочной пьесе Островского «Бедность не порок» русский народный характер показан в его отрицательной (Гордей Торцов) и положительной (Любим Торцов) характеристиках. «Любовность» русской души усиливается образами дочери Торцова – Любви Гордеевны и влюблённого в неё приказчика Мити. Любовь поэтизируется Островским как свойство русского национального характера, способного чудесным образом измениться, перейти от гордыни к прощению, любви. Сама пьеса является широкой картиной русской христианской праздничности, включающей в себя двадцать четыре старинных русских народных песни, среди которых есть и сочинённые Островским. «Бедность не порок» – редкий случай в литературе, послуживший импульсом для другого поэтического творчества: А. А. Григорьев посвятил этой

пьесе вторую, одическую, часть своего шедевра «Искусство и правда» (1854).

Богатство народных типов, причём как мужских, так и женских, представлено в народной драме со счастливым концом «Не так живи, как хочется».

Один из главных героев пьесы Пётр Ильич, московский ухарь-купец, – *тип русского богатыря*. Он увозит в Москву без благословения родителей понравившуюся ему в каком-то городке девушку и женится на ней. Пётр Ильич опережает в своём появлении образ Мити Карамазова – воплощения «России непосредственной», натуры широкой и размашистой от беспутства до святости. В нём тоже «все берега сходятся»: своеволие и покаяние, буйство и смирение. Отец его, Илья Ильич, в другом роде, он *тип русского праведника*, близкий к монашеской святости. Необыкновенны и женские персонажи. Жену Дашу А. В. Дружинин называет типом «воркующей женщины»¹ – кроткой, любящей, верной. В эпитете «воркующая» угадывается народно-поэтический и церковно-книжный образ «голубки», родственный лесковскому образу Натальи – жены Савелия Туберозова. Образ Груши, в которую по наваждению влюбляется Пётр, не в меньшей степени связан с народно-поэтической культурой. Груша соприродна героиням русских сказок. Это образ энергичный, пылкий, с чувством собственного достоинства.

В 1860-е гг. из-под пера Островского появляется трилогия-шутка, объединённая образом Миши Бальзамина – искателя «богатых невест». Герой предстаёт как *тип Иванушки-дурачка*, беззлобного героя, получающего в конце своих поисков то, что искал, – богатую невесту. Богатство Бальзаминов хочет потратить на голубятню, «голубой плащ на бархатной подкладке», «серую лошадь и беговые дрожки», чтобы ездить на них «по Зацепе». Мишу Бальзамина можно отнести к типу героя-русачка, но не лирического, а комического.

Помимо русского разговора, главным героем этой трилогии-шутки является *юмор*, выступающий в самых разных аспектах. В пьесе отразилась способность русского человека посмеяться над собой, над своим несовершенством. Вместе с тем это юмор совершенно беззлобный, сказочно-эпический, народный.

В трилогии о Смуте Островский воплотил *тип русских святых и праведников*: преп. Сергия Радонежского, патриарха Гермогена (Ермогена), Минина – богатырей духа, воспитанных православием. Островский наполнил русскую художественную словесность типами русских подвижников, самородков, деятелей, людей, воплощающих собой Святую Русь. Есть у Островского и типы женской святости, исполненные необыкновенного обаяния, хотя бы образ Марфы Борисовны, «монахини в миру», *благочестивой мирянки*, справедливо сравниваемой исследователями с Улианией Муромской. Это исторически духовный тип, сохранивший на протяжении тысячелетий все свои родовые христианские черты.

В пьесе «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» замечателен *тип русского юродивого*, воплощённого в образе Гриши. Он изображён как высокий поэтический образ.

Герои-русачки, святые и юродивые, исторические подвижники и благочестивые миряне – вот подлинные герои Островского, во многообразии выведенные в его национальном эпосе, воплощающем собой народные идеалы.

Одной из очевидных поэтических вершин Островского является его весенняя сказка «Снегурочка». В самой Снегурочке воплощается *идея жертвенной любви* сродни христианской. Снегурочка отказывается от своей природы ради приобретения дара иноприродного – Любви. Как *тип горячего сердца*, пылкой и любящей русской души в пьесе изображена Купава.

Горячим сердцем в «Грозе» является, конечно же, Катерина Кабанова. Как показывает Островский, измена русского человека Богу настолько трагична, что живое, любя-

¹ Дружинин А. В. Сочинения А. Островского // Lib.ru: [сайт]. http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0080.shtml (дата обращения: 12.01.2023).

щее и чуткое русское сердце не способно её вынести и ищет расплаты за грех. А поскольку сердце человеческое вне Бога немилосердно, это ведёт к самоуничтожению. Причина «конца» Катерины не вне её, не в домашних отношениях, а в ней самой: грех убийственен в особенности для чуткой русской души.

Любовная линия Бориса и Катерины символизирует собой иллюзорные надежды русской героини на другие отношения, которые в силу их незаконности не могут быть спасительными. В авторской ремарке к пьесе говорится: «все лица, кроме Бориса, одеты по-русски»¹. Борис приезжает из Петербурга, он русский европеец, воспитан и образован. Однако он не задушивается, к чему могут привести Катерину эти встречи. Даже Кудряш выговаривает Борису: «Ведь это значит, вы её совсем загубить хотите, Борис Григорьевич!»² В пьесе «Гроза» русская женщина пытается «броситься в объятия» герою-европейцу – и погибает. Русский дом в «Грозе» трещит по швам: старая жизнь отвердела и ожестела, лишилась животворного духа, а новая, внешне соблазнительная, легко устраняющая видимые преграды («ключ от калитки»), ведёт к бездне. Катерина не противопоставлена дому Кабановой, она плоть от плоти этого дома, в котором разучились жалеть друг друга. Катерина тоже думает только о себе и о Борисе. Муж ей становится противен, и она его не жалеет.

Положительным героем драмы является гроза как символ Суда Божия и любви, символ красоты, она несёт обновление дому. Этот авторский взгляд на грозу в пьесе высказывает Кулигин.

Инородной в ряду этих грандиозных эпических пьес выглядит «сатирическая комедия»³ «На всякого мудреца довольно простоты» – одна из «дворянских пьес» Островского. Она интересна нехарактерным

для Островского типом нового героя из русской жизни – образом Глумова, «беззащитного карьериста буржуазного закала»⁴. Как иронически замечает С. Н. Дурылин, Глумов остаётся вместо Чацкого, которого в Москве и «след простыл», но от самого Глумова остаются только его «злость и цинизм»⁵.

В последний период творчества Островский сосредотачивает разговор о проблемах русской жизни в области женского сердца. Именно оно в пьесах «Горячее сердце», «Лес», «Бесприданница», «Сердце не камень», «Поздняя любовь» является хранителем любви и милости. Национально-поэтический эпос Островского лиризуется. Судьба героини в той или иной степени становится воплощением судьбы России.

Заключение

Как видим, драматургия А. Н. Островского предстаёт как национально-поэтический эпос, а сам драматург – как эпический поэт. Подгонка его под «сатирический каркас» анахронична и необъективна. В настоящее время, как никогда, общество нуждается в ясных исторических, народных, религиозных идеалах, показывающих, чем сильна Россия. «Добролюбовская концепция» о России Островского как «тёмном царстве» выхолащивает всё подлинно ценное, вершинное из драматургического наследия Островского. Она была оспорена лучшими критиками ещё в XIX в., но оказалась живуча в силу советской атеистической идеологии. Она враждебна русским христианским идеалам. Само творчество Островского отвечаетработанному на протяжении более чем тысячелетней истории восточнославянской книжности церковно-книжному канону, содержит в себе его атрибутивные свойства: соборность, литургичность, молитвенность, сотериологичность. Оно вероисповедно: А. Н. Островский показывает себя художником-христианином. Именно это свойство ненавистно идеологам без-

¹ Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 202.

² Там же. С. 244.

³ Дурылин С. Н. 80 лет на сцене // На всякого мудреца довольно простоты на сцене Малого театра: сборник. М.; Л.: Искусство, 1948. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 13.

божия, именно поэтому всё лучшее, что создано Островским, до сих пор находится «под спудом» национального образования. Творчество Островского – это поэтическое осмысление исторического пути России, а её трагические странствования отчётливо выявляют идею предназначения – быть народом Божиим. Классическое наследие

Островского в настоящее время обретает невероятную актуальность и нуждается в отмене одиозной позитивистской идеологии в отношении как самого творчества Островского, так и отечественной словесности XIX в.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева А. И. А. Н. Островский – комедиограф. М.: Московский университет, 1981. 216 с.
2. Есаулов И. А. Категория соборности русской литературы. Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1995. 287 с.
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
4. Кашин Н. П. Этюды об Островском: в 2 т. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1912.
5. Коган П. Тёмные лучи в светлом царстве // А. Н. Островский. Литературно-критическая библиотека. М.; Л.: Б. и., 1939. С. 224–227.
6. Левшун Л. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск: Экономпресс, 2001. 352 с.
7. Лобанов М. П. Александр Островский. М.: Молодая гвардия, 1979. 382 с. (Жизнь замечательных людей).
8. Мосалева Г. В. Иконография А. Н. Островского // Мосалева Г. В. Изаграфы русской словесности: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелёв. Ижевск: Удмуртский университет, 2019. С. 16–64.
9. Мосалева Г. В. Семиозис Кремля в хронике А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. В. Т. Захарова. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2011. С. 117–122.
10. Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 296 с.
11. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / пер. Т. Нейчевой. Екатеринбург: Уральский университет, 2010. 315 с.
12. Сахновский В. Г. Влияние театра Островского на русское сценическое искусство // Творчество А. Н. Островского: юбилейный сборник / под ред. С. К. Шамбинаго. М.; П.: Государственное издательство, 1923. С. 220–229.
13. Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011. 512 с.
14. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве»: Историко-филологическое исследование. М.: ЯСК, 2022. 743 с.
15. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1963. 543 с.

REFERENCES

1. Zhuravleva A. I. A. N. Ostrovskii – komediograf [A. N. Ostrovsky – Comedian]. Moscow, Moscow University Publ., 1981. 216 p.
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti russkoi literatury* [The Category of Catholicity of Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publ., 1995. 287 p.
3. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [Conciliarity of the Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p.
4. Kashin N. P. *Etyudy ob Ostrovskom* [Etudes about Ostrovsky]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K° Publ., 1912.
5. Kogan P. [Dark Rays in the Light Kingdom]. In: A. N. Ostrovskii. *Literaturno-kriticheskaya biblioteka* [Literary Critical Library]. Moscow, Leningrad, 1939, pp. 224–227.
6. Levshun L. *Istoriya vostochnoslavjanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov* [The History of the East Slavic Book Word of the XI–XVII centuries]. Minsk, Ekonompress Publ., 2001. 352 p.

7. Lobanov M. P. *Aleksandr Ostrovskii* [Alexander Ostrovsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1979. 382 p.
8. Mosaleva G. V. [Iconography of A. N. Ostrovsky]. In: Mosaleva G. V. *Izografy russkoi slovesnosti: A. N. Ostrovskii, N. S. Leskov, I. S. Shmelev* [Isographs of Russian literature: A. N. Ostrovsky, N. S. Leskov, I. S. Shmelev]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2019, pp. 16–64.
9. Mosaleva G. V. [Semiosis of the Kremlin in the Chronicle of A. N. Ostrovsky “Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk”]. In: Zakharova V. T., ed. *Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti* [Nizhny Novgorod Text of Russian Literature]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Publ., 2011, pp. 117–122.
10. Mosaleva G. V. “Neprochitannyy” A. N. Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii [“Unread” A. N. Ostrovsky: Poet of Iconic Russia]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2014. 296 p.
11. Neichev N. F. M. Dostoevski – Tajnstvenata poetika (Rus. ed.: Neicheva T., transl. *Tainstvennaya poetika F. M. Dostoevskogo*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2010. 315 p.).
12. Sakhnovsky V. G. [The Influence of the Ostrovsky Theater on Russian Stage Art]. In: Shambinago S. K., ed. *Tvorchestvo A. N. Ostrovskogo: yubileinyi sbornik* [Creativity of A. N. Ostrovsky: Anniversary Collection]. Moscow, Peterburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923, pp. 220–229.
13. Uzhankov A. N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoi slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsii* [Historical Poetics of Ancient Russian literature. Genesis of Literary Formations]. Moscow, Literary Institute named after A. M. Gorky Publ., 2011. 512 p.
14. Uzhankov A. N. “Slovo o polku Igoreve”: *Istoriko-filologicheskoe issledovanie* [“The Tale of Igor’s Campaign”: Historical and Philological Research]. Moscow, YASK Publ., 2022. 743 p.
15. Kholodov E. G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ingenuity of Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 543 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мосалева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского госуниверситета;
e-mail: mosalevagv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Mosaleva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the History of the Russian Literature and Theory of Literature, Udmurt State University;
e-mail: mosalevagv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мосалева Г. В. «Русская одиссея» А. Н. Островского (путь исторической России и судьба героя) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 86–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-86-97

FOR CITATION

Mosaleva G. V. “Russian Odyssey” by A. N. Ostrovsky (The Path of Historical Russia and the Fate of the Hero). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 86–97.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-86-97

УДК 82-21 Островский А. Н.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112

ДРАМА «ГРОЗА» А. Н. ОСТРОВСКОГО – ОБЪЕКТ ПОЛЕМИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО С Н. А. ДОБРОЛЮБОВЫМ

Павлова И. Б.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть отношение Толстого к пьесе Островского «Гроза» в её интерпретации основоположником «реальной критики» Добролюбовым.

Процедура и методы. На основании анализа взглядов Толстого на творчество Островского, драму «Гроза», черновых вариантов романа «Анна Каренина», касающихся гибели Катерины, сделаны выводы о возможном отталкивании Толстого не только от пьесы Островского, но и от статей Добролюбова, посвящённых ей, скрытой полемике с критиком.

Результаты. Выбор, сделанный Толстым в пользу одного из вариантов трагического исхода в романе «Анна Каренина», даёт представление о причинах неприятия писателем драмы Островского «Гроза», о его критической оценке демократического крыла русской общественной мысли в лице её главных представителей Добролюбова и Чернышевского. Толстой и Добролюбов по-разному трактовали человеческую натуру, у каждого было собственное понимание эвдемонизма, проблемы добра и зла, взаимоотношений личности и среды, задач литературы. Писатель полемизировал с шестидесятиниками по трём основным направлениям: социальному, этическому, эстетическому, что нашло отражение в ряде его произведений, в том числе в романе «Анна Каренина».

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье освещён вопрос, касающийся полемической позиции Толстого в отношении задач современной литературы, революционно-демократического просветительства 1860-х гг., «реальной критики» Добролюбова, его интерпретации драмы Островского «Гроза», который реализовался как в прямых публицистических высказываниях художника, так и в процессе подготовки романа «Анна Каренина». Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Толстого и истории русской критики, в курсе преподавания истории русской литературы XIX в.

Ключевые слова: драма «Гроза», идейно-художественное противостояние, образ Катерины, статьи Добролюбова

THE DRAMA “THUNDERSTORM” BY A. N. OSTROVSKY AS THE OBJECT OF THE POLEMIC OF L. TOLSTOY WITH N. DOBROLYUBOV

I. Pavlova

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
ul. Povarskaya 25 a, Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract

Aim. We reveal Tolstoy's attitude to Ostrovsky's play “Thunderstorm” in its interpretation by Dobrolyubov, the founder of “real criticism”.

Methodology. Using the analysis of Tolstoy's views on Ostrovsky's work, the drama “Thunderstorm”, and the draft versions of the novel “Anna Karenina” relating to the death of Katerina, we make conclusions that Tolstoy possibly used not only Ostrovsky's play, but also Dobrolyubov's articles dedicated to it and hidden polemic with a critic.

Results. The choice made by Tolstoy in favor of one of the variants of the tragic outcome in the novel "Anna Karenina" gives an idea of the reasons for the writer's rejection of Ostrovsky's drama "Thunderstorm", about his critical assessment of the democratic wing of Russian social thought in the person of its main representatives such as Dobrolyubov and Chernyshevsky. Tolstoy and Dobrolyubov interpreted human nature in their own ways; each had his own understanding of eudmonism, the problem of good and evil, the relationship of the individual and the environment, and the tasks of literature. The writer polemicized with the writers of the mid-18th century in three main directions: social, ethical, and aesthetic, which was reflected in several his works, including in the novel Anna Karenina.

Research implications. The paper discusses the issue of Tolstoy's polemic position in relation to the tasks of modern literature, the revolutionary and democratic education, the "real criticism" of Dobrolyubov, and his interpretation of Ostrovsky's drama the "Thunderstorm", which was realized both in direct journalistic statements of the artist, and in the process of writing the novel "Anna Karenina." The results of the study can be used to further study Tolstoy's work and the history of Russian criticism, as well as in the course of teaching the history of the Russian literature of the 19th century.

Keywords: the drama "Thunderstorm", image of Katerina, articles of Dobrolyubov, ideologically artistic confrontation

Введение

В конце XII главы раннего конспективного наброска романа «Анна Каренина» запечатлены точка невозврата в отношениях героини и её возлюбленного (Татьяны Сергеевны и Ивана Балашова, на тот момент) и последовавший затем суицид в Неве¹.

Почему же Толстой отверг этот вариант самоубийства и избрал для героини гибель на железной дороге? Как многократно отмечали исследователи, железная дорога, по убеждению писателя, устойчивый символ дегуманизации общества, зла современной цивилизации, враждебной благосостоянию народа, растлевающей людей. С ней связано тёмное, греховное, искусительное начало. Этот образ-символ проходит через весь роман. А суицид в реке невольно вызывает ассоциации с гибелью Катерины из драмы А. Н. Островского «Гроза», женщины, несчастной в семейной жизни, изменившей мужу и в порыве отчаяния покончившей с собой. Современные исследователи в основном движутся в русле общепринятых в отечественном литературоведении трактовок образа главной героини драмы Островского. На их взгляд, многие женские образы в творчестве Островского несут нравственно-духовные начала. Драматург

«представляет героинь своих пьес в период острого кризиса и выбора жизненного пути в ситуации выбора между чувством и долгом, между мнимым (или подлинным) покоем и благополучием и собственным счастьем в их представлении» [1, с. 159], а ситуация, в которой оказалась Катерина, которая вместо счастья захлебнулась горем, обусловлена средой [9, с. 240].

Чтобы уяснить вопрос, могло ли возникнуть у Толстого воспоминание о драме «Гроза» в процессе написания приведённого выше эпизода, следует прежде всего рассмотреть, как воспринимал писатель деятельность драматурга, их человеческие контакты.

Толстой познакомился с Островским в 1850-х гг., находился с ним в дружеских отношениях, ценил его эстетические и жизненные суждения, признавал незаурядное дарование, хотя порой высказывал критические замечания о произведениях (например, о драматической хронике «Козьма Захарьич Минин-Сухорук») и творческом развитии художника, что нашло отражение в его письмах. Так, обращаясь к В. П. Боткину 29 января 1857 г., писатель с большой похвалой отзывался о комедиях «Банкрот», «Доходное место», но указал на факторы, которые могут повредить развитию таланта их автора: «Комедия же Островск[ого] по-моему есть лучшее его

¹ Описание рукописи дано в работе Л. Д. Громовой-Опульской «А. С. Пушкин у истоков "Анны Карениной": текстология и поэтика» [2, с. 238, 240].

произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в “Банкруте”, после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников, который пытались выразить Сологубы, Щедрины и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же как и в “Банкруте”, слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом прикащике, как в “Горе от Ума” в Фамусове, так здесь в старом взяточнике Секретаре Юсове. – Это лицо восхитительно. Вся комедия – чудо. Но... ежели бы автор жил не в кружке, а в Божьем мире, это могло бы быть chef-d’œuvre, а теперь есть тяжёлые грустные пятна. – Остр[овский] не шутя гениальный драматический писатель; но он не произведёт ничего вполне гениального, потому что сознание своей гениальности у него перешло свои границы. Это сознание у него уже теперь не сила, двигающая его талант, а убеждение, оправдывающее каждое его движение»¹. О значимости мнения Островского для писателя свидетельствует его письмо к А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г., в котором он привёл слова собрата по литературному цеху относительно своей пьесы антиинигилистической направленности «Заражённое семейство» (1863–1864): «Островский – писатель, к[отор]ого я очень люблю – мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию (к[отор]ую не напечатал) и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Моск[овском] театре до поста. Он говорит: “Куда торопиться, поставь лучше на будущий год”. Я говорю: “Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха”.

– “Ты боишься, что скоро очень поумнеют?”»²

Толстой присутствовал на спектаклях «Доходное место» (1856), «Шутники» (1864), «Горячее сердце» (1869), «Последняя жертва» (1878), посещал постановки, на которых были представлены отрывки из пьес «Лес» (1870), «Волки и овцы» (1875), «Таланты и поклонники» (1882). Он желал привлечь Островского к сотрудничеству в «Посреднике», что явствует из его письма, датированного 22 мая 1886 г., однако скоропостижная смерть драматурга, последовавшая 2 июня того же года, помешала осуществиться этому замыслу в полной мере. В издательстве «Посредник» были напечатаны с разрешения автора две комедии: «Бедность не порок» (1853) и «Не так живи, как хочется» (1854).

Симпатия Толстого к личности Островского оставалась неизменной. По свидетельству Н. Н. Гусева, писатель говорил: «Он мне нравился своей простотой, русским складом жизни, серьёзностью и большим дарованием. Он был самобытным, оригинальным человеком, ни у кого не заискивал, даже в литературном мире»³.

В вариантах к статье «О Шекспире и о драме» (1903–1904) Толстой отмечал: «Современная русская драма, Гоголь, в особенности Островский, в его первых вещах до “Грозы”, глубоко волновали и трогали меня»⁴, далее он упоминал о «восхищении» пьесами Грибоедова, Гоголя, Островского⁵.

Драма «Гроза» (1859; впервые опубликована в «Библиотеке для чтения», 1860, № 1), созданная в преддверии важнейших общественных перемен в России, не получила одобрения Толстого. В письме к Фету от 23 февраля 1860 г. он отрицательно отзывался об этой пьесе и о романе Тургенева «Накануне»: «“Гроза” же есть по-моему плачевное сочинение, а будет иметь успех. Не

¹ Толстой Л. Н. В. П. Боткину // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 156.

² Толстой Л. Н. А. А. Толстой. 1865 г. Ноября 14. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 61. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 115.

³ Гусев Н. Н. Вблизи Толстого // Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Из Ясной поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой – человек. М.: Художественная литература, 1973. С. 20.

⁴ Толстой Л. Н. Варианты к статье «О Шекспире и о драме» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 35. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 558.

⁵ Там же. С. 561.

Островский и не Тургенев виноваты, а время. Теперь долго не родится тот человек, который сделал бы в поэтическом мире то, что сделал Булгарин»¹. Смысл последней фразы разъяснил биограф Толстого Н. Н. Гусев: «В письме к Фету Толстой выступает решительным противником господствующего направления (духа времени, как он его понимал) в этих двух важнейших пунктах: в “разрушении эстетики” (выражение Писарева) и в признании свободы любви»². Гусев указывал, что вскоре после возвращения из Севастополя у Толстого начались споры с представителями круга «Современника» относительно Жорж Санд и её романов. Он резко отвергал проповедь свободной любви, исходившей от писательницы и её сторонников. Со временем позиция Толстого стала ещё более жёсткой. Этому немало способствовало сближение с крестьянским миром, где поведение Катерины могло встретить только всеобщее порицание. «Вместе с тем Толстой считает, что современное направление (“время”) непреодолимо, что нет теперь и в ближайшем будущем не предвидится, таких писателей, которые бы вступили с ним в борьбу. Вступить в борьбу с господствующим направлением мог бы только новый Булгарин, который, по мнению Толстого, ещё не родился и родится не скоро. То, что именно новому презренному Булгарину, а не кому-либо другому Толстой отводит роль борца с господствующим направлением, как будто указывает на то, что Толстой считал это направление прогрессивным, хотя сам и не сочувствовал ему.

Письмо заканчивалось приведённым выше утверждением Толстого о том, что нужно теперь не писание повестей, а нечто совсем “другое”: нужно учить Тараску и Марфутку всему тому, что знаем мы, образованные люди»³.

¹ Толстой Л. Н. А. А. Фету. 1860 г. Февраля 23. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 325.

² Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 360.

³ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 360.

Восприятие Толстым пьесы не изменилось и по прошествии значительного времени. Запись, сделанная в дневнике В. Ф. Лазурского от 21 июля 1894 г., гласит: «Из пьес Островского Лев Николаевич особенно любит “Бедность не порок”, называет её весёлой, сделанной безукоризненно, “без сучка и задоринки”. Хвалёной “Грозы” не понимает; и зачем было изменять жене, и почему нужно ей сочувствовать, тоже не понимает. Жадова находит сделанным слишком по рецепту, “с ярлычком”. Высоко ставит у Островского совершенное знание языка действующих лиц»⁴.

Спектр оценок «Грозы» современниками был весьма широк. Причём литераторы, обладавшие тонким эстетическим вкусом, могли дать прямо противоположные отзывы.

Драма «Гроза». Л. Толстой и Н. Добролюбов

Особое место занимают в русской критике статьи Добролюбова «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве», появившиеся в журнале «Современник»

⁴ Лазурский В. Ф. Дневник // Литературное наследство. № 37–38: Л. Н. Толстой. II. М.: АН РАН СССР, 1939. С. 469.

Следует отметить близость психологического типа героинь Островского и Толстого, Катерины Кабановой и Анны Карениной. Это русские женщины, живущие сердцем, чувствами, склонные к драматизации событий, не всегда способные властвовать собой и побеждаемые обстоятельствами. А эпиграф романа «Мне отмщение, и аз воздам» (Второзаконие, гл. 32, ст. 35) и название драмы – «Гроза» связаны с понятием Высшего суда. Как писал в своей монографии В. Лакшин: «Гроза в пьесе многолика – не только образ душевного переворота, но и страха: наказания, греха, родительского авторитета, людского суда. ... Конечно, это лишь одна грань образа и гроза в пьесе живёт со всей натуральностью природного дива: движется тяжёлыми облаками, ощущается недвижной духотой, разражается громом и молнией и освежающим дождём – и со всем этим в лад идёт состояние подавленности, минуты ужаса принародного раскаяния и потом трагическое освобождение, облегчение в душе Катерины» [5, с. 350–351].

Толстой не затрагивал вопроса о сюжетостроении пьес Островского, в частности драмы «Гроза», которая обнаруживает «центростремительный» принцип композиционной организации, и Катерина является катализатором сюжетобразующей организации пьесы [7, с. 413, 415].

в 1859 и в 1860 гг. и посвящённые пьесам Островского. Деятельность Добролюбова характеризуется твёрдым и последовательным отстаиванием своих эстетических, этических взглядов, общественных идеалов. Ярким примером тому служат эти выступления.

В статье «Луч света в тёмном царстве» критик подчеркнул высокую миссию художника и литературы в развитии человечества, в выражении его естественных стремлений к справедливости и счастью, которые невозможно заглушить. Мерой мастерства писателя и значимости произведения является то, насколько успешно выполнена эта задача. Достоинство пьесы Островского, по мнению автора статьи, заключается в нетрадиционном изображении столкновения долга и страсти, когда не возникает сочувствия к нравственному императиву, согласия с ним. Драма свидетельствует, что назрела необходимость появления новых героев, цельных личностей, стремящихся к свободе, радости бытия, неспособных мириться с произволом. Представителем такого типа русского характера критику представляется Катерина, для которой требование «простора жизни» является естественной необходимостью. Завершение четвёртого явления пятого действия трактуется Добролюбовым как апофеоз драмы: «...конец этот кажется нам отрадным; легко понять почему: в нём дан страшный вызов самодурной силе, он говорит ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долее жить с её насильственными, мертвящими началами. В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведённый до конца, провозглашённый и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина. Она не хочет мириться, не хочет пользоваться жалким прозябаньем, которое ей дают в обмен за её живую душу»¹. Красноречие, искренняя убеждённость в соединении с дидактиз-

мом, литературный талант Добролюбова производят сильное впечатление².

Продумывая судьбу Анны Карениной и её трагический конец, непроизвольно или осознанно Толстой мог отталкиваться не только от произведения Островского, но и от статей Добролюбова, интерпретации критиком характера Катерины, идейного содержания пьесы. В отличие от ситуации с Островским, вероятность знакомства, существования каких-то личных контактов Толстого и Добролюбова минимальна. В 1856 г. в «Современнике» (№№ 8, 9) появилась статья молодого критика «Собеседник любителей русского слова», и началось его сотрудничество с этим изданием. Со следующего года Добролюбов руководил критико-библиографическим отделом журнала, а с 1859 г. вёл в нём сатирический отдел «Свисток». В мае 1860 г. Добролюбов выехал за границу для лечения, а в июле 1861 г. вернулся на родину безнадежно больным и в ноябре скончался. Гипотетически Толстой мог видеть Добролюбова, когда в конце 1856 г. (ноябрь) встречался с членами редакции «Современника» И. И. Панаевым и Н. Г. Чернышевским, с последним он также общался в январе 1857 г. После возвращения из-за границы писатель эпизодически посещал Петербург: был в конце октября у Некрасова, а затем приезжал в столицу в декабре. В феврале 1858 г. Толстой расторг соглашение с «Современником». Нет сведений, что писатель и критик были представлены друг другу. К тому же по складу своей натуры Добролюбов предпочитал сближаться только с людьми, безусловно близкими ему по убеждениям. По свидетельству В. А. Панаева, двоюродного брата И. И. Панаева, хорошо знакомого с редакцией «Современника», Добролюбов был «весьма даровитый молодой человек, но холодный и замкнутый»³.

¹ Добролюбов Н. А. Луч света в тёмном царстве // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 361.

² О вероятности знакомства Островского со статьями Добролюбова, посвящёнными «тёмному царству», см.: [6, с. 192–195].

³ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников // Добролюбов Николай Александрович: [сайт]. URL: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/vospominaniya/dobrolyubov-v-vospominaniyah-sovremennikov/elizavetina-sovremenniki-o-dobrolyubove.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

Упоминания Толстого о Добролюбове крайне редки. У писателя можно найти немало отзывов о таком представителе разночинно-демократического лагеря, как Чернышевский, неприкрытый сарказм в адрес романа «Что делать?» в пьесе «Заражённое семейство», в романе «Анна Каренина», в пьесе «Живой труп», полемично название трактата 1886 г. «Так что же нам делать?» В дневнике от 17 мая 1896 г. Толстой заметил по поводу представителей либеральной и демократической мысли: «Все эти Гр[ановские], Бел[инские], Черн[ышевские], Доброл[юбовы], произведённые в великие люди, должны благодарить правительство и цензуру, без кот[орых] они бы были самыми незаметными фельетонистами. Может быть в них, в Бел[инском], Гран[овском] и др[угих] неизвестных, и было что-нибудь настоящее, но они всё в себе задушили тем, что воображали, что им надо служить обществу в формах обществ[енной] жизни, а не служить Богу исповеданием истины и проповедани[ем] её без всякой заботы об формах обществ[енной] жизни. Было бы содержание, а формы сами собой сложатся. Люди, поступающие так, т. е. своё стремление к истине приурочивающие к существующим формам общества, подобны существу, к[отор]ому даны бы были крылья для того, чтобы летать, не зная препятствий, и к[отор]ое бы употребляло эти крылья для того, чтобы помогать себе ходить. Такое существо не достигло бы своей цели – всякое препятствие остановило бы его и крылья бы испортило. А потом это существо жаловалось бы на то, что его задержали, и с грустью говорило бы (как Грановский), что оно далеко бы пошло, если бы его не задержали препятствия. Свойства истинной духовной деятельности таковы, что её нельзя задержать. Если она задерживается, то это значит только то, что она не настоящая»¹. Косвенная характеристика мировоззренческого типа радикального демократа-

разночинца приведена в воспоминаниях Д. П. Маковицкого, который 14 июля 1906 г. упомянул о посещении писателя студентом Петром Гайдой и о впечатлении, произведённом им на Толстого: на вопрос И. К. Дитерихса, что представляет из себя этот студент, писатель ответил: «Как все студенты: Добролюбов, Чернышевский, Михайловский – он впитал в себя эту премудрость и так ею начинён, что не может воспринять что-нибудь другое. Разумеется, полная самоуверенность»².

Статьи «Тёмное царство» (Современник, 1859, № 7, отд. III, с. 17–78; № 9, отд. III, с. 53–128) и являющаяся её логическим продолжением «Луч света в тёмном царстве» (Современник, 1860, № 10, отд. III, с. 233–292) привлекли к себе пристальное внимание читательской аудитории и не могли быть не замечены Толстым. Их неприятие художником должно было носить принципиальный характер: взгляды Толстого и Добролюбова в области этики и эстетики существенно расходились, мировоззренчески и по своему общественному положению Толстой и Добролюбов были очень далеки друг от друга. Хотя в 1850-е гг. представления писателя о важнейших вопросах искусства, морали, социальной философии ещё проходили фазу становления, исканий, сомнений, отличались неожиданностью, порой эпатажностью, но уже тогда он решительно отторгался от социологизации явлений, утилитаризма, обличительно-сатирического направления, развившегося в русской литературе во второй половине 1850-х гг. А в период написания романов «Война и мир», «Анна Каренина» Толстой предстаёт личностью с самобытным, синкретическим мировоззрением, творцом и сувереном уникальных художественных миров. При этом Толстой и Добролюбов по своему складу – убежденные моралисты, хотя происхождение их морализма различно и масштабы несоизмеримы.

¹ Толстой Л. Н. Дневник 1896 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 53. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 90–91.

² Маковицкий Д. П. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. М.: Наука, 1979. С. 173.

Прежде чем рассмотреть идейно-художественные позиции Толстого и Добролюбова, следует подчеркнуть, что писатель и критик воспринимали и оценивали жизнь в различных познавательных аспектах: один – преимущественно в категориях общественно-политических, другой – в моралистических.

Толстой и Добролюбов обратили особое внимание на фелицитарную проблематику в творчестве драматурга, который обращался к ней на протяжении всего творческого пути [3, с. 134].

Толстой впитал просветительскую телеологию, веру в нравственное усовершенствование общества и человека, уже в юности стал горячим поклонником Руссо, ратовавшего за свободу непосредственного чувства. От женевского мыслителя он воспринял идею природосообразия, взгляды Руссо повлияли на стремление Толстого к самовоспитанию, на его педагогическую деятельность. В дальнейшем нравственно-философские искания привели писателя к Канту, он становится «прямым наследником кантовской традиции абсолютизации морали через установление рационально обусловленной всеобщности нравственного закона» [4, с. 312].

Взгляды Руссо не оставили равнодушным и Добролюбова. Критику импонировал демократизм и гуманизм Руссо, именно с таких позиций он подходил к вопросам педагогики, развития личности, чрезвычайно актуальным в 1860-е гг.. Близки были ему рассуждения Руссо о частной собственности, являющейся основой гражданского общества и вместе с тем причиной неравенства людей, основным источником социального зла. В то же время в работе «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ» (1859) Добролюбов выступает скорее сторонником антропологических взглядов Оуэна, чем Руссо, воззрения которого он называет «розовыми»: «Руссо ... провозгласил, что человек добр и совершенен, выходя из рук природы, а только с течением времени, от привычки к жизни и от общения с людьми, делается злым и порочным. Овэн

говорит: ни то, ни другое. В человеке, при рождении его на свет, нет ни *положительного* зла, ни *положительного* добра, а есть только возможность, способность к тому и другому»¹.

Основой мировоззрения Добролюбова стал антропологический рационализм Л. Фейербаха. Им была усвоена онтология, гносеология немецкого философа, его сенсуализм. Помимо этого, он воспринял взгляды Герцена, европейских социалистов-утопистов. Важное значение приобрела для Добролюбова теория «разумного эгоизма», развиваемая Чернышевским, чья этика в значительной степени испытала влияние Фейербаха, представителя утопического социализма III. Фурье, французских материалистов XVIII в. Согласно установкам утилитаристской теории Чернышевского, эгоизм, естественное желание избежать тягот и страданий и стремление к удовлетворению своих потребностей является движущей силой всех действий людей. Однако выше личного интереса Чернышевский ставил интерес социума, отдавал ему приоритет. Если человек, основываясь на выводах разума, руководствуется этим принципом, его поступки этичны и в соответствии с требованиями общей пользы характеризуются как выражение добра. В основе его антропологического принципа лежало отрицание всякого дуализма, сверхчувственного мира. Человек, в понимании Чернышевского, является частью природы, натура его едина.

Добролюбов видел сущность истории в борьбе людей за удовлетворение их природной, неистребимой жажды лучшей жизни, которую невозможно заглушить. Критик признавал ответственным «порядок вещей» за несовершенство личности. Следуя гуманистической традиции, он представлял, как уже отмечалось выше, что человек предназначен для счастья как высшего блага, – т. е. выступал в эти-

¹ Добролюбов Н. А. Роберт Овэн и его попытки общественных реформ // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 12.

ке горячим сторонником эвдемонизма в трактовке Фейербаха, развёрнутой в сочинении «Эвдемонизм». Немецкий философ доказывал, что в основе всех действий личности лежит побуждение быть счастливым, которое проявляется на уровне инстинктов, определяет её психологию. «Но счастье есть не что иное, как здоровое, нормальное состояние какого-нибудь существа, состояние хорошего здоровья, или благополучия; такое состояние, при котором существо может беспрепятственно удовлетворять и действительно удовлетворяет его индивидуальным, характерным потребностям и стремлениям, относящимся к его сущности и к его жизни» [8, с. 427–428]. Совесть рассматривается им как заместитель счастья другого человека, на основе и по повелению собственного стремления к счастью [8, с. 4]. «...совесть теснейшим образом связана с состраданием и покоится на ощущении или на убеждении в истинности положения: не делай другим того, чего ты не желал бы, чтобы тебе делали другие» [8, с. 465].

В отличие от революционных демократов Толстой представлял человеческую натуру двойственной. Впервые эта мысль зафиксирована им в философском наброске 1847 г.: «...человек состоит из двух различных деятельностей или спос[обностей] желания, одно из которых ограничено и зависимо и приходит от тела и составляет всё то, что мы называем потребностями человека, 2-я деятельность есть способность желания или воля неограниченная, самоопределяющаяся и сама себя удовлетворяющая»¹. В своих произведениях художник показал текучесть психических состояний и различные побуждения, желания, сосуществующие в душах его героев. Чувственное начало, страсти определяют эгоистические, антиобщественные стремления. Однако человек является не только биологическим, но и духовно-нравственным существом, свя-

занным с другими людьми и со всем миром. Чтобы достигнуть гармонии жизни нужно преодолеть индивидуальную волю, которая направляется эгоизмом, отречься от личного блага и стремиться к благу всеобщему. Толстой рано осознал, насколько разлагающим, негативным может быть влияние общества на личность (вопрос в том, насколько ему открылись глубины эмпирического зла). Но на человека, в его представлении, воздействует весь окружающий многообразный мир: история, природа, космос. Следовательно, он должен быть «сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом ... , и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на *тебя*»². Преодоление зла в жизни начинается с работы над своей душой, мыслями и чувствами. Приобщение к нравственной истине открывает возможности к преобразованию своей натуры, ближних, т. е. к всеобщему единению. Человек в понимании Толстого может полностью погрузиться в эгоистическое, животное состояние и оставаться слепым и глухим к высшему миру, нередко может впадать в духовные заблуждения или же устремляться к обновлению, искать пути нравственного преображения.

С эвдемонистической мечтой у Толстого произошла встреча ещё в детстве в форме рассказанной старшим братом истории о «муравейных братьях» и «зелёной палочке».

Что касается зрелого писателя, то стремление людей к счастью признавалось и по-своему обосновывалось им: с одной стороны, это инстинктивная, прирождённая человеку жажда «живой жизни», ощущение ценности каждого её мига, радости существования; Толстой-сенсуалист признаёт важность чувственного познания. С другой стороны, подлинное счастье возможно лишь при условии общего блага, гармонии отношений людей. Оба момента неразрывно связаны между собой. В то же время его тезис «кто счастлив, тот и прав»,

¹ Толстой Л. Н. Отрывок без заглавия // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 234.

² Толстой Л. Н. Тетрадь А. 1847 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 46. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. С. 4.

направленный не только против официального понимания общественного долга и служения, но и против его революционно-демократической трактовки, выглядит парадоксальным и двусмысленным.

Происходивший из духовной среды Добролюбов уже в юности сознательно занял атеистическую позицию: прежде всего это произошло под влиянием фейербахианства, другая причина заключалась, вероятно, в том, что по своей натуре он был склонен к скептицизму. В то же время факторы мировоззренческие совпали с личными: нравственный перелом произошёл в Добролюбове после ранней смерти горячо любимой матери и последовавшей вскоре кончины отца, – юноша не смог принять существование страдания в мире.

До завершения работы над романом «Анна Каренина» Толстой не порывал открыто с канонами православной церкви, хотя его установки на создание собственного этического учения в рационалистическо-просветительском духе проявляются достаточно явно. Он рассматривал страдание как непременную составляющую человеческой жизни и испытывал своих героев отношением к страданию и к смерти. Надо отметить, что у него тоже произошла встреча с Фейербахом, но уже после совершившегося нравственного переворота: писатель проявил интерес к его антропологизму и атеизму. Отвечая Л. Д. Урусову 22 (?) мая 1885 г., который присылал ему выписки, сделанные из работ философа, Толстой отметил, что они «удивительно хороши и сильны». «Как странно, что F[euerbach] известен только как отрицатель»¹. Сочинение Фейербаха «Сущность христианства» (1841) Толстой назвал в числе тех книг, которые были прочитаны им в возрасте от 50 до 63 лет и произвели на него «большое впечатление»².

Эвдемонизм как направление в этике тесно связан с проблемой добра и зла. Для русских революционных демократов зло имело источник социальный. Судьба человека представлялась им детерминированной условиями жизни. «Отстраните пагубные обстоятельства, и быстро просветлеет ум человека и облагородится его характер», – общеизвестная мысль Чернышевского, высказанная в статье о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина. Ранее уже отмечалось, что это убеждение разделял и Добролюбов. Достоевский в статье «Анна Каренина» как факт особого значения, помещённой в «Дневнике писателя» за 1877 г. (июль-август), справедливо указывал на принципиальную разницу позиций романиста и представителей революционно-демократического направления в вопросе о природе зла, вине человека: «В “Анне Карениной” проведён взгляд на виновность и преступность человеческую. Взятые люди в ненормальных условиях. Зло существует прежде них. Захваченные в круговорот лжи, люди совершают преступление и гибнут неотразимо: как видно, мысль на любимейшую и стариннейшую из европейских тем. ... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой и что, наконец, законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственные, что нет и не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и Аз воздам”»³.

Отношение Толстого к «женскому вопросу», трактовка института семьи, взаимоотношений мужчины и женщины, их осмысление вытекали из прирождённых ему свойств натуры, установки на патриархально-родовое начало, из личного

¹ Толстой Л. Н. Кн. Л. Д. Урусову. 1885 г. Мая 22? Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 63. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 250.

² Толстой Л. Н. М. М. Ледерле. 1891 г. Октября 25. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 66. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 68.

³ Достоевский Ф. М. «Анна Каренина» как факт особого значения // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 200–201.

опыта, понятий о нравственном долге, которые питались традициями русской классической литературы, а также благодаря приобщению к народному мирозерцанию. В этом заключается своеобразие его философского морализма, представление о жизненной правде.

Уже в 1850-е гг. он достаточно определённо формулирует свои нравственные позиции, хотя отстаивает их брутально, прямолинейно. Д. В. Григорович вспоминал редакционный обед «Современника», состоявшийся скорее всего 6 февраля 1856 г., на котором Толстой, услышав похвалу новому роману Ж. Занд, «резко объявил себя её ненавистником, прибавив, что героиня её романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам»¹. «У него уже тогда выработался тот своеобразный взгляд на женщин и женский вопрос, который потом выразился с такою яркостью в романе „Анна Каренина“»², – делал заключение мемуарист. Об этом обеде Тургенев сообщал Боткину: «С Толстым я едва не рассорился – нет, брат, невозможно, чтоб необразованность не отозвалась так или иначе. Третьего дня, за обедом у Некрасова, он по поводу Ж. Занд высказал столько пошлостей и грубостей, что нельзя передать»³.

В романе «Анна Каренина» Толстой воплотил мысль о существовании высших нравственных законов, о судьбах пореформенной России и института семьи в новой реальности, о природном и общественном предназначении женщины, хранительницы домашнего очага, матери, воспитательницы детей, продемонстрировал своё понимание любви плотской как разновидности эгоистической любви чело-

века к самому себе, гибельность чувственных страстей.

Когда Лазурский передавал недоумение писателя по поводу «измены жены» и необходимости сочувствия ей в драме «Гроза», то реакция Толстого, который отказывался считать Катерину личностью действительно страдающей, а все обстоятельства её жизни по-настоящему драматическими, а значит, видел конфликт в пьесе искусственным, была обусловлена его позицией моралиста, инстинктом художника, выносившего «мысль семейную».

Следует учесть и отношение писателя к самоубийству. В ряде произведений Толстого герои идут на этот шаг от безысходности или близки к нему, находясь в духовном, жизненном тупике. Не подлежит сомнению сочувствие им автора. Был период, когда самого писателя, который не достиг ещё пятидесяти лет, посещали мысли о суициде (о чём он писал в «Исповеди»). Однако результатом долгого жизненного опыта Толстого явилось убеждение, что самоубийство не приемлемо. Человек имеет на него право, но это неразумно и аморально. Свой взгляд он высказал в письме к З. М. Любочинской от 25 августа 1899 г., использованном в дальнейшем в статье «О безумии» (1910), трактуя этот акт в духе кантовской этики. «Вопрос, стало быть, не о праве человека убивать себя, а только о том, разумно и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадают) делать это? И ответ всегда был и есть один: что это и неразумно и безнравственно»⁴. «Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может только совершенствуясь и совершенствоваться только служа миру»⁵. Такова позиция Толстого-моралиста, пережившего духовный кризис в конце 1870 гг. Для Толстого-художника самоубийство всегда трагично, противоестественно и,

¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. С. 22.

² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Приложения: «Из воспоминаний» В. А. Панаева. М.: Художественная литература, 1987. С. 133.

³ Тургенев И. С. В. П. Боткину. 8 (20) февраля 1856 // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 81.

⁴ Толстой Л. Н. О безумии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 387.

⁵ Толстой Л. Н. З. М. Любочинской. 1899 г. Августа 25. Я. П. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 72. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 175.

безусловно, не может восприниматься как протест.

И вряд ли писатель такого психологического склада пожелал бы реализовать встречающуюся в русской литературе сентиментальную, романтическую коллизию, когда героиня, пережившая любовную драму, в порыве отчаяния бросается в воду (Лиза в «Бедной Лизе» Карамзина, черкешенка из поэмы «Кавказский пленник» Пушкина, Марья Павловна из повести «Затишье» Тургенева).

В области эстетики Добролюбов во многом опирался на работу Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», в определённой степени на наследие Белинского. Сам он создал метод «реальной критики», ряд положений которой был изложен в статьях «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве», «Забитые люди» и др. Применительно к произведениям Островского эта методология давала хороший эффект. В пьесах драматурга передана атмосфера русского мира с его социальными и нравственными конфликтами, показаны взаимоотношения личности и среды, власти обстоятельств, в них звучит сострадание к «маленькому человеку», чрезвычайно ярко реалистически изображена среда, представлены образы самодуров и безответных жертв, «волков» и «овец», страдающих женщин.

В выступлениях Добролюбова на страницах «Современника» активно заявляет о себе публицистическое начало. Свою миссию он видел в том, чтобы быть литературным и социальным просветителем. Критический взгляд на действительность Добролюбов считал наиболее результативным и востребованным современностью. Опираясь на свой метод, он стремился осмыслить те жизненные явления, которые отразились в художественном произведении, уяснить, верны ли действительности изображённые события и образы. Если автор не указывает причин, породивших их, критик обязан высказать собственные соображения по этому поводу, т. е. завершить дело, начатое писателем, и сформулировать приговор изображённой беллетристом

жизни и типам с революционно-демократических позиций. В своих критических разборах Добролюбов делал акцент на неприглядных сторонах реальности, чтобы пробудить в читателе чувство протеста против существующего «порядка вещей», мысль о необходимости принципиального социального переустройства. В статье «Забитые люди» (1861) он сформулировал требования к литературе, противопоставляя творчество писателей сороковых годов произведениям современных литераторов: «Видно, что тогда были другие годы, другие силы, другие идеалы. То было направление живое и действенное, направление истинно гуманическое, не сбитое и не ослабленное разными юридическими и экономическими сентенциями. Тогда к вопросу о том, отчего человек злится или ворует, относились так же, как и к вопросу, зачем он страдает и всего боится: с любовью и болью начинали приниматься за патологическое исследование подобных вопросов, и если бы продолжалось это направление, оно, без сомнения, было бы плодотворнее всех, за ним последовавших»¹.

Спор писателя и критика в интерпретации текста он решал в пользу последнего, поскольку считал, что критик более объективен в силу отстранённости своей позиции. Главное содержание его статей – гуманистический пафос, обличение социальных несовершенств и стремление к преобразению жизни, поиск новых типов. Руководствуясь избранным методом, Добролюбов порой допускал перетолковывание художественных образов и намерений писателя в соответствии со своей идеологической позицией, что неоднократно отмечалось исследователями. Порой критик приходил к таким выводам, которые были шокирующими, неприемлемыми для автора, как произошло со статьей «Когда же придёт настоящий день?» по поводу романа «Накануне», вызвавшей резкую реакцию Тургенева. Хотя

¹ Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 244.

в своём стремлении к учительной роли, в склонности к авторитаризму Добролюбов и Толстой не так уж далеки друг от друга.

Особенностью мышления Добролюбова являлась умозрительность, он, как и Чернышевский, личность «кабинетная». Это объясняется индивидуальными интеллектуальными особенностями Добролюбова и условиями, в которые его поставила судьба. Толстой в 1850-е гг., несмотря на внутренние и внешние метания, уже имел багаж эмпирического опыта, который дали учеба в Казанском университете, служба в канцелярии Тульского губернского ведомства, участие в войне с горцами на Кавказе, служба в Дунайской армии, участие в обороне Севастополя, хозяйственная деятельность в имении, заграничные путешествия по Франции, Швейцарии, Италии, Германии, Англии, Бельгии, увлечение педагогикой и обучение крестьянских детей в Ясной Поляне (1859–1860). Добролюбов в силу своего возраста и житейских обстоятельств не обладал такими реальными знаниями, знакомством с повседневным существованием простого народа, разнообразными впечатлениями: осенью 1853 г. с рекомендацией для поступления в Духовную семинарию он приехал из Саратова в Петербург и в возрасте 17 лет поступил в Главный педагогический институт, с 1856 г. начал литературную деятельность, протекавшую в столице, и только незадолго до ранней кончины познакомился с социальным укладом и культурой Западной Европы.

В статье «Луч света в тёмном царстве» ярко проявились такие установки творчества Добролюбова, как упорная борьба за человеческое достоинство, страстное желание, чтобы в современной ему действительности и в отечественной литературе сформировалась духовно свободная, активная личность, вступающая в борьбу с гнётом среды, обстоятельствами, с общественным злом, способная протянуть руку помощи слабым и угнетённым. Эти упования с особой силой прозвучали в финале его последней критической работы «Забитые люди»: «И вот этим-то людям,

имеющим в себе достаточную долю инициативы, полезно вникнуть в положение дела, полезно знать, что большая часть этих забитых, которых они считали, может быть, пропавшими и умершими нравственно, – всё-таки крепко и глубоко, хотя и затаённо даже для себя самих, хранит в себе живую душу и вечное, неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье»¹. Критик остро ощущал своеобразие поворотного момента в русской жизни, когда вот-вот всколыхнутся её глубины. (Возможно, метафорическое выражение «тёмное царство» является перефразировкой евангельского «власть тьмы», а «луч света» восходит к словам, обращённым к уверовавшим, из стиха 14 пятой главы Евангелия от Матфея: «Вы свет мира» (Мф. 5: 14)).

По убеждению Добролюбова, художественность должна находиться на службе идейного содержания. В этом вопросе его принципиальным оппонентом выступил Достоевский в статье под названием «Г-н – бов и вопрос об искусстве» (1861). В ней писатель рассуждал о том, что общественно-политические, обличительные установки критика и публициста, склонного к теоретизированию, не дают ему возможности осознать и прочувствовать всё многообразие окружающей действительности, её эстетической ипостаси. Тем самым система взглядов Добролюбова на жизнь страдает односторонностью, субъективностью. «Чем познаётся художественность в произведении искусства? Тем, если мы видим согласие, по возможности полное, художественной идеи с той формой, в которую она воплощена»². Достоевский провозгласил высокую роль искусства в мире, выступил против утилитаризма, дидактизма: «...у искусства собственная, цельная, органическая жизнь

¹ Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 275.

² Достоевский Ф. М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 80.

и, следовательно, основные и неизменные законы для этой жизни. ... Потребность красоты и творчества, воплощающего её, – неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете»¹.

В области эстетики Добролюбов во многом опирался на диссертацию Чернышевского, автор которой полагал, что «Сила искусства – сила комментария...»². По его убеждению, «воспроизведение жизни – общий, характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение – объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни»³.

Заключение

Пятидесятые годы для Толстого время эксперимента и напряжённой работы мысли, усвоения впечатлений бытия и в то же время упрямое следование спонтанно возникавшим художественным импульсам. В поисках истины писатель часто двигался интуитивным путём. Как отмечал Б. М. Эйхенбаум, позиция молодого Толстого характеризуется стихийностью: он то сближается, то расходится с Тургеневым, выступает против Чернышевского в содружестве с представителями «эстетической критики» Анненковым, Боткиным, Дружининым, довольно быстро охладевает к «бесценному триумvirату», сближается со славянофилами и разочаровывается в них. «Друзья объясняли это тем, что у него “не сформировалось ещё взгляда на жизнь”»; они были правы, но только в том смысле, что он и *не хотел* сформировывать его в виде тех или иных “убеждений” или “теорий” и предпочитал, разрушая их, смотреть на них “свыше” и пребывать в состоянии

“гармонического колебания” между противоречиями, созная (как и в области “диалектики души”) правоту противоположностей» [10, с. 813].

Художника волнует вопрос о месте человека в мироздании, он стремится рационально и чувственно к постижению основ бытия, апологизирует «живую жизнь», им движет желание передать поэтическими средствами красоту вселенной, Толстой одухотворяет природу, составной частью которой является человеческое существо. В области психогизма он углублён в проблемы духовно-нравственного развития личности, соотносит диалектику процессов, протекающих в действительности и в душе человека. Уже в 1850-е гг. в художественном мире писателя рождаются такие оппозиции, как «война – мир», «природа – цивилизация», «судьба народа – существование привилегированных сословий». Творческая деятельность Толстого с самого начала неразрывно связана с поисками духовного идеала, общечеловеческого единения.

Эстетические принципы, на которые опирался Чернышевский, изложенные в известной диссертации, не стали для него препятствием при оценке «постоянно развивающегося таланта писателя». Он тонко уловил художественность и «чистоту нравственного чувства», которым проникнуты его произведения: «Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого; но зато человек, умеющий понимать истинную красоту, истинную поэзию, видит в графе Толстом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом»⁴.

А в романе «Анна Каренина» социально-философское, нравственное и эстетическое взаимно обогащают друг друга и образуют безупречное гармоническое целое.

¹ Достоевский Ф. М. Г-н – бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 94.

² Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 75.

³ Там же. С. 92.

⁴ Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 92.

Погружение в творческую лабораторию писателя открывает возможности приобщиться к процессу поиска и созидания: от зарождения замысла до его реализации. Так, решение, принятое pro или contra какой-либо ассоциации, сюжетного хода, может многое рассказать о движении авторской мысли, об идейно-эстетических установках художника, о «духе времени», в которое создавалось произведение, притяжениях и отталкиваниях в литературном мире. Выбор, сделанный писателем в пользу одного из вариантов трагического

исхода в романе «Анна Каренина», даёт представление о разнообразии ассоциаций, творческих импульсов, которые возникали у автора при взаимодействии с драмой Островского и «реальной критикой» Добролюбова, свидетельствует о принципиальных разногласиях с демократическим крылом русской общественной мысли по вопросам социальным, этическим, эстетическим.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветелина Л. Г. Проблема нравственного выбора в пьесах А. Н. Островского («Гроза», «Сердце не камень») // Ипатьевский вестник. 2022. № 3 (19). С. 156–171.
2. Громова-Опульская Л. Д. А. С. Пушкин у истоков «Анны Карениной»: текстология и поэтика // Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды. М.: Наука, 2005. С. 236–246.
3. Зайцева Т. Б. «Перспектива мыслей» о счастье в драматургии А. Н. Островского // Libri magistri. 2022. № 1 (19). С. 134–144.
4. Ключова М. Л. Л. Н. Толстой и И. Кант: проблема обоснования морали // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Фундаментальные и прикладные исследования. 2006. Вып. 4 (20). С. 310–312.
5. Лакшин В. А. Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. 568 с.
6. Лакшин В. Об отношении Островского к Добролюбову. (По новым материалам) // Вопросы литературы. 1959. № 2. С. 192–195.
7. Мирзоян А. В. Судьба женщины как сюжетобразующий элемент драматургии А. Н. Островского // Трибуна учёного. 2021. № 5. С. 411–415.
8. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. С. А. Ромашко. М.: Наука, 1995. 502 с.
9. Шалимова Н. А. Островский своими словами, штрихами и красками // Вопросы театра. 2018. № 3–4. С. 10–26.
10. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 952 с.

REFERENCES

1. Vetelina L. G. [The Problem of Moral Choice in the Plays of A. N. Ostrovsky (“Thunderstorm”, “Heart is not a Stone”)]. In: *Ipat'evskii vestnik* [Ipatiev Bulletin], 2022, no. 3 (19), pp. 156–171.
2. Gromova-Opuł'skaya L. D. [A. S. Pushkin at the Origins of Anna Karenina: Textual Criticism and Poetics]. In: Gromova-Opuł'skaya L. D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 236–246.
3. Zaitseva T. B. [The Perspective of Thoughts” about Happiness in the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Libri magistri*, 2022, no. 1 (19), pp. 134–144.
4. Klyuzova M. L. [L. N. Tolstoy and I. Kant: The Problem of Substantiating Morality]. In: *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebiteľ'skoi kooperatsii. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperation. Fundamental and Applied Research], 2006, iss. 4 (20), pp. 310–312.
5. Lakshin V. A. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskii* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 568 p.
6. Lakshin V. [Ostrovsky's Attitude to Dobrolyubov. (Based on New Materials)]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1959, no. 2, pp. 192–195.
7. Mirzoyan A. V. [The Fate of a Woman as a Plot-Forming Element in the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Tribuna uchyonogo* [Tribune of the Scientist], 2021, no. 5, pp. 411–415.

8. Feuerbach L. A. Collected Works (Rus. ed.: Romashko S. A., transl. *Sochineniya. T. 1.* Moscow, Nauka Publ., 1995. 502 p.).
9. Shalimova N. A. [Ostrovsky in His Own Words, Strokes and Colors]. In: *Voprosy teatra* [Problems of the Theater], 2018, no. 3–4, pp. 10–26.
10. Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoi. Issledovaniya* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. 952 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Борисовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: antologia1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina B. Pavlova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: antologia1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Павлова И. Б. Драма «Гроза» А. Н. Островского – объект полемики Л. Н. Толстого с Н. А. Добролюбовым // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 98–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112

FOR CITATION

Pavlova I. B. The Drama “Thunderstorm” by A. N. Ostrovsky as the Object of the Polemic of L. Tolstoy with N. Dobrolyubov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 98–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-98-112

РЕЦЕНЗИИ

**ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ. РЕЦЕНЗИЯ
НА КНИГУ: АВДЕВНИНА О. Ю. СИТУАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В АСПЕКТЕ
ЕЁ СИНТАКСИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ. САРАТОВ:
САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ, 2022. 416 С.**

Елина Е. А.

*Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, Российская Федерация*

**LINGUISTIC PERCEPTION CONCEPTUALIZATION. BOOK REVIEW:
AVDEVNINA O. YU. THE SITUATION OF PERCEPTION IN THE ASPECT
OF ITS SYNTACTIC AND ARTISTIC MODELLING. SARATOV: SARATOV STATE
LAW ACADEMY PUBL., 2022. 416 P.**

E. Yelina

*Saratov State Law Academy
ul. Volskaya 1, Saratov 410056, Russian Federation*

Несколько выразительных эпиграфов, приведённых О. Ю. Авдевной в начале монографии, оказываются очень точным и сущностным введением в проблематику работы и дают определённую установку на направление и круг исследования. Это и лаконичное бахтинское «Человек смотрит глазом, а видит мозгом», и изящный вопрос-утверждение Е. С. Кубряковой о кодировании мира языком: «...какой именно мир он кодирует – мир “как он есть” или мир нашей психики». Конечно же, язык кодирует мир нашей психики, подразумевается ответ, и, конечно же, человек «видит мозгом». Таким образом автор монографии презентует фундаментальную идею когнитивной лингвистики, психолингвистики и в целом антропоцентрического взгляда на язык – непосредственное отражение в языке прежде всего психической деятельности человека на основании его перцепции (восприятия) окружающего мира. Поскольку перцепция – начальный этап общего процесса познания, О. Ю. Авдевина подчёркивает динамический, процессуальный характер языковой концептуализации перцептивной стадии как начального этапа психической деятельности.

Автор ставит и успешно решает задачу исследования, состоящую в анализе синтаксического аспекта языковой концептуализации восприятия. Сам же психологический процесс восприятия, или *ситуация восприятия*, представлен в виде инвариантно-вариативной триады: *субъекта и объекта восприятия* (инвариантные компоненты, константы) и их *перцептивного взаимодействия* (переменный компонент, варьирующий в зависимости от цели, смысла и характера высказывания).

В главе I «Синтаксические модели репрезентации ситуации восприятия», посвящённой исследованию языкового воплощения восприятия, О. Ю. Авдевина убедительно доказывает, что языковой формой выражения субъекта и объекта восприятия выступает прежде всего перцептивный глагол, формирующий центр восприятия. И

это вполне закономерно, поскольку именно глаголом обусловлена процессуальная, динамическая природа восприятия (сюда относятся глаголы, описывающие как пять основных типов ощущений, так и более сложные формы перцепции – активное, целенаправленное, эмоционально-чувственное восприятие). Восприятие вообще определяется здесь как процесс, который, как справедливо пишет автор, «имеет начало, продолжение, завершение, наблюдаемую или скрытую природу, пространственные и временные характеристики, те или иные условия и результаты протекания, сочетание с другими процессами, степень интенсивности, инструменты, причины, цель, источники и т. п. Эти особенности ... получают выражение в синтаксических конструкциях»¹.

В данной главе, посвящённой как лексическим, так и синтаксическим средствам концептуализации перцептивной ситуации, автор выделяет типы безличных конструкций, репрезентирующих психологические модусы субъекта, причём во всех конструкциях используется инфинитив перцептивного глагола: безличные предложения с безличным глаголом; безличные предложения со словами категории состояния; инфинитивные конструкции (*И только раз мне видеть удалось; Мне слышать иногда дано; Досуж мне разбирать...*).

Особый исследовательский интерес О. Ю. Авдевиной направлен на отдельные синтаксические явления, которые обычно не находятся в фокусе внимания исследователей. Это предложения со значением указательности с частицами *вот*, *вон*, словом *это*. Например: *Вот он, здесь, мой белый месяц! Смотри, вон там и звёздочка явилась! А вон другая! Вот уж этот неказистый дом...* и др. Автор даёт, в частности, подробную классификацию типов высказываний с частицей *вот* (номинативно-объектный, объектно-уточняющий,

глагольно-описательный, пространственно-уточняющий, определительно-уточняющий, перцептивно-глагольный, ментально-глагольный, перформативный)². Подобные явления ещё не стали предметом подробного изучения в лингвистической литературе, однако в монографии О. Ю. Авдевиной они детально анализируются с опорой на многочисленные текстовые источники и представляются перспективными для дальнейшего изучения.

Содержание и результаты главы I рецензируемой монографии приводят к логичным промежуточным выводам и подтверждают высказанную в предисловии гипотезу, что проанализированные О. Ю. Авдевиной многочисленные синтаксические конструкции (обширный материал исследования) являются отражением перцептивной ситуации с инвариантными субъектом и объектом восприятия и их вариативным перцептивным взаимодействием.

Глава II «Художественная концептуализация перцептивных процессов» посвящена художественной концептуализации ситуации восприятия. Автор справедливо рассматривает художественный текст как единственный «полигон концептуализации всего разнообразия чувственных, перцептивных впечатлений, которые получает и обрабатывает человеческое сознание»³.

Именно художественный текст воплощает в себе эстетическое познание мира, которое вербально представляет образные перцептивные впечатления в различных ситуациях восприятия. Очень важной считаем мысль автора об эстетическом изображении человека на основе его психических проявлений (при моделировании психических процессов), целью которого является объективация сложной человеческой природы, основанной на дихотомиях: духовное / физиологическое; внутреннее / внешнее; субъективное / объективное. О. Ю. Авдевина размышляет о значении перцептивности в формировании как художественности об-

¹ Авдевина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 28.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 303.

раза, так и его психологичности, что привело к функционированию таких терминов литературоведения и стилистики, как *образ автора, идиостиль, психологическая деталь, лирический герой, чувственный образ* и т. д. Сам же художественный текст, как подчёркивает автор, в своём прозаическом и поэтическом воплощении реализует коммуникативно различные типы речи с различными коммуникативными установками и представляет разные режимы художественного моделирования категории восприятия.

В связи с этим хочется особенно подчеркнуть очень ёмкую и насыщенную выразительными примерами часть второй главы, посвящённую эстетическому моделированию перцепции в творчестве выдающихся русских писателей: Н. В. Гоголя, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, И. С. Шмелёва и др. Мы узнаём, например, каким образом зрительное восприятие, являясь одним из стандартно-базовых форм начальной перцепции, обретает уникальные эстетические черты идиостиля Гоголя: гоголевская поэтика неопределённости, иллюзии и обмана связана именно со зрительным восприятием. Например: *Здесь герой наш поневоле поглядел на него пристально. Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, какие нам с читателем, может быть, никогда не придётся увидеть; но такого он ещё не видывал. (...) никакими средствами нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат. На шее у него было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать.*

В творчестве Л. Н. Андреева автор обнаруживает также обилие перцептивной лексики различных модальностей, формирующей художественный образ: *... после обедни отец Игнатий приходил в гостиную, окидывал одним взглядом пустую клетку., сидел в кресло, закрывал глаза и слушал, как молчит дом... Отец Игнатий с радостью и страхом ловил этот зарождающийся звук и, опершись руками о ручки кресел, вытянув голову вперёд, ждал, когда звук подойдёт к нему.*

О. Ю. Авдевина справедливо утверждает, что моделируемые в художественных произведениях перцептивные впечатления всегда эмоционально окрашены. Светлые эмоции, например, маркируют тему времени, памяти, близких людей, ностальгии по прошлому. Всё это передаётся лексически оформленной чувственностью – через запахи, звуки, прикосновения, образы.

Таким образом, монография объективно обосновывает и представляет целое перцептивное направление художественной стилистики и лингвопоэтики, опирающееся на эстетизацию перцептивной системы. Хочется привести фрагмент высказывания самого автора как наиболее точный и глубокий вывод проведённому исследованию: «Воспроизведение, вербализация ... чувственных впечатлений неизбежно ведут к их эстетизации, которая концентрируется в художественной рефлексии. И если рассуждать о природе художественности, искать критерии и границы эстетического мироощущения, можно, вслед за очень многими исследователями перцептивной семантики, сделать вывод о том, что чувственность маркирует художественность и едва ли не тождественна ей, а художественная категоризация материала чувственных процессов является одним из самых действенных приёмов эстетического моделирования мира и человека»¹.

Необходимо добавить, что монография снабжена удобными и полезными прикладными материалами: тезаурусом с дефинициями основных терминов, таблицей, презентующей ситуацию восприятия в структурно-синтаксическом выражении, а также обширной библиографией и списком литературных источников.

Исследование, предпринятое в рецензируемой монографии на базе репрезентативного литературного материала,

¹ Авдевина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 375.

содержит глубокие теоретические положения, решает научные задачи и приводит к значимым выводам о закономерностях и направлениях отражения перцептивных значений в художественном произведении и в языке в целом. Монография Ольги Юрьевны Авдевной «Ситуация воспри-

ятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования» является фундаментальным научным трудом и послужит ценным подспорьем не только для специалистов в области лингвистики, но и для представителей психологической и литературоведческой школ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елина Евгения Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии; e-mail: Sarelina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elina E. Yelina – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof. of the Department of Russian Language and Professional Communication, Saratov State Law Academy
e-mail: Sarelina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Елина Е. А. Языковая концептуализация восприятия. Рецензия на книгу: Авдевина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 416 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 113–116.

FOR CITATION

Yelina E. E. Linguistic Perception Conceptualization. Book Review: Avdevnina O. Yu. The Situation of Perception in the Aspect of Its Syntactic and Artistic Modelling. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2022. 416 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 113–116.

«ТАМ СВИДИМСЯ ОПЯТЬ...»: ПАМЯТИ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ АНОШКИНОЙ-КАСАТКИНОЙ

3 марта 2023 г. покинула земной мир Вера Николаевна Аношкина.

Вера Николаевна прожила долгую и чрезвычайно насыщенную плодотворную жизнь. Родившись в 1929 г. в г. Саратове, она с отличием закончила историко-филологический факультет Томского государственного университета (1952) и защитила кандидатскую диссертацию (1955). Защита докторской диссертации Веры Николаевны в 1977 г. связана уже с её московским периодом.

Свои первые шаги как университетского преподавателя Вера Николаевна делала в Томском университете с его особой атмосферой «рыцарского отношения к науке»¹. Ценностные ориентиры Вере Николаевне задавали и её родители, которые также были учёными – кандидатами наук (её мать Екатерина Александровна Касаткина (Беляева) занималась русской торжественной одой XVIII в., отец Николай Васильевич Касаткин психологией и философией, творчеством Ф. М. Достоевского). Как вспоминала Вера Николаевна, её отец «говорил всегда только то, что соответствовало его убеждениям и нравственным чувствам, никогда не фальшивил»². Такова была до конца своей земной жизни и сама Вера Николаевна, таково было её отношение к любимому делу. Её трудничество в Томском государственном университете (1952–1962), в Саратовском государственном педагогическом институте (1963–1969), в Мичуринском государственном педагогическом институте (1970–1973), в издательстве «Просвещение» (1973–1978), в нашем университете (1979–2017) всегда было исполнено максимальной самоотдачи и вдохновенного труда, о чём свидетельствуют и результаты её научных исследований, и сонм учеников.

Отношение Веры Николаевны к нашему университету проникнуто особым теплом, в его стенах написаны её основные научные труды, созданы выдержавшие не одно переиздание академические учебники по истории русской литературы XIX в. Она любила факультет и свою родную кафедру, домовый Троицкий храм, для возрождения которого ею были приложены значительные усилия и где 6 марта 2023 г. состоялось её отпевание по православному обряду.

Начиная с 2000-х гг. Вера Николаевна с присущим ей энтузиазмом изучала историю университета (МОПИ имени Н. К. Крупской – МПУ – МГОУ). В 2011 г. она совместно с выпускницей МОПИ имени Н. К. Крупской, профессором кафедры русской классической литературы нашего университета Лидией Георгиевной Ленюшкиной, написала кни-

¹ Канунова Ф. З. Томский период в моей жизни // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 280.

² Аношкина-Касаткина В. Н. Этюд о России-матушке. Размышления и воспоминания. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 36.

гу об истории кафедры, где обратилась и к учебной деятельности, которая существовала в корпусе на ул. Радио 10А «в далёком XIX веке»¹.

Вера Николаевна Аношкина возглавляла кафедру ровно 40 лет – с 1979 по 2009 гг., цифра сколь значимая для человеческой жизни, столь и символическая в библейском понимании. Несколько поколений учёных вырастила Вера Николаевна за это время; однако и после оставления ею административных обязанностей, работая на кафедре в должностном профессора, а затем будучи на покое в кругу своей семьи, она не оставляла своих учеников и всех тех, кто так или иначе оказывался рядом с ней, своей заботой. Её добрые советы, верные пожелания, её интеллигентность и пример человека деятельной жизни, любящего людей и восхищающегося поэзией, вдохновляли на профессиональный рост, на самоотдачу науке и педагогическому труду.

«Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16) – эти евангельские слова точны при характеристике и личности Веры Николаевны, и её деятельности. Она воспитала более 70 кандидатов и докторов наук. А в скольких людях она зародила любовь к слову, сколько людей помнят её лекции по русской литературе – сложно сосчитать! Поэты и священники, учёные и школьные учителя, редакторы и администраторы в научно-образовательной, издательской сферах...

Мимо Веры Николаевны не мог пройти равнодушно ни один человек, которого тревожила вечность. Почему так? Её любимым и самым близким ей поэтом был Фёдор Иванович Тютчев с его вещей душой. Именно такова была и Вера Николаевна – её душа была «жилица двух миров»², она

была здесь, в земном теле, теле, которое отличалось необычной аристократической красотой, но она всегда думала о небе; её волновали «мысли о вечности, о её приметах “здесь”, о надеждах на утешение “там”, за чертой земного бытия»³. Очень точно светлый образ Веры Николаевны передаёт её ученица, когда-то защитившая под её руководством кандидатскую диссертацию, посвящённую поэтам пушкинской плеяды, поэтесса Ирина Геннадьевна Рябий:

Когда о Вас моя молитва,
Мне не отвечает толпа:
Незрима ангелов тропа,
Она с небесной синью слита.

Но ангелом мне были Вы,
Когда пробили час куранты, –
Вели, как вёл Вергилий Данте,
Не слушая людской молвы.

Вот и сейчас идёте Вы
Над пропастью сует и злобы,
Людские сокрушив хворобы,
Слегка касаясь лишь земли⁴.

Написанные ещё при жизни Веры Николаевны, в 2007 г., эти стихи в нашем настоящем приобретают ещё более глубокое и полное звучание. Вера Николаевна подарила этому миру свои книги, свои мысли, свои речи, но в этих речах, мыслях, книгах она передала нам своё знание вечности и тревогу о наших судьбах и судьбах последующих поколений в их определённости к лучшему (небесному) миру.

*Киселева Ирина Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской классической
литературы Государственного
университета просвещения*

¹ Аношкина В. Н., Ленюшкина Л. Г. История и современная жизнь кафедры русской классической литературы. Очерки / под ред. И. А. Киселевой. М.: Московский государственный областной университет, 2011. С. 3.

² Тютчев Ф. И. О вещая душа моя!.. // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 2 /

сост., подгот. текстов, комм. В. Н. Касаткина. М.: Классика, 2003. С. 75.

³ Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 54.

⁴ Рябий И. Г. Обратная перспектива. Курган: Зауралье, 2010. С. 104.

Ниже приводятся высказывания о Вере Николаевне тех, кому дорога память о ней, тех, кто в последние дни её пребывания на земле тревожился о ней сердцем, тех, кто поддерживал её близких при проходах её души в последний путь.

* * *

Ушла из жизни Вера Николаевна Аношкина – выдающийся учёный, педагог, наставник. Вера Николаевна долгие годы вдохновенно и чрезвычайно плодотворно трудилась на благо нашего университета, литературоведения, всего российского образования. Научное наследие Веры Николаевны ещё предстоит проанализировать и осознать, продолжение традиций её просветительского служения свято для нашего университета. Искренние соболезнования родным, близким, коллегам.

*Куликов Дмитрий Александрович,
доктор медицинских наук, проректор по научной работе
Государственного университета просвещения*

* * *

Вера Николаевна оставила яркий след в своей научно-педагогической, профессиональной деятельности. Она воспитала целую плеяду учеников, которые и ныне достойно осуществляют развитие научной школы и её наследия. Мне посчастливилось работать рядом с Верой Николаевной. Доброта души, чуткость, мудрость, внутренняя интеллигентность и в то же время требовательность по отношению к коллегам и ученикам отличали этого замечательного человека. Память о Вере Николаевне навсегда сохранится в моём сердце.

*Фукс Александр Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, директор историко-филологического института
Государственного университета просвещения*

* * *

Вера Николаевна воспитала не одно поколение учителей-словесников и вузовских преподавателей, написала книги, статьи, главы в учебниках о Ф. И. Тютчеве, В. А. Жуковском, К. Н. Батюшкове, Н. И. Гнедиче, А. С. Пушкине, Ф. М. Достоевском и других русских писателях. По инициативе Веры Николаевны и при её активном участии к 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева было подготовлено первое полное собрание его сочинений и писем в шести томах. Веру Николаевну отличали не только широта исследовательских интересов, но и природный талант, прекрасная образованность и огромная эрудиция. Любовь к литературе, тонкое её понимание, блеск, глубина и обаяние мысли на протяжении всей её жизни оказывали постоянное и благотворное влияние на её учеников и коллег. Мы скорбим, но печаль наша светла, поскольку на своём жизненном пути нам посчастливилось встретить такого замечательного человека, как Вера Николаевна Аношкина.

*Джанумов Сейран Акопович,
Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор
Московского городского педагогического университета*

* * *

Вера Николаевна руководила кафедрой русской классической литературы в трудное для нашей страны и системы высшего образования время. Стоял вопрос о том, как не утратить сложившихся за многие годы традиций. Но факультет (как и весь университет)

не только выжил, но и получил дальнейшее развитие, и в этом немалая заслуга таких руководителей, как Вера Николаевна. Замечательный учёный и прекрасный педагог, Вера Николаевна внесла неоценимый вклад в историю факультета. Запомнилась её высочайшая культура в общении с коллегами. Она говорила мягким, тихим голосом, но при этом твёрдо отстаивала свою точку зрения.

*Копосов Лев Феодосьевич,
доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

40 лет общения с Верой Николаевной – это разговоры с разносторонним, глубоким учёным, человеком высочайшей духовности, редкостного трудолюбия, безукоризненной честности.

*Колокольцев Евгений Николаевич,
доктор педагогических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

Незабвенная Вера Николаевна оставила глубокий и добрый след в жизни всех людей, которые когда-либо с ней соприкоснулись. Являясь на протяжении долгих лет председателем диссертационного совета, она блестяще делала обобщения по каждой из представленных диссертаций, а за этим стояли её мудрость, опыт, литературоведческий талант, колоссальная эрудиция и глубокая любовь всей жизни – к литературе. Благородный стиль поведения в этом качестве, высокоинтеллектуальная речь, сердечное отношение к событию защиты и его участникам – трепещущим соискателям, научным руководителям, оппонентам – способствовали созданию особой атмосферы – торжества науки. Ощущение светлого духовного мира Веры Николаевны, удивительного обаяния её многогранной личности, изумление перед глубиной знаний и тонкостью мышления учёного-интеллигента – вот то, что сияющим тёплым ореолом окружает это имя в памяти сердца.

*Леденёва Валентина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

Благодарную память о Вере Николаевне хранить будут все, кто слушал её лекции, писал научные работы под её руководством, защищал диссертации в совете, которым она долгие годы руководила. О Вере Николаевне как крупном учёном будут помнить долгие годы – её труды тому основание. О Вере Николаевне как чудесном обаятельном человеке будут помнить все её ученики, все, кто с ней общался, кто видел её. Хочется, чтобы о ней помнили и как об очень красивой женщине. Стройная, строго, в классическом стиле одетая и причёсанная, она держалась скромно, с достоинством, без желания выделиться, обратить на себя внимание. Её красота была не подвластна возрасту. Идеально правильные черты бледного лица, тонкий овал подбородка на высокой шее. И глаза – серо-голубые, не лучистые, а спокойные, цвета раннего утреннего неба. Глаза Веры Николаевны с годами не тускнели, не меркли. В них были покой и вера. Вера в вечность, куда она отошла.

*Редина Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
Государственного университета просвещения*

* * *

Её живые голубые глаза как будто бы и теперь смотрят на меня из череды воспоминаний. То радостные, весёлые, даже задорные, а то задумчивые и, может быть, немного усталые. Мне кажется, я никогда не видела Веру Николаевну унылой или грустной. Она излучала радость и щедро делилась ею с другими, учила нас искусству понимания и толкования не только литературы, но и жизни, благодарности миру и его Творцу.

*Сытина Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
Государственного университета просвещения*

* * *

Мы все с вами счастливые люди: нам Бог послал на жизненном пути встречу с Верой Николаевной. Протоиерей Сергей Булгаков писал, что каждая встреча не случайна, и считал её духовным касанием. Через Веру Николаевну к нам Красота прикоснулась. И переживать, осмысливать это будем до конца нашей жизни.

*Батурова Татьяна Константиновна,
доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

Мне повезло: я учился у Веры Николаевны в начале 1970-х гг. на литфаке Мичуринского государственного педагогического института. Нам Вера Николаевна читала спецкурс по поэтике русской лирики первой трети XIX в. До этого слушал курсы древнерусской литературы и русской литературы XVIII в. у её матушки – доцента Екатерины Александровны Касаткиной, общение с которой также памятно до сих пор. Вера Николаевна показывала пример трогательной самоотдачи любимому делу: изучению и проповеди русской классики. В жизни Учителя не было ни одного дня, прожитого впустую, без пополнения трудов во славу русской литературы. Страницы книг Веры Николаевны написаны горячо, живым русским языком. В них поднимались вопросы предромантизма, романтизма, реализма, психологизма, но главным центром притяжения для Веры Николаевны была живая личность писателя с непредсказуемой линией творческого саморазвития.

*Андреев Владимир Евгеньевич,
кандидат филологических наук, председатель
Тамбовского регионального Отделения Союза литераторов России*

* * *

Вера Николаевна всегда являла собой образец классического учёного, отдающего себя без остатка служению науке и просвещению в самом широком смысле, она была одной из первых, кто в тяжёлые 90-е годы сумел не только отстоять науку о литературе, но и утвердить новое направление в литературоведении – духовно-нравственный, религиозный подход в изучении художественных текстов. Масштаб личности Веры Николаевны и её вклад в науку и культуру трудно переоценить.

*Шевцова Лариса Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

Вера Николаевна имела нежный голос, который ласково звучит в душе ещё долго и после расставания с его обладательницей. Но при этом удивительным образом чуткость, нежность деликатность сочетались в Вере Николаевне с требовательностью, строгостью по отношению к себе и другим, величайшей ответственностью за все многочисленные грани деятельности: за кафедру, которую возглавляла много лет, за диссертационный совет, за научные проекты по грантам, издательские дела, творческие и квалификационные труды своих учеников и подопечных. Её личность привлекала к себе и увлекала своим ярким темпераментом, искренней доброжелательностью, верностью в следовании православному литературоведческому направлению.

*Алексеева Любовь Фёдоровна,
доктор филологических наук, профессор
Государственного университета просвещения*

* * *

Вера Николаевна Аношкина была замечательным организатором науки, настоящим «учителем учителей». Под её руководством были подготовлены и успешно защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Научная эрудиция и широта мышления Веры Николаевны как учёного позволяли ей чутко улавливать своеобразие чужой мысли, видеть перспективы развития самых разных предлагаемых гипотез, глубоко осознавать внутреннее единство исследовательских парадигм современной литературной науки.

*Алпатова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, доцент
Государственного университета просвещения*

* * *

Быть ученицей Веры Николаевны – большое счастье и большая ответственность. С её именем связано развитие отечественной науки и педагогики. Человек высокой культуры, долга и чести, она явила пример подлинного служения любимой России.

*Шмелёва Анна Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент
Государственного университета просвещения*

* * *

Вера Николаевна – человек исключительного сочетания высочайшего профессионализма с лучшими человеческими качествами: благородством души, чуткостью, самоотверженной любовью к человеку и делу, которому служила многие десятилетия. С уходом Веры Николаевны из жизни трудно смириться, но нет возможности его отменить. Нам остаётся немало: память и наше общее дело, цельный и строго ориентированный на традицию взгляд на русскую литературу как высочайшую культурную ценность, позволяющую сохранять нашу общую национальную идентичность и реализоваться творческой индивидуальности каждого её исследователя.

*Федосеева Татьяна Васильевна,
доктор филологических наук, доцент Рязанского
государственного университета имени С. А. Есенина*

* * *

Вера Николаевна Аношкина – выдающийся литературовед, тонкий, глубокий интерпретатор поэзии Тютчева, талантливый вузовский педагог. Но была в её творческой, научной и педагогической деятельности ещё одна, может быть менее известная, но очень значимая грань таланта. Вера Николаевна была издателем, несколько лет возглавляла редакцию литературы крупнейшего в стране учебно-педагогического издательства «Просвещение». Её работа в значительной степени повлияла на политику издательства. Вера Николаевна активно привлекала к работе над созданием книг для общеобразовательной школы авторитетных в филологии учёных, была инициатором подготовки словарей для учителей и учащихся: «Русские писатели XI–XIX веков», «Русские писатели. XIX век», «Русские писатели. XX век». Её уверенность в том, что для школы должны писать специалисты самого высокого уровня, её собственный научный авторитет, личное обаяние позволили осуществить задуманное. Многие годы редакция литературы продолжала и развивала начатое Верой Николаевной.

Журавлёв Виктор Петрович,

Заслуженный работник культуры, кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, издательство «Просвещение»

* * *

Вера Николаевна покинула этот мир в канун первой недели Великого Поста – недели Торжества Православия. Она и была истинной подвижницей православного Просвещения. Она была и остаётся в числе тех редких людей, чей образ излучает, передаёт в наш мир таинственный невещественный свет – свет истинного Просвещения, который не угасает после ухода каждого такого человека в мир иной, но продолжает сиять в наших душах. Потому и печаль от расставания с Верой Николаевной светлая.

Моторин Александр Васильевич,

доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

* * *

Вера Николаевна всегда много делала для своей семьи, была её опорой, заряжала хорошими чувствами близких. Она передавала всем, с кем общалась, богатый духовный опыт наших предков. Она любила русскую природу, понимала её значение в формировании патриотически настроенной личности. Влияние Веры Николаевны Аношкиной-Касаткиной на отечественную филологию и её ответственный подход к воспитанию подрастающего поколения ощущались не одно десятилетие. Её образ всегда останется в сердцах её близких, и хочется надеяться, что её труды воспитают ещё не одно поколение учителей и учёных.

Коптелов Борис Вячеславович,

кандидат исторических наук, внук В. Н. Аношкиной

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.philologymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ 2023. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.philologymgou.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,75, уч.-изд. л. 9,25.
Подписано в печать: 28.04.2023 г. Дата выхода в свет: 10.05.2023 г. Заказ № 2023/04-03.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А